Л565—
852

1563
852

1565852

Д. КРАМИНОВ

А

ВТОРОЙ ФРОНТ

Записки советского военного корреспондента

Советский писатель · 1948

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
935921

ОТ АВТОРА

В течение долгого времени мне довелось наблюдать военные усилия англо-американских союзников на фронтах второй мировой войны в Западной Европе. Целый год я находился в их армиях на Западе и проделал с ними весь путь от берегов Нормандии до Эльбы.

Предлагаемые записки основаны на дневнике, который я вел день за днем, и на протокольных записях пресс-конференций в штабах армий, армейских групп и в Верховном штабе экспедиционных сил союзников (ШЭЙФе). Корреспонденты получали богатый материал, но возможности его использования в печати часто ограничивались. В этих сообщениях на пресс-конференциях факты сопровождались тенденциозно пропагандистскими замечаниями и наставлениями: штабы обращались через корреспондентов к мировому общественному мнению. В своих записках я старался очистить факты от этой пропаганды и воссоздать правильную картину кампании в Западной Европе, не вдаваясь, однако, в детали военно-оперативного характера. Поскольку война и политика неразделимы, пришлось затронуть частично также и внутреннее положение во Франции, Бельгии и Западной Германии, как оно складывалось тогда под влиянием военно-политической обстановки.

В ПОИСКАХ ВТОРОГО ФРОНТА

I

Во второй половине мая 1943 года капитан британского генерального штаба Стоун, до той поры с назойливой любезностью опекавший меня, неожиданно исчез из Каира. Он покинул отель, где мы жили дверь в дверь, не простившись и не оставив даже клочка бумаги с объяснениями причины своего исчезновения. Это не вязалось с его уравновешенным характером и отменной вежливостью и уже поэтому казалось очень подозрительным. В Каире было тогда не совсем спокойно. Город все еще лихорадило после осады королевского дворца английскими танками: британский посол в Египте лорд Киллерн предъявил королю Фаруку ультиматум: назначить проанглийское правительство Накрас-паши или отречься от престола. Королю давалось пятнадцать минут на размышление и два часа на сборы: самолет, который должен был доставить Фарука в Южную Африку, ожидал его на аэродроме. Король принял ультиматум. Но египетские националисты ответили на это вмешательство во внутренние дела страны выстрелами в английских резидентов и офицеров. Я опасался, что капитан стал одной из жертв этой борьбы.

На другой или третий день после исчезновения Стоуна я отправился к английским военным властям. Столица Египта кишела людьми в союзной военной форме. Тут были англичане, американцы, французы, поляки, югославы, греки, новозеландцы, австралийцы, южноафриканцы, индусы и солдаты многих других национальностей. Они разгуливали по горячим узким улицам старого Каира, собирались в тихих садах за Нилом, шумели в барах, сновали в лодчонках по великой реке. В воскресные дни союзные части выстраивались песчано-зеленоватыми квадратами на раскаленных площадях. Потом колонны приходили в движение. Шотландские оркестранты в коротких юбочках, в тигровых и леопардовых шкурах шествовали впереди. Колонны вливались в прямые, дышащие жаром улицы нового города и заполняли их во всю ширину — от тротуара до тротуара. Многоцветное каирское население в пестрых одеждах жалось к подъездам, забивало балконы, повисало в окнах. Яростно и звонко аплодировало оно сначала оркестру (его тамбур-мажор, ловко жонглирующий великолепной булавой, мог бы украсить любой цирк), затем — отрядам цветных войск...

В английском штабе быстро рассеяли мои опасения. Капитан Стоун, как оказалось, был «схвачен на улице и послан в Алжир по срочному делу». Знакомый офицер, подтрунивая над моими страхами, уверял, что пронемецкие элементы стали теперь значительно тише.

— После Сталинграда, — сказал он, — даже дураки поняли, что немецкая лошадь, на которую кое-кто еще недавно делал ставку, уже ковыляет на трех ногах и до финиша вообще не дойдет...

Провожая меня до двери, офицер осторожно дал понять, что Стоун, возможно, привезет из Алжира приятные вести, и выражал надежду, что скоро московская печать перестанет ругать западных союзников за бездействие.

Капитан вернулся в самом начале июня. Настроен он был радостно и даже торжествующе. Причины его восторга скоро разъяснились. Ему, капитану Стоуну,

довелось видеть в Алжире Черчилля, начальника штаба американской армии генерала Маршалла и начальника британского имперского штаба генерала Брука. Все трое жили в окрестностях Алжира, на вилле командующего союзными войсками в Северной Африке Эйзенхауэра. Союзное верховное командование, по словам Стоуна, теперь, спустя почти полгода после разгрома немцев под Сталинградом, намечало новый курс войны в Европе. Стоун скрытничал, уверял, что больше ему ничего не известно, но наконец не выдержал:

Решено открыть второй фронт в Европе.

Капитан отказался добавить к этому хотя бы слово. Само по себе сообщение о предполагаемом втором фронте не было ни новым, ни неожиданным. После изгнания немецких и итальянских войск из Африки любая операция против держав оси могла развернуться только на территории Европы, в сердце которой лежала «гитлеровская крепость». В Германию вели четыре больших дороги: с востока, откуда Красная Армия, перемолов в ожесточенных сражениях под Москвой и Сталинградом цвет немецкой армии, решительно гнала гитлеровские орды на запад; с юга — через Италию и Балканы; с севера — через Скандинавию; с запада — через Францию. С севера Германию прикрывало море, с юга каменная гряда Альпийских и Балканских гор надежно охраняла фашистское логово. Остался путь через Францию.

За скрытностью Стоуна, думалось мне, ничего не скрывалось. Ведь было совершенно очевидно, что в интересах скорейшего разгрома Германии союзники должны помешать Гитлеру в его намерении собрать войска из всех уголков Европы и снова бросить их против Красной Армии. Союзники должны были помешать попытке немцев в третий и безусловно в последний раз выиграть битву в России. Необходимость открытия второго фронта в Западной Европе диктовалась не только союзными обязательствами, — этого требовал здравый военный смысл и непреклонная логика войны.

Я был так уверен, что вторжение должно начаться со дня на день, что, боясь пропустить это событие, заспешил в Англию.

Накануне отъезда я заглянул в шумный и грязный отель в соседнем переулке, где жили опальные югославские офицеры. Лондонское югославское правительство выгнало их из армии, лишило чинов, орденов, отняло военную пенсию за то, что они потребовали послать их на родину, к Тито, другими словами — за то, что им надоело бездействие и они хотели в рядах партизан драться с немцами. Полковник из английской военной миссии, предложив свое «посредничество», обещал вернуть им все потерянные блага, если они согласятся поехать к Михайловичу. Офицеры решительно отказались. После этого югославские и английские власти в Каире начали обращаться с ними как с дезертирами. Оторванные от родины, изолированные от союзников, офицеры жили очень бедно, голодали, но оставались верными своим убеждениям.

Меня встретил на узкой и грязной лестнице майор Вукотич. Он был высок, широкоплеч, держался прямо, обнаруживая прекрасную выправку профессионального военного. Вукотич избегал политики, он даже газет не читал. Свой выбор он сделал просто: Тито был на одной стороне с Россией, Михайлович же получал деньги от англичан, а путался с немцами. Отец Вукотича, старый, заслуженный генерал, снял военный мундир и бросил саблю, когда Югославия, подталкиваемая Францией и Англией, отошла после первой мировой войны от России. Старик не хотел быть в услужении у французских рантье и лондонских банкиров. Своему сыну он завещал никогда не изменять союзу с великой славянской страной на Востоке: «Без России, — говорил он, — мы рабы алчного Запада, с Россией — мы члены одной могучей славянской семьи».

В его комнате, походившей на шкаф, — такой она была высокой и узкой, — мы застали югославского дипломата, попавшего в немилость за попытку помочь Тито установить связь с союзниками. Как гостю, мне уступили единственный стул. Торопливо и не без волнения рассказал я о своем намерении немедлен-

но уехать в Англию, чтобы не пропустить открытия второго фронта. Вукотич оживился, подбежал к окошку и начал вызывать суданца-мальчишку: надо же отметить такое событие! Дипломат оставался угрюмым. Он не верил в возможность скорого открытия второго фронта.

— Англия, — говорил он, — появится в Западной Европе только тогда, когда надо будет организовывать мир. А мир устраивать пока рано...

До сих пор, действительно, казалось, что правительство Черчилля не хочет или, по меньшей мере, не торопится наносить удар через Ла-Манш. Еще в апреле 1942 года президент Рузвельт предложил Черчиллю произвести диверсию во Франции, чтобы помешать немцам перебросить свои войска из Западной Европы на германо-советский фронт. Было жизненно важно не позволить Гитлеру за счет свежих войск, отдыхавших во Франции, Бельгии и Голландии, возродить боевую мощь потрепанных, обескровленных в России немецких армий. По приказу Рузвельта, генерал Маршалл и личный помощник президента Гарри Гопкинс, прилетев в Лондон, пытались убедить Черчилля и британский генеральный штаб послать в Нормандию хотя бы шесть дивизий, чтобы уже летом 1942 года захватить плацдарм на Шербурском полуострове. Одновременно должна была начаться подготовка к настоящему вторжению во Францию летом 1943 года.

Черчилль и его генералы не возражали против подготовки вторжения в будущем году, но решительно отказались что бы то ни было предпринять летом 1942 года. Они козыряли опасностью «второго Дюнкерка». Это был фальшивый козырь: немцы физически не могли повторить «Дюнкерк», ибо ударные «дюнкеркские» дивизии лежали в далекой земле Подмосковья; их тогдашний командующий Рейхенау не избежал судьбы своих вояк; воздушные силы, устроившие некогда англичанам ад у берегов Франции, основательно поредели после многочисленных встреч с советскими летчиками. Лучшие силы немецкой армии и авиации были накрепко прикованы к полям сражений на Востоке.

Вместо диверсии на Шербурском полуострове Черчилль произвел диверсию в Вашингтоне. Сопровождаемый начальником имперского генерального штаба Бруком, он появился в июне 1942 года в Белом Доме и предложил Рузвельту начать вторжение не в Нормандии, а во Французской Северной Африке. Высадка в Африке, правда, не осложняла военного положения немцев, которые только что начали наступление на Сталинград, но зато сулила принести союзникам большие материальные выгоды. Американские дельцы, давно мечтавшие о широком поле активности на южных берегах Средиземного моря, охотно подхватили предложение британцев. Президент дал согласие на высадку союзных войск в 1942 году не в самой Франции, а во Французской Северной Африке, но при условии, что не будут снижены темпы подготовки к решающему вторжению через Ла-Манш летом 1943 года.

Скоро, однако, обнаружилось, что Черчилль сумел убить двух зайцев: высадка на юге автоматически отменяла подготовку приуроченного к будущему году вторжения в Европу. Военные усилия союзников концентрировались, как того хотел Лондон, в Средиземноморье.

— Подобно тому, как некоторые люди танцуют только от печки, — объяснил мне опальный югославский дипломат, — англичане охотнее всего воюют в Средиземном море или вокруг него. После распада Оттоманской империи едва ли не при каждом серьезном европейском кризисе английские войска появлялись в средиземноморском бассейне, словно по мановению волшебного жезла. Странно, но даже в этой войне, захватившей сначала только Европу, первая наступательная операция англичан была проведена в Азии, вдали от европейских фронтов. Главным противником оказались не немцы, а их слуги — вишийская администрация Ливана. Эта «кампания» не стоила англичанам ничего, но обогатила Британскую империю выгодными позициями в Малой Азии. И теперь они этих позиций не уступят. Вторая операция — второе приобретение. И снова в том же районе: Ливия и Киренаика. И третью операцию они, наверное, начнут

здесь. Может быть, они захотят прибрать к рукам Италию или Балканы...

Дипломат склонялся к последнему. В доказательство он ссылался на то, что югославское королевское и греческое королевское правительства начали переселяться из Лондона в Каир, чтобы быть поближе к месту грядущих событий. Да, конечно, он серьезно сомневался в намерении союзников открыть фронт в Западной Европе, но отговаривать меня от поездки в Англию не решался.

II

Дороги войны утомительны и извилисты. Чтобы попасть на север, я отправился на юг. Мне пришлось совершить перелет через всю Африку. Огромная четырехмоторная лодка «Викинг» за четыре дня перенесла нас из поздней северной весны с ее буйным цветением и щедрым теплом прямо в серую, неприветливую осень южного полушария. Мы разминулись с летом где-то в экваториальных широтах и не заметили, как это случилось: «Викинг» летел на юг на высоте трех-четырех тысяч метров, а лето шествовало на север по опаленной африканской земле.

На борту «Викинга» разместились почти два десятка пассажиров. Они заметно отличались один от другого, несмотря на однообразие военной формы. Со своего места, у переднего окошка, я мог видеть несколько английских офицеров, вежливых, но замкнутых; двух американских штабистов, непрестанно жующих резинку; французского полковника, толстого и, разумеется, добродушного; греческого генерала с черными-пречерными и, как казалось, колючими усами и такими же черными колючими глазками. В дальнем углу самолета расположилась пестрая группа штатских. Их национальность не легко было определить сразу.

Рядом со мной сидел майор штаба 10-й британской армии, необыкновенно длинный и тощий. При каждой попытке встать и выпрямиться он стукался головой об алюминиевый потолок и вслед за этим резко перегибался в поясе, заставляя соседей на мгновение сдер-

живать дыхание: мы боялись, что вот-вот раздастся треск и майор переломится надвое. У него было бледное лицо; под белесыми бровями прятались выцветшие голубоватые глаза. С его сухой и блеклой внешностью не вязался очень живой и общительный нрав. Еще на Ниле, у Каира, откуда мы стартовали ранним погожим утром, майор стал посмеиваться надо мною. Он уверял, что корреспонденты обычно стараются быть подальше от места описываемых ими происшествий, чтобы ничем не сдерживать свою фантазию. Майор обвинил меня в преднамеренном бегстве от событий, назревающих в Средиземноморье. Французский полковник осведомился, не намекает ли майор на возможность открытия второго фронта с юга. Майор улыбался, говоря всем своим видом, что у него не так-то легко выведать военную тайну.

В Кисуму, на озере Виктория, куда мы прилетели к вечеру второго дня, майор, выпив лишнее, вернулся к этому разговору и предложил даже пари, что я прозеваю «самую сенсационную историю» в моей жизни. Австралийский редактор, обнаруженный мною среди штатских, скрепил наше пари. Редактор вздыхал и укоризненно смотрел на меня: он, видимо, тоже был «посвящен» в тайну второго фронта.

Я проиграл пари уже на другой день. «Викинг» стартовал с озера Виктория, когда всходило солнце, и сразу взял курс на Индийский океан. Мы не пролетели еще и половины пути, как вдруг многие из моих спутников обнаружили признаки необычайного волнения. Они вставали со своих мест, возбужденно говорили о чем-то, пожимали друг другу руки. Мы только что миновали гору Килиманджаро. Она проплыла справа, вблизи от нас, сверкая снегами, сквозь которые прорезывались черные скалы. Сидевший напротив меня старый щупленький полковник из английского военного министерства, показывая в окно, прокричал мне в самое ухо:

— Знаменитая Килиманджаро...

Я не знал, чем она, собственно, знаменита, и поэтому, наблюдая общие рукопожатия, решил, что англичане поздравляют друг друга с тем, что видели самую

высокую гору Африки. Но в эту же минуту майор подал мне радиотелеграфный бланк. Взволнованным, прыгающим почерком самолетного радиста на бланке было написано: «Ура! Пантеллерия наша. Союзные войска высадились на итальянской территории!» Редактор пустил в круговую флягу с виски: за второй фронт! Пили все из маленькой, чуть-чуть побольше наперстка, серебряной крышки. В Момбасе, на берегу Индийского океана, пока шли к вокзалу, говорили только о захвате острова Пантеллерия. За обедом снова пили за второй фронт. Старенький полковник расчувствовался после двух стопок виски и пошел вокруг длинного стола пожимать руки американским штабистам и советскому корреспонденту, как союзникам и собратьям по оружию.

— Джентльмены! — провозглашал он. — Джентльмены, мы присутствуем при величайшем событии нашей истории: Запад протягивает руку дружбы и помощи Востоку...

Когда мы возвращались к самолету, майор восторженно говорил о военном значении и предполагаемом техническом совершенстве операции по захвату крупной морской крепости.

— Хотел бы я посмотреть на эту схватку! — воскликал он... Этого же хотели и другие, но, вероятно, никто не желал этого больше, чем корреспондент, проигравший пари.

Мне живо припомнилась вся эта сцена, когда пятнадцать месяцев спустя, в Париже, я прочитал автобиографические «Разговоры» Бенито Муссолини. Говоря о военной славе и военном бесславии, Муссолини привел в качестве примера последнего падение Пантеллерии. Когда союзники предъявили ультиматум, итальянский генерал с опереточным негодованием отверг его. Союзные корабли и самолеты начали бомбардировку фортов. Она продолжалась едва полтора часа, не вызвав почти никаких разрушений. Но командующий крепостью не выдержал и приказал поднять белый флаг. Итальянские потери составили... двое раненых! «Повторяю, — негодовал Муссолини, — двое раненых».

Но вернемся к рассказу.

Поздним вечером того памятного дня мы приземлились в португальском Мозамбике и отправились в гостиницу. Она расположилась на высоком берегу залива, прямо напротив города. С ее веранды был виден залив; разноцветные сигнальные огни отражались в воде. На том берегу лежал Мозамбик с освещенными коридорами улиц. Время от времени яркие светлячки летели из глухой тьмы на огни города: автомашины.

В ожидании ужина мы снова говорили о высадке союзников на итальянской территории. Французский полковник критиковал намерение союзного командования открыть второй фронт в Италии. В прошлой мировой войне он был офицером связи при штабе итальянского главнокомандующего генерала Кадорна. За два года он исколесил Италию вдоль и поперек и поэтому решительно утверждал:

— Более неудачного театра наступательных военных действий, чем Италия, нельзя найти во всем мире, за исключением, может быть, только Сахары и Гималаев.

Потом, словно внезапно вспомнив что-то, полковник воскликнул:

— Впрочем, прошу прощения. Имеется еще худший военный театр. Это — Балканы. Да, да, Балканы в этом отношении хуже Италии. Но самое пикантное — это то, что наши генералы намерены из Италии переправиться на Балканы. Право же, генералы совсем не способны учиться у истории.

— Не вините генералов, сэр, — говорил майор со своей обычной усмешкой. — Помните, что, во-первых, вы сами скоро, видимо, станете генералом, во-вторых, генералы ныне не вольны выбирать театры военных действий. Теперь каждое наступление — не только военное, но и политическое событие. Направление наступления выбирается не генералами, а политиками. А политики меньше всего склонны считаться с географией.

Грек смеялся. Английский полковник сокрушенно и осуждающе качал головой, но нельзя было понять,

кого он осуждает: то ли безвольных генералов, то ли политиков, не уважающих географию, то ли спорящих офицеров. Американцы, задрав ноги на кресла, безмятежно тянули джин.

После ужина англичане отправились на террасу пить кофе с коньяком, мы с французом пошли спать. Дорогой он обещал рассказать мне что-то интересное, но, наверное, забыл и ограничился лишь коротким всеобъемлющим: «Чепуха! Все чепуха!»

Он вспомнил о своем обещании лишь в Бейра, когда в 700 километрах южнее Мозамбика «Викинг» сделал очередную посадку. Пока заправляли самолет, мы расхаживали вдоль набережной и тихо разговаривали. Полковник хотел предупредить меня, чтобы я не слишком переоценивал захват союзниками острова Пантеллерия. Даже сама высадка в Италии, по его словам, не обещала ничего серьезного. Союзники завязнут там, и эта операция не сможет оказать существенного влияния на военное положение в Европе. Механизированные англо-американские армии могут маневрировать только по дорогам. Дорог же в Италии мало, и защищать их, при гористом характере страны, противнику очень легко.

— Почему же союзники лезут туда?

— Кажется мне, — ответил полковник после некоторого раздумья, — что они хотят не столько помочь русским, сколько помешать им добраться до Балкан...

В самый разгар атак союзников на Южную Италию мне довелось встретиться с редактором влиятельной английской газеты в Кэйптауне. Редактор был грузен, двигался медленно, так же медленно, с трудом, говорил. Но в его тоне звучала явная, выпирающая наружу самоуверенность бывалого человека, который очень многое видел и еще больше знает. Во время прошлой мировой войны он командовал ротой в печально знаменитом наступлении Хэйга во Фландрии осенью 1917 года. После окончания кампании он сохранил интерес к военным делам и внимательно следил за ходом второй мировой войны. Его сын, начальник бюро военной информации, только что вер-

нулся из Европы. Поэтому редактор полагал, что отлично знает европейскую обстановку. Он набросал передо мною оптимистическую картину развития событий в Италии. Именуя итальянскую операцию вторым фронтом, редактор говорил:

— Через три-четыре месяца, самое большее через полгода, союзные войска выйдут к Бреннеру, этой ахиллесовой пяте Германии. Немцы бросят все силы на защиту бреннерского прохода. Для этого им придется снять свои дивизии с русского фронта. Вы получите возможность начать свое зимнее наступление. И вот тогда...

Редактору не удалось сказать, что случится тогда. Раздался выстрел пушки: издавна, ровно в 12 часов дня, Кэйптаун чествует «минутой молчания» память погибших в прошлой мировой войне. Вслед за выстрелом пушки прекращается все движение, затихает даже шарканье ног: пешеходы останавливаются, снимая головные уборы; сидящие встают, замолкая. В молчание погружается весь огромный город. В тишине, накаленной южным солнцем, несутся только тягучие звуки горна. Когда замирают и они, в Кэйптауне слышатся лишь медлительные удары колокола, отбивающего часы. С последним, двенадцатым ударом город оживает снова...

Мы возобновили разговор. Но редактор, задумавшись в «минуту молчания», потерял конец фразы. Он ограничился общим, но решительным заверением, что высадка в Италии скоро даст о себе знать и на Восточном фронте, что конец войны недалек.

Но кейптаунский редактор ошибался. Высадка в Италии не ускорила хода войны.

III

Поздней осенью 1943 года, направляясь в Англию, я попал в Гибралтар. Наш транспорт, готовясь уходить, медленно разворачивался в гавани, поднимая со дна ил, бурлящая за кормой вода была густой и черной, как нефть. Пассажиры — солдаты и офицеры — толпились на палубах. На западе, в голых и рыжих

горах Испании, прямо за Алжесирасом садилось солнце. Алжесирас, Ла Линеа и гавань, запруженная судами, покрылись синей тенью. Гибралтарская скала, вздымающаяся над морем, со всеми своими фортами и редким леском на гребне была освещена печальным желтым светом. Лишь окна домов верхнего яруса (дома Гибралтара, прилипшие к голой скале, казались стоящими один на другом) полыхали ярким ровным пламенем.

Кто-то положил руку на мое плечо. Капитан — впрочем, извините, на погонах — корона, значит уже майор — Стоун, побледневший и осунувшийся, смеясь, спрашивал:

— Куда это вы запропастились так надолго?

Некоторое время мы молчали, смотря на гавань, на темнеющие горы Андалузии, на скалу, у подножья которой засветились огни. Море синело, потом начало темнеть и скоро стало иссиня-черным. Впереди нас, на африканском берегу, тянувшемся угольной полоской между морем и зеленоватым небом, заблистала золотая россыпь: кажется, Сеута.

Наш транспорт набирал скорость. И когда гибралтарская скала с ее огнями и шумами отодвинулась в сторону, мы разговорились. Стоун возвращался из Италии. Он наблюдал вторжение в Сицилию, а потом видел начало, развитие и затухание наступления союзников и на самом Аппенинском полуострове. Его впечатления и выводы совсем не походили на радужные надежды, которыми он поразил меня в Каире, после алжирской конференции военных лидеров Англии и Америки.

Союзники атаковали Сицилию ровно через месяц после капитуляции острова Пантеллерия. В Сицилии они, по рассказу майора, встретили еще меньшее сопротивление. Высадка, совершенная в плохую погоду, оказалась настолько неожиданной для итальянцев, что им не оставалось ничего другого, как только поднять руки и сдаться. Итальянские солдаты не хотели сражаться. Они потеряли веру в победу еще задолго до крушения режима Муссолини и капитуляции Италии, осуществленной переходным правительством Бадольо.

В течение трех часов союзники захватили плацдарм вдоль всего побережья длиной более чем в 100 миль. Не встречая сопротивления противника, две союзные армии (7-я американская и 8-я британская) развернулись на острове и устремились вдоль берега: одна — прямо на запад, другая — прямо на восток.

Однако в первый день вторжения высадившиеся войска понесли большие потери... от огня собственного флота, который принял своих за врагов. Особенно значительны были потери воздушных войск союзников. Моряки, осуществлявшие у берегов Сицилии поддержку уже высадившихся войск с моря, встретили воздушную армаду, несущую авиадесантные отряды союзников, таким огнем, что в несколько часов сбили 23 самолета с парашютистами. Союзные корабли не подпускали свои же самолеты к захваченному плацдарму даже днем. Это было тем более удивительно, что итало-германская авиация вообще не появлялась над Сицилией, если не считать единственного налета ночных бомбардировщиков в первую ночь вторжения. Да и тогда противник ограничился лишь сбрасыванием осветительных ракет. В результате дошло до того, что командующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр был вынужден отдать приказ вообще не стрелять по самолетам, пока они не обнаружат «враждебных намерений». Генерал предупреждал, что союзная авиация откажется следовать за наземными и морскими силами, если последние не изменят своему обыкновению — стрелять по любому самолету. Дело в том, что союзные войска не были обучены распознавать английские и американские самолеты, которые отличались большим разнообразием моделей.

Через тридцать девять дней союзники очистили Сицилию от немецких войск. Немцы ухитрились, однако, перетянуть через Мессинский пролив свои отборные части, благополучно ушедшие в свое время из Туниса. Больше того, они сумели перевезти даже их вооружение, включая артиллерию и танки.

На другой день после объявления капитуляции Италии, 9 сентября 1943 года союзники вторглись на

итальянский полуостров. Воздушно-десантные части захватили «каблук» итальянского «сапога» (Таранто — Бриндизи) без единого выстрела: в этом районе немцев не было совсем. 8-я британская армия легко перешагнула пролив и, не встречая сопротивления, углубилась в Калабрию. Несколькими днями позже 5-я американская армия высадилась в заливе Салерно. Вскоре обе армии соединились и, образовав единый фронт, отрезали самый юг Италии. Они медленно двинулись на север, сдерживаемые шестью немецкими дивизиями. Дневное продвижение измерялось сотнями ярдов. Оно было страшно утомительным и дорогостоящим.

В течение первых же недель итальянская кампания поглотила несколько миллионов тонн снаряжения; ее питанием занимался колоссальный флот. Достаточно сказать, что одно только оборудование аэродромов, горючее, снаряжение и боеприпасы для авиации потребовали 300-тысячного тоннажа судов. Более полумиллиона солдат и офицеров, в том числе 35 тысяч летчиков, авиационных механиков и командиров, составляли союзные силы на итальянском фронте.

К концу осени 1943 года союзники оказались перед так называемой «зимней линией» немецкой обороны. Она тянулась через весь полуостров вдоль рек Гарильяно и Сангро в 120 километрах южнее Рима. Немцы рассчитывали удержать эту линию мизерными силами: командующий немецкими войсками в Италии Кессельринг, располагавший 24 дивизиями, использовал против союзников только 10, а 14 дивизий сосредоточил в Северной Италии на случай, если они понадобятся для переброски на восточный фронт или на Балканы.

Следует тут же заметить, что, вопреки заявлениям англо-американских политических и военных лидеров, высадка союзников в Италии не заставила немцев оттянуть с восточного фронта хотя бы одну дивизию. В этом отношении значительно больше пользы принесла югославская народно-освободительная армия, которая временами приковывала к себе до 20—24 вражеских дивизий.

На мой вопрос, что думает майор Стоун о втором фронте теперь, он криво усмехнулся и не без иронии переспросил:

— Вы имеете в виду третий фронт?

Трудно было понять, говорит ли он серьезно или шутит. В то время английские военные обозреватели именовали итальянский фронт вторым. Как рассказывали, даже официальным историографам предлагалось занести итальянскую кампанию в анналы истории под этим звучным именем.

— Нет, я имею в виду настоящий второй фронт, который облегчил бы бремя Красной Армии, — ответил я на вопрос Стоуна.

— А разве итальянский фронт не облегчает его?

Я постарался изложить британскому майору в достаточно вежливой форме все то, что ему и так должно было быть хорошо известно...

За то время, пока союзники теснили противника в Южной Италии, заставив немцев увеличить число своих дивизий на Аппенинах с шести до десяти, но отнюдь не за счет Восточного фронта, Красная Армия выиграла Курскую битву, в которую Гитлер вынужден был бросить огромные силы. Советские войска, развивая наступление, оттеснили германскую армию на правый берег Днепра по всей Украине. Немцы потеряли десятки отборных дивизий, тысячи танков и самолетов. В результате разгрома немцев под Сталинградом и Курском — Орлом у них окончательно и бесповоротно была вырвана инициатива, и Германия превратилась из атакующей в атакуемую.

— Это, конечно, правильно, — говорил Стоун. Но ему хотелось найти хоть какие-нибудь аргументы в защиту эффективности действий союзников. — Однако мы все же добились свержения Муссолини и выхода Италии из войны.

— Разумеется, это большой политический удар по державам оси, — согласился я. — Однако, к сожалению, дело не доведено до конца. Муссолини позволили бежать. Он создал в Северной Италии новое правительство, сформировал армию. Промышленный север находится теперь целиком в немецких руках

и немцы извлекают из него не меньше пользы, чем прежде из всей Италии. И они могут сидеть там столько, сколько захотят...

Майор не отозвался. Мы смотрели во мрак ночи. На далеком испанском берегу желтели редкие огни; они, казалось, подмигивали нам, словно хотели намекнуть, что понимают наше желание уйти в океан втайне от немецких агентов, рыскавших по Испании. Будто чувствуя угрозу, суда конвоя теснее прижимались друг к другу, изредка перекликались короткими, тихими гудками.

После длительного молчания Стоун заговорил снова. Он признал, что итальянский замысел провалился. Итальянская кампания больше истощала союзников, нежели немцев. Союзное командование знало это и начало искать новые пути для нанесения удара по «гитлеровской крепости». С военной точки зрения, кратчайшая дорога в Германию лежала через Францию. Но, к сожалению, некие «политические генералы» диктовали и продолжали диктовать солдатам свою волю.

На мой вопрос, кого он имеет в виду, майор коротко ответил, что я узнаю это сам, когда доберусь до Лондона.

IV

В тот день, когда наш караван, описав огромную дугу вокруг Ирландии, вошел в устье реки Клайд, английское правительство выпустило из тюрьмы Освальда Мосли. У лидера британских гитлеровцев, оказывается, «внушало опасение»... состояние ног. Он, видите ли, мог схватить в тюрьме ревматизм! Поэтому «гуманный» лейбористский министр внутренних дел Моррисон позволил Мосли сменить невзрачную камеру с решеткой на уютный и теплый коттедж, каменный пейзаж тюрьмы — на лоно природы.

Передовое общественное мнение Британии, получив эту пощечину от консервативно-лейбористского правительства, ответило на нее возмущением. Рабочая Англия заволновалась. По стране прокатилась волна

митингов и демонстраций. Кое-где даже вспыхнули кратковременные (15—30 минут) забастовки. Ораторы правящих партий объявили: кто бастует накануне открытия второго фронта, тот наносит удар ножом в спину героическим русским.

— О, они всегда умеют находить хороший довод, чтобы держать нас в упряжке и гнать вперед, — с язвительной усмешкой заметил пожилой человек, сидевший напротив меня. В нем нельзя было не узнать старого рабочего. Он упрямо молчал в течение всего разговора, захватившего пассажиров переполненного купе поезда Глазго — Лондон.

Купе разделилось на два лагеря: противников забастовок и их сторонников, готовых вернуть Мосли в тюрьму любыми средствами. Молчаливый сосед, видимо, решил положить конец этому спору.

— Для протаскивания своих грязных трюков, — говорил он, — они играют на благородстве народа. Тебя ставят перед выбором: либо благослови освобождение Мосли, либо подводи русских. Они знают, что среди жителей хотя бы вот этого «черного района» (кивок в окно), нет ни одного, кто позволит подвести русских.

Поезд, миновав Престон, мчался через манчестерско-ливерпульский промышленный район. Мимо проносились бесконечные рабочие поселки с узкими улочками, без единого кустика. Красный кирпич теснящихся друг к другу домов давно почернел, бурые крыши лоснились после недавнего дождя. Над черным, тоскливым ландшафтом висело низкое грязное небо.

Старик был прав: трудовой люд Англии хотел и давно требовал открытия второго фронта в Западной Европе. Тут сказывалась не только боевая солидарность: лишь второй фронт мог эффективно и быстро снять немецкую угрозу, нависшую черной тучей над Англией. Наконец, передовые английские рабочие понимали, что острие клыков фашистского зверя направлено против народов, а не правящих клик капиталистических стран, которые всегда умели находить общий язык с завоевателями.

Известный английский юрист Мальвин Юз говорил, что борьба фашизма против демократии — это «война черного прошлого против будущего человечества». Простой народ Англии знал, что, помогая разбить гитлеровскую Германию, он помогает будущему выиграть войну у прошлого. Второй фронт в Европе был бы самой реальной, действенной формой такой помощи. На заборах, на домах, даже на мостовых в рабочих районах Лондона, Манчестера, Ливерпуля давно уже появились надписи с требованием открытия второго фронта. На длинном заборе, окружающем железнодорожные пути в Хаммерсмите, красовался лозунг, написанный еще в 1941 году аршинными буквами белой несмываемой краской: «Помогите русским! Уберите мюнхенцев Мур-Барбазона и Мойна из правительства!» [1] В Излингтоне, на грязной стене, что тянется от вокзала Кинг-кросс на север, отчетливо белел более поздний призыв: «Открывайте второй фронт теперь, в 1942 году!» Чаще встречались надписи еще более позднего времени: «Прекратите саботаж второго фронта!», «Не подводите русских!», «Наносите удар на Западе!», «Вылезайте из итальянской грязи, двигайтесь через канал во Францию!» Так можно было по этим надписям восстановить историю борьбы за открытие второго фронта. На заводах и шахтах, в депо и доках прошли тысячи митингов. По всей стране возникли многочисленные комитеты англо-советской дружбы: они организовывали собрания в пользу второго фронта, проводили сборы в фонд медицинской помощи Красной Армии. Движение приняло настолько массовый характер, что реакционная печать начала поход против комитетов, обвиняя их в недостатке патриотизма, в желании диктовать свою волю военным и во всех прочих смертных грехах.

---

[1] Мур-Барбазон, бывший тогда министром авиационной промышленности, высказался против помощи Советскому Союзу, сопроводив свои высказывания антисоветской клеветой. Лорд Мойн, в то время министр транспорта, отказался передать Советскому Союзу торговый флот прибалтийских советских республик, сославшись на то, что английское правительство не признало факт присоединения этих республик к Советскому Союзу.

Старания мюнхенцев пера не увенчались успехом. Но смертельный удар комитетам англо-советской дружбы нанесло правое руководство лейбористской партии: ее исполком, выполняя волю правящего класса Англии, запретил всем лейбористам, под страхом исключения из партии, выступать на собраниях и митингах этих организаций и даже посещать их.

Правящая же верхушка Великобритании не хотела своевременного открытия второго фронта в Западной Европе.

Потребовался энергичный напор со стороны Советского Союза и американского президента, чтобы заставить правительство Черчилля вспомнить о своих обещаниях и союзных обязательствах. На конференции руководителей трех великих союзных держав в Тегеране было наконец решено открыть второй фронт в Западной Европе.

Сначала казалось, что реакционные «политические генералы», о которых говорил майор Стоун, молча проглотили декларацию союзников, выражающую готовность нанести совместный удар по гитлеровской Германии не только с востока и юга, но и с запада. Со страниц газет мюнхенских близнецов — братьев лордов Кемзли и Кемроза раздалось недовольное бурчание, но оно прозвучало глухо и невнятно. Голос одобрения тегеранских решений был настолько мощен, что лишь политические самоубийцы осмеливались открыто выступать против них.

Однако за кулисами политической арены разгорелась ожесточенная борьба. Она вырвалась наружу совершенно неожиданно и в весьма оригинальной форме.

Возвращаясь в Англию после встреч с турецким президентом Иненю, Черчилль заболел воспалением легких и слег в маленьком североафриканском городке Маракеш. Премьеру совсем недавно исполнилось шестьдесят девять лет, это было не первое легочное заболевание в жизни Черчилля, поэтому расчетливые политиканы стали лихорадочно готовиться к возможности появления вакантного места у штурвала страны.

Мюнхенцы решили, что настал удобный момент вылезти из подполья на политическую авансцену. Они стали продвигать к руководству страной старого делового друга и политического соратника Чемберлена — сэра Джона Андерсона в противовес кандидату «умеренных» или «здравомыслящих» консерваторов Антони Идену. Хотя оба кандидата в преемники Черчилля были его близкими друзьями и одного — Андерсона, канцлера казначейства — по традиции именовали «правой рукой премьер-министра», а другого — Идена, министра иностранных дел, — «левой рукой», в их политических взглядах существовало известное различие. Иден осуждал мюнхенскую политику Чемберлена и требовал установления взаимопонимания с Советским Союзом. Андерсон поддерживал Чемберлена, помогал немцам возродить военную промышленность и настаивал на «политике твердой руки» в отношении русских. Иден был активным участником тегеранской конференции и сторонником ее решений. Вокруг Андерсона, наоборот, группировались противники Тегерана. Они требовали в «обмен на военную помощь» предъявить Советскому Союзу «политические условия», в частности — не переходить старых границ Польши, Румынии, прибалтийских республик.

«Проба сил» не состоялась: Черчилль вернулся живым и здоровым. Однако правое крыло консервативной партии, выразителем стремлений которого явился известный «Комитет 1922 года», атаковало Идена за его якобы «слишком мягкое» отношение к русским (в связи с переходом Красной Армией старых границ Польши). Черчилль, как утверждали, готов был тогда пожертвовать Иденом в угоду консервативным зубрам. Лишь опасность осложнить отношения с союзниками удержала Идена на посту министра. К тому же военно-политическая обстановка в Европе далеко не благоприятствовала расцвету активности английских мюнхенцев. По мере продвижения сокрушительного урагана войны с востока на запад, к границам Германии, угасал воинственный пыл реакционных «политических генералов», редело их войско.

На европейской арене появился новый, решающий

фактор. Разгромив летом 1943 года между Орлом и Курском основные силы гитлеровской Германии и очистив в течение осени и зимы всю Украину, Красная Армия вышла к границам Польши, Румынии, подошла к карпатским перевалам. С тигантским прибоем советского наступления сливалась борьба внутренних сил сопротивления в оккупированных немцами странах. Многочисленные и многолюдные партизанские отряды превращались в патриотические партизанские армии. Во Франции, Бельгии, Норвегии, Югославии, Албании, Чехословакии, Греции и Северной Италии эти партизанские армии действовали плечом к плечу с левыми демократическими организациями. Коммунисты, показавшие образец патриотизма и самоотверженности, возглавляли вооруженную борьбу против немцев. «Европейская крепость» Гитлера оказывалась под непосредственным ударом не только извне, но и изнутри. «Гитлеризированную» Европу ожидал последний штурм, подготовленный победами Красной Армии; уже близился полный распад Европы на части, за которым должно было последовать окончательное крушение фашистской Германии.

ЛЮДИ И ЦЕЛИ

I

В середине января 1944 года в окрестностях Лондона опустился быстроходный, но тяжело вооруженный самолет, эскортируемый несколькими истребителями. Из самолета вышел широкоплечий, среднего роста человек в американской военной форме. Знакомясь, он широко улыбался, собирая глубокие морщины у глаз, и говорил: «Эйзенхауэр», хотя отлично понимал, что встречавшие давно знали и ждали его. Только что назначенного главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Западной Европе сопровождал высокий худой авиатор в меховой куртке и рукавицах: Артур Теддер, главный маршал авиации Англии, теперь заместитель главкома.

Прямо с аэродрома Эйзенхауэр и Теддер направились на другую окраину Лондона, где для них был приготовлен целый квартал почти пустых зданий. Частая и надежная цепь военной охраны окружила квартал. Дома стали наполняться английскими и американскими офицерами самых различных родов войск и звания. Вскоре у каждого из них на левом рукаве, почти у самого плеча, появился невиданный до тех пор армейский знак: золотой меч, пылающий на черном фоне, над которым вставала яркая радуга. Это был знак ШЭЙФа — Верховного штаба союзных экспедиционных сил в Европе.

Англичане вообще увлекались символикой: крест с перекрещенными мечами был отличительным знаком 21-й армейской группы; горящий меч на кресте служил символом для 2-й британской армии; дикий кабан — для 30-го корпуса; летящая лошадь — для парашютной дивизии. Американцы предпочитали имена, порою весьма выразительные: «тигр» например, или, еще ярче: «ад на колесах».

Формирование самого штаба оказалось делом более трудным, чем изобретение знака. Между англичанами и американцами вспыхнула ожесточенная борьба за обладание решающими штабными постами. Англичане предложили Эйзенхауэру длинный список заслуженных и опытных офицеров: американцы могли противопоставить им сравнительно немногочисленную группу офицеров, впервые получивших боевое крещение лишь в Северной Африке. Естественно, что в отделах штаба, укомплектованных одинаковым числом английских и американских офицеров, первые заняли ведущее положение. Они имели не только больше орденских ленточек и бронзы на погонах, но и превосходили опытом своих заокеанских коллег.

Англичане сразу же завладели важнейшим отделом Верховного штаба — разведкой. Через лондонские эмигрантские правительства английская разведка создала широчайшую разведывательную сеть во Франции, Бельгии, Голландии. Англичане установили и поддерживали, в основном — в разведывательных целях, связь с внутренними силами сопротивления во всех оккупированных странах. Они снабдили портативными радиостанциями даже отдельные группки партизан, оперирующие в районах дорожных узлов. Используя антигитлеровские настроения интеллигенции, англичане завербовали многих ее представителей на службу своей разведки. Американцы же имели крепкие связи лишь в Германии, где им удалось установить постоянный контакт с начальником германской военной разведки и контрразведки адмиралом Канарисом. Главенствующее положение англичан в разведотделе ШЕЙФа давало им возможность навязывать

Верховному главнокомандующему свой взгляд на военно-политическую обстановку в Европе.

Упорная борьба разгорелась за главенство в отделе так называемых общественных связей, который являлся, в сущности, органом внешней, внеармейской пропаганды верховного командования. Деятельность этого отдела, имевшего свои филиалы при армейских группах, армиях, корпусах, а в американских войсках даже в дивизиях, была весьма многообразна. Служба общественных связей не только заботилась о военных корреспондентах, кинооператорах, фоторепортерах, цензурировала и опекала их. Она сама снабжала корреспондентов, число которых одно время доходило до тысячи, информацией, направляла их перо, пытаясь формировать общественное мнение в нужном командованию духе. Она преподносила мировому общественному мнению войну не такой, какою война действительно была, а такой, какой ее хотело изобразить политическое и военное руководство Англии и Америки.

Союзная печать, инспирируемая службой общественных связей, подняла бешеный крик по поводу мнимых «русских частей» в составе нормандской армии немцев. Шум скоро прекратился: первые сообщения, видите ли, были сильно преувеличены. Никаких русских частей в Нормандии не оказалось; выяснилось другое: немцы, в нарушение международных соглашений и правил войны, принуждали советских военнопленных строить укрепления и вести земляные работы на полях сражений. Но кампания в печати достигла своей цели: читатели стали меньше упрекать союзников за бездействие в Нормандии и реже ставить им в пример войска Белорусского фронта, нанесшие в то время сокрушительный удар по центральной группе немцев на востоке.

Несколько позже, когда Красная Армия, совершив изумительный прыжок, окружила и разгромила немцев под Минском, союзная печать по сигналу той же службы начала трубить, что немцы отступают на Восточном фронте по доброй воле. Цифры немецких потерь, опубликованные командованием Красной Армии, отвергались этой печатью на том «основании»,

что англо-американским корреспондентам в Советском Союзе не предоставлена возможность пересчитывать немецкие трупы или немецких пленных. Она перестала пережевывать эти цифры только после того, как пленных фрицев провели по улицам Москвы.

Зимою 1944—1945 года пропагандисты службы общественных связей пытались объяснить силу немецкого удара в Арденнах «преднамеренным затишьем» на Восточном фронте, утверждая, что это якобы дало возможность германскому командованию сосредоточить все свои свободные войска против западных союзников. Газеты открыто обвиняли Россию в невыполнении союзных обязательств, требовали немедленно бросить советские армии в наступление на Восточном фронте. Эта демагогия преследовала явную цель дискредитировать советского союзника, ибо англо-американское командование хорошо знало дату предстоявшего советского зимнего наступления.

Сначала англичанам удалось захватить отдел общественных связей, помещавшийся, между прочим, в здании английского министерства информации, на Малет-стрит. Однако после того как американцы с удивлением начали узнавать из мировой печати, что в Нормандии воюют лишь одни англичане, а боевые части Соединенных Штатов в лучшем случае только бездельничают, а в худшем — даже просто мешают Монтгомери, они поняли свою оплошность. И вот, когда ШЭЙФ переехал в Париж, американцы перехитрили англичан: им удалось оставить почти весь английский штат отдела общественных связей в Лондоне. Теперь уже британцы жаловались, что их коллеги рекламируют только свои победы, рассказывая миру лишь об английских поражениях и неудачах. Союзные офицеры и корреспонденты, с которыми я оказался в нейМегенском окружении, в Голландии, договаривались даже до того, что объявляли о проигрыше Англией войны... в мировом общественном мнении.

Руководящий и офицерский состав службы общественных связей вербовался среди пропагандистов, журналистов и рекламных работников. Они отличались не только умением «поймать и подать» новость,

но и хорошим знанием политики своих стран и психологии обывательских масс. То в замаскированной, то в открытой форме они навязывали миллионам читателей и зрителей взгляды, оценки и пожелания командования и политического руководства. Военные корреспонденты, не говоря уже о кинооператорах и фоторепортерах, были послушными орудиями этой пропаганды, хотя и сохраняли видимость самостоятельности. Порою они критиковали того или иного генерала — чаще всего за его политические курбеты, — но это случалось редко и диктовалось обычно партийными соображениями владельца газеты.

Борьба за ведущее положение в отделе «психологической войны», занимавшемся пропагандой среди населения освобожденных стран и стран противника, продолжалась до переезда ШЭЙФа в Париж. Сначала англичане задавали тон: в их распоряжении находилась мощная система радиостанций Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си). Европейское вещание Би-Би-Си возглавлял тот самый Айвон Киркпатрик, который в свое время сопровождал Чемберлена в его паломнических полетах к Гитлеру и встречал Гесса в Шотландии. Киркпатрик был полновластным контролером всей пропаганды, предназначавшейся для континента Европы. Американские «психологические воины» находились целиком в его руках.

Однако уже осенью 1944 года в «психологической войне» ясно определились два фронта. На одном фронте, предназначенном для Франции и Люксембурга, господствовали американцы. Они вели пропаганду из Парижа. Другой фронт, рассчитанный на Бельгию и Голландию, возглавлялся англичанами в Брюсселе. Да и в отношении пропаганды для Германии американцы, имея в своих руках мощную радиостанцию Люксембурга, стали независимы от Би-Би-Си. Англичане попытались поставить радиостанцию Люксембурга под совместный англо-американский контроль. Американцы отказались от этого.

Хотя в оперативном отделе ШЭЙФа число англичан почти равнялось числу американцев, их влияние там было доминирующим. Опираясь на сведения и ана-

лизы разведки, находящейся в английских руках, они разрабатывали операции с учетом английского опыта (американцы его ведь не имели), проводили английскую тактику и пытались, в конечном счете, навязать командованию английскую стратегию.

Генерал Эйзенхауэр, назначенный командующим европейскими союзными силами благодаря рекомендации англичан, получил известность в начале войны как специалист по танкам и сторонник предельной механизации армии. Однако пост главкома достался ему совсем по другим причинам: генерал умел находить компромисс даже там, где он представлялся невозможным. Он был терпелив, тактичен, щедр на комплименты. В ШЭЙФе генерал покорил британцев, объявив в первые же дни, что все американские офицеры, которые не чувствуют склонности сработаться с английскими коллегами, должны немедленно подать прошение об освобождении от штабной работы.

Генерал считался человеком мягкого характера, хотя это не мешало ему быть требовательным и порою очень жестким со своими подчиненными. Во время итальянской кампании, когда генерал Паттон, раздраженный каким-то непочтительным, но правильным замечанием раненого солдата, ударил того по лицу, Эйзенхауэр поставил перед Паттоном выбор: публично извиниться или подать в отставку.

В политических делах Эйзенхауэр следовал указаниям своего советника Мэрфи, прославившегося сделкой с Дарланом и вишийской администрацией в Северной Африке. Мэрфи держал курс на сближение с Ватиканом и католическими партиями в освобожденных странах, рассчитывая с их помощью создать противовес заметному полевению народных масс.

Командующими отдельными родами войск были назначены три англичанина. Первое место среди них безусловно занимал командующий наземными силами генерал Бернард Монтгомери. В фигуре этого единовластного начальника миллионной сухопутной армии не было ничего воинственного. Одевался Монтгомери в вязаную кофту или свитер, с прорезами для погон, и носил гофрированные бархатные брюки. На нем

красовался обычно черный танкистский берет. Монтгомери более походил на скромного деревенского учителя, нежели на генерала. Он любил выступать, но говорил просто, без ораторских жестов, рассаживал слушателей так, чтобы они были поближе к нему. Это создавало атмосферу искренности.

Командующий морскими силами союзников адмирал Кэннингхэм и командующий воздушными силами главный маршал авиации Ли Мэлорри не оставили заметного следа в развитии войны в Западной Европе. Кэннингхэм ограничил поле своей деятельности узко тактическими задачами, и его военно-морские силы играли чисто вспомогательную роль. Мэллори был лишь бледной тенью командующего английской бомбардировочной авиацией Гарриса, прозванного «бомбером», то есть бомбящим. Гаррис и его помощники возмечтали выиграть войну с воздуха. Трудно сказать, вбил ли эту идею в головы авиаторов Черчилль или, наоборот, но только тут определенно существовало полное единомыслие между премьером и людьми Гарриса. Мастер на красивые фразы, Черчилль снабдил воздушное командование магической формулой: «Выбомбить Германию из войны». По настоянию авиаторов, подхваченному Черчиллем, английское правительство стало создавать огромный воздушный флот, послав в него почти два миллиона человек, то есть в три раза больше, чем в наземные войска. В период подготовки к открытию второго фронта правительство получило проект сухопутных генералов увеличить мизерную английскую армию за счет сокращения непомерно раздувшегося воздушного флота. Однако правительство предпочло другой путь: были призваны дополнительные сто тысяч из промышленности, транспорта и торговли.

Воздушный флот не «выбомбил» Германию из войны: военно-промышленный потенциал гитлеровской третьей империи начал падать с момента крушения сателлитов Германии — Румынии, Болгарии, Венгрии, падение ускорилось с занятием Красной Армией польских промышленных районов и Верхней Силезии; промышленность Западной Германии осталась почти не-

тронутой до самого конца войны. Авиаторы, с благословения Черчилля, лишь затянули войну в Европе по меньшей мере на несколько месяцев. Осенью 1944 года Монтгомери, оправдывая бездействие своих армий, уверял, что союзникам нет необходимости спешить: Гаррис обещал ему сравнивать с землей три немецких города в неделю.

Над этой командной пятеркой поднималась плотная фигура Черчилля, который давил не только на английских помощников Эйзенхауэра, но и на самого главкома. Это давление продолжалось до конца войны, хотя с переездом ШЭЙФа в Париж (Версаль) оно заметно уменьшилось. Только после осенней драки между ШЭЙФом и штабом 21-й группы, возглавляемой генералом Монтгомери, английские офицеры перестали хвастать, что Черчилль «формирует войну» в Европе.

II

Ранней весной 1944 года для всех живших тогда в Англии стало ясно, что наконец-то Верховный штаб союзных сил в Западной Европе взялся всерьез за подготовку открытия второго фронта. Каждый погожий день армады «летающих крепостей», «ланкастеров» и «галифаксов», сверкая на солнце, как капли ртути, проходили над Лондоном, направляясь на юг. В марте началось движение войск. Подобно приливу, войсковые соединения, накапливавшиеся в течение нескольких месяцев в Шотландии и северной Англии, медленно покатились с севера на юг. Огромное пространство между Лондоном и Бристолем, Бирмингемом и Портсмутом было превращено в зону концентрации. Здесь собирались армии вторжения.

Соединенные Штаты прислали из-за океана более полутора миллионов человек. Американцы расположились со своими аэродромами и танкодромами, стрельбищами и артиллерийскими полигонами в южной и западной Англии. Несколько тысяч американских самолетов уже бомбили Германию и оккупированные страны: американцы летали днем, англичане — ночью. Вокруг частей, получивших боевое крещение в Аф

рике и Италии, формировались новые американские армии: первая армия генерала Брэдли, третья — генерала Паттона, несколько позже девятая — генерала Симпсона, а еще позднее — пятнадцатая армия. Войска были полностью механизированы: на всем западноевропейском фронте у союзников не было ни одной лошади. Американские и английские войска основательно перевооружились, ибо опыт показал, что их тяжелое вооружение (танки, артиллерия, противотанковые пушки, минометы) хуже немецкого.

Англия сумела дать только одну армию для операций в Западной Европе. Все английские сухопутные силы насчитывали 650 тысяч человек, не включая сюда, конечно, войск британских доминионов и колоний. Ядро новой армии составили части, дравшиеся с немцами в Африке и Италии. Командующим, по рекомендации Монтгомери, был назначен его бывший начальник штаба генерал Демпси.

Канадские войска, действовавшие до тех пор в составе британских соединений, образовали канадскую армию. Во главе ее стал генерал Крерар.

Отобранные ШЭЙФом штурмовые дивизии (три американские, две английские и одна канадская), избрав себе для тренировки подходящие участки английского берега, без устали репетировали атаки с моря днем и ночью, на рассвете и в сумерках: искали наиболее благоприятное для вторжения время суток. Они шествовали через волчьи ямы и рвы, пробирались сквозь проволоку, штурмовали доты, карабкались через стены. Они хотели быть готовыми к штурму любой обороны, какая сможет встретить их на вражеских берегах.

С ироническим сожалением офицеры штурмовых дивизий жаловались на то, что ни высадка в Африке, ни операции в Италии не увеличили их опыта: и в первом и во втором случае союзники просто высадились на материк, а не вторглись на него. Во Франции они не рассчитывали на столь легкий успех, поэтому сами валились с ног от усталости и солдат морили бесконечными упражнениями.

Во время этих тренировочных занятий английским

инженерам удалось изобрести чрезвычайно простое, дешевое приспособление, которое сообщало плавучесть обыкновенным сухопутным танкам. Они снабдили танк большим водонепроницаемым брезентовым кузовом с открытым верхом. Кузов образовывал своего рода нос, борта и корму «судна», основанием которого служил сам танк. Стенки «судна» поднимались и опускались, подобно кузову фаэтона. (Позже такие «плавучие танки» стали известны под именем «танков Решающего дня» — дня вторжения.)

Одновременно ШЭЙФ усиленно тренировал три парашютные дивизии. Собственно говоря, эти дивизии не были строго парашютными, ибо основная масса их бойцов доставлялась к местам высадки планерами. Планеры были построены весьма оригинально: они распадались на несколько частей при ударе о землю или по желанию пилота. Парашютисты оказывались либо на земле, либо в воздухе и были гарантированы от опасной необходимости рваться к дверям планера в случае пожара или неудачной посадки.

Маневры штурмовых и парашютных дивизий проводились почти открыто. Было физически невозможно скрыть от населения, а следовательно и от немцев («дипломаты» Франко свободно двигались по стране, а в соседнем Дублине сидело германское посольство), концентрацию и подготовку войск. Союзное командование и не пыталось совершать втайне от сторонних наблюдателей свои приготовления. ШЕЙФ хотел скрыть от немцев только одно: «где и когда!»

Это удалось вполне, хотя, как признался однажды генерал Эйзенхауэр, целых двадцать две тысячи человек знали секрет. После разоблачения связей начальника германской военной разведки и контрразведки адмирала Канариса с американцами и уничтожения его группы в штабе германских вооруженных сил союзники немедленно ликвидировали немецкую разведывательную сеть в Англии. Германское командование оказалось без ушей и глаз как раз в период самой активной подготовки к открытию второго фронта. Вместе с тем разрыв всех обычных путей дипломатической связи нейтральных посольств и мис-

сий в Лондоне со своими странами затруднил немцам получение информации из Англии через нейтралов и франкистскую Испанию.

Союзная разведка попыталась обмануть немцев, создав впечатление, что вторжение во Францию будет осуществлено через пролив Па де Кале, между Дюнкерком и Дьеппом. Канадские войска, проведшие рейд на Дьепп летом 1942 года и долгое время разведывавшие берег в этом районе, концентрировались в графстве Кент, расположенном вдоль пролива. Канадцы постепенно подвигались ближе к берегу, их перемещение производилось только ночью, но «рассеянные» саперы «забывали» на самых видных местах дорожные знаки канадских дивизий, указывающие на юг. В портах — Дувре, Фолкстоне, Диле и других — секретно и поспешно строились причалы для посадки войск и погрузки тяжелого вооружения. Но постройка причалов маскировалась не настолько тщательно, чтобы противник, засевший в скалах французского берега, не мог ничего видеть.

Немцы попались на эту удочку. Германское командование, как признался год спустя пленный фельдмаршал Рундштедт, тогдашний гитлеровский главнокомандующий на Западе, ожидало на берегу Па де Кале основного удара союзников. Когда же союзники высадились в Нормандии, немцы решили, что здесь будет нанесен вспомогательный удар. Они ждали союзников из-за пролива до тех пор, пока англо-канадские войска не пересекли Сену и не устремились к этому берегу с юга. Дьепп был занят 31 августа 1944 года, Гавр — 19 сентября. Немецкий гарнизон Кале сдался без боя. Лишь Дюнкерк, окруженный союзниками, оставался в немецких руках до крушения Германии.

В то же время союзники постарались накрепко закрыть небо над настоящим районом концентрации материалов и войск вторжения. Вся южная Англия была разбита на три пояса: голубой — самый южный и наиболее важный — в нем сосредоточивались штурмовые дивизии и их вооружение; затем шел зеленый пояс, создававший непосредственный тыл, и, наконец,

желтый пояс. Почти все средства противовоздушной обороны были брошены в голубую зону. Туда послали даже лондонских пожарных. Немцы, случайно обнаружив это, возобновили налеты на Лондон. Несколько ночей кряду город был освещен заревом пожаров. Но воздушных пиратов обуздали, и Лондон снова обрел относительный покой, которым он наслаждался с начала мая 1941 года.

Воздушное прикрытие зоны концентрации усиливалось по мере приближения даты вторжения. Союзное командование не позволяло немцам заглянуть за занавес.

После многочисленных амфибийных упражнений, проведенных в Шотландии, в северной Англии и Уэллсе, 4 мая состоялась генеральная репетиция вторжения. Войска были посажены на суда еще второго мая. Там они оставались около полутора суток; командование проверяло последствия возможного в ходе операции долгого пребывания солдат на судах. Поздно ночью десантные транспорты вышли в море, где они встретили свой конвой, который, кстати сказать, не смог уберечь конвоируемый флот от нападения немецких торпедных катеров: коротким налетом противник пустил ко дну несколько транспортов. На рассвете 4 мая войска высадились на английском берегу. Было много путаницы, обнаружилось много неполадок, несогласованности. Солдаты и офицеры обвиняли генералов в неспособности организовать вторжение и руководить им. Генералы, в свою очередь, утверждали, что войска ничему не научились, что чем больше они тренируются, тем хуже у них идет дело.

Переучивать было некогда: согласованная дата вторжения и без того уже отодвигалась на целый месяц вперед — с первых чисел мая на начало июня.

Союзное командование больше не могло медлить. Его беспокоили сообщения разведки с французского берега, где немцы вели подготовку к обстрелу Лондона самолетами-снарядами (летающими бомбами, как их звали англичане). ШЕЙФ опасался, что этот обстрел помешает высадке во Франции. За «летающими

бомбами» разведка предсказывала появление ракет-снарядов, а за ними мерещилась и атомная бомба, на лихорадочные поиски которой немцы мобилизовали ученых всей Европы. Союзная авиация безостановочно бомбила гнезда самолетов-снарядов, чтобы задержать немцев. Угрозу, однако, могло полностью устранить только открытие второго фронта.

План вторжения был давно уже разработан плановой группой английского военного министерства. Американский вариант детализировали специалисты военного департамента США, работавшие сначала в Вашингтоне, а затем в Лондоне. План обсуждали много-много раз. Одних только совещаний, посвященных планированию вторжения, было проведено 147.

В мае у генерала Эйзенхауэра состоялось последнее совещание, посвященное началу наступления. Эйзенхауэр ознакомил собравшихся с метеопрогнозом и разведывательными данными, потом предложил каждому высказать свое мнение. Выслушав участников совещания, генерал попросил всех удалиться: он хотел принять решение единолично.

Вторжение на европейский континент было назначено на 5 июня 1944 года.

III

Пресс-кэмп [1] 21-й армейской группы, которая наносила первый удар, находился тогда в южной Англии, недалеко от тихого старого городка Винчестера. Корреспондентов разместили в старом помещичьем доме с колоннадой. Он стоял на высоком холме, окруженный многовековым парком. Штаб группы позаботился о нашем транспорте, о питании и даже... о винах и виски. Эта заботливость штабов о военных корреспондентах сопровождала нас от Лондона до Эльбы: нам отводились лучшие помещения, военные власти обеспечивали журналистов питанием, а их машины — горючим даже тогда, когда части испытывали недо-

[1] Пресс-кэмп, то есть «лагерь прессы», — корреспондентская группа вместе с обслуживающим персоналом и офицерами связи.

статок в снабжении. Командование с самого начала стремилось умаслить прессу, ибо она давала генералам рекламу, а реклама — это слава, слава же — блестящая карьера с сопровождающими ее благами.

Командующий группой Монтгомери понял важность хороших взаимоотношений с прессой.

Расположив журналистов к себе, Монтгомери, очевидно, рассчитывал дирижировать их мощным хором через начальника своей «службы общественных связей» бригадира Невиля.

Это был пожилой, лысый человек, очень вялый и какой-то рыхлый. Это чувствовалось и в его обмякшей фигуре, и в круглом, невыразительном лице, и в толстых, безвольно расплывшихся губах, даже в жестах, медленных и неуверенных. На фронте, помимо газет и агентств Британии и британских доминионов, была представлена печать СССР, Америки, Франции, Чехословакии, Польши, Бразилии. Роль дирижера этого многонационального корреспондентского хора казалась порою явно не по его силам.

После провала английского наступления на Кан бригадир задумал умерить критический холодок, повеявший со страниц мировой печати. Пытаясь отвести критику от Монтгомери, Невиль обвинил корреспондентов в том, что они якобы хотят очернить перед лицом всего мира британского «томми», совершенно незаслуженно приписывая ему не то неспособность, не то нежелание сражаться с немцами.

Журналисты потребовали назвать корреспондента или газету, которая порочит британского солдата. Припертый к стене, бригадир стал мямлить, что его неправильно поняли. Новозеландец Аллан Мурхэд, работающий для газет Бивербрука, тут же зачитал стенограмму сердитой речи Невиля. Тогда бригадир начал уверять, что он, видите ли, сам не понял Монтгомери. Корреспонденты, угрюмо выслушавшие выговор, зашумели. Австралиец Монсон предложил бригадиру немедленно отправиться к командующему группой и узнать, чего он хочет от корреспондентов: обвинение в попытках опорочить британского солдата решительно отвергалось.

— Может быть, томми действительно не способен или не хочет воевать, — кричал Монсон, — но я-то, чорт побери, не писал этого.

Корреспонденты предъявили Невилю для передачи генералу Монтгомери своеобразный ультиматум: снять несправедливое обвинение. Они пригрозили покинуть фронт. Обвинение поспешно сняли, командующий пригласил журналистов к себе, чтобы рассеять «недоразумение».

Первым помощником Невиля был полковник Тафтон. Английские корреспонденты утверждали, что он попал на пост начальника «службы общественных связей» 2-й британской армии по протекции реакционных приятелей из военного министерства. Левые газеты Англии осудили назначение Тафтона на этот пропагандистский пост. Но военное министерство долго и упрямо огрызалось, не желая сдавать этой выгодной позиции.

Бригадир Невиль и полковник Тафтон принадлежали к той довольно многочисленной бригадирско-полковничьей группе военного министерства Англии, которая играет в британской армии скорее политическую, нежели профессионально-военную роль. Группа эта возникла в середине войны в результате некоторых изменений в офицерском составе армии.

До недавних пор присвоение званий у англичан шло почти автоматически, в порядке выслуги лет.

Под давлением общественного мнения и молодого офицерства правительство ввело своего рода возрастное ограничение. Майор или подполковник, например, могли получить командование батальоном, если им еще не перевалило за сорок. Полковники и бригадные генералы (бригадиры) ограничивались соответственно. В результате десятки бригадиров, сотни полковников, подполковников и майоров оказались вне строевой службы. Их впитали многочисленные департаменты многолюдного военного министерства.

За невозможность совершать ратные подвиги эти старички компенсировали себя активным участием в формировании политической стороны войны. Они за-

полнили департамент общественных связей, направляя внеармейскую пропаганду действующей армии. По указке министра информации Брэкена и военного министра Григга, известного своими антисоветскими выступлениями, они разрабатывали антисоветские пропагандистские кампании, которые затем проводились армейскими отделами службы общественных связей через многочисленных корреспондентов.

Эти же старички составляли ядро «Армейского бюро текущей политики», которое отвечало за пропаганду внутри армии. Они сочиняли и распространяли в армии двухнедельный бюллетень под названием «Абка» (первые буквы английского наименования бюро). Специальный офицер в обязательном порядке читал солдатам и младшим командирам этот орган бригадиро-полковничьей группы, в котором она мерила на свой особый аршин все внутренние и международные события, давала оценку военной обстановке в Европе и даже предсказывала будущее.

Старичкам была доверена и организация союзного управления оккупированных вражеских территорий. Они подбирали, тренировали и наставляли офицеров, направляемых в «союзное военно-оккупационное правительство» в Италии и Германии. Их старания в этой области были настолько односторонни, что даже умеренные английские газеты начали обвинять старичков в реакционном уклоне, явно не согласном с веяниями эпохи. Указывалось, например, что реакционные офицеры Амгот (союзное военно-оккупационное правительство в Италии) предпочитали вербовать к себе на службу явных фашистов из итальянской знати, всячески избегая и даже притесняя известных антифашистов. Они организовали шестимесячные курсы для офицеров оккупационных властей в Германии. Один из слушателей этих курсов признался мне весной 1945 года в Гамбурге, что им твердили на разные лады только одно: «Не допускайте в Германии революции».

Они уже усердно прикладывали руку к «психологической войне», то есть к пропаганде среди населения оккупированных и вражеских стран.

IV

Представившись своему новому начальству — бригадиру Невилю и полковнику Тафтону, ознакомившись с пресс-кэмпом и выполнив все формальности, военные корреспонденты попытались совершить поездку по южной Англии. Но это не удалось. На перекрестках дорог, у мостов, у въездов в города появились полицейские посты, весь район маршевых зон, где сосредоточились войска вторжения, был закрыт. Войска получили приказ, в котором наконец говорилось, где и когда будет наноситься удар.

Тогда мы имели самое смутное представление об этом приказе: как часть армии вторжения, корреспонденты были отрезаны от всего мира. Днем мы разгуливали по парку, снова и снова осматривали грот с четверостишьем старого английского поэта Водсворта, подолгу любовались просторной долиной, которая открывалась с нашего холма. В долгие вечера, полные тишины, запахов сена и звездного сверкания, мы обычно стояли на лужайке, перед затемненным домом и разговаривали. Корреспонденты были необыкновенными оптимистами. Длительность войны они измеряли неделями, в худшем случае — месяцами. Они-то знали, что смертельно раненный на Востоке фашистский зверь уползал в свое логово. Биль Уайт, корреспондент американского журнала «Лайф», высокий худой человек с волосами соломенного цвета, уверял, что война окончится к сентябрю. Монсон, поглаживая привычным жестом свою правую щеку, предсказывал:

— С Германией скоро будет покончено. Эти джерри (презрительная кличка немцев) уже в петле, надо только побыстрее помочь русским затянуть ее...

Даже завзятые пессимисты отодвигали грядущую победу до зимы. Но даже они не сомневались в том, что война окончится к Рождеству и что новый, 1945 год мы встретим в мирной обстановке...

Меня поражало легковесное, некритическое отношение моих иностранных коллег ко всем проблемам — военным, политическим, философским и даже бытовым. Они никогда не пытались заглянуть за кулисы

военного или политического «шоу» [1]. А за всяческими «шоу» они усердно охотились, ожесточенно состязались друг с другом, не брезгуя при этом никакими средствами. Американцы усердно собирали факты, описывали их подробно, но крайне поверхностно, делали прогнозы, согласующиеся не столько с истиной, сколько с политической линией хозяина газеты или журнала. Англичане выискивали нужный им факт, приправляли его красочными деталями, часто вымышленными, и преподносили читателям в форме увлекательного и, как правило, очень ходульного повествования. Американцы были трудолюбивы, как статистики, англичане и французы — мечтательны: они полагались на свое воображение. И воображение обычно вывозило их там, где упрямые факты не хотели влезать в рамки тенденциозного задания редактора или издателя газеты.

Большинство журналистов принадлежало к разряду политических хамелеонов: они красились в тот цвет, который больше всего радовал глаз хозяина. Английские буржуазные журналисты всегда отличались политической беспринципностью: они меняли правую газету на «левую», если им там больше обещали. Но чаще происходил обратный процесс — ведь правые газеты во всех странах богаче. Начав обычно с самого низкого заработка в самой «левой» газете, они постепенно перемещались слева направо, пока не застревали в «Дэйли мейл» (недавний пример: Филипп Джордан). Движение справа налево вызывается обычно желанием буржуазного журналиста получить какие-нибудь политические выгоды.

Понятно, что отношение корреспондентов к Советскому Союзу и, в частности, к нам, советским офицерам, определилось позицией владельцев газет. Реакционные газеты, спрятавшие лишь на время свое отравленное антисоветское жало, пытались умалить успехи советских армий и раздуть успехи своих. Тутто их и спасало податливое воображение военных кор-

---

[1] Шоу — представление — любимое английское словечко, означающее интересное, сенсационное событие.

респондентов. За недорогую плату, равную гонорару статьи, они могли раздуть любую историю, которую им подсказывала служба общественных связей.

Печать Бивербрука, представленная на фронте группой способных корреспондентов, сохраняла более спокойный тон: Бивербрук не хотел подпевать «мюнхенским» лордам Ротермиру, Кемрозу, Кемзли. Корреспонденты «Таймс», обычно серьезные люди, старались отделять существенное от наносного, кричаще тенденциозного. Они никогда не стремились сбить своего читателя с ног сенсационным сообщением, они давали ему материал для размышления и выводов. Конечно, этот материал собирался под определенным углом зрения и преподносился с определенной целью, но делалось это тонко и умно. Кстати замечу, что ни в одной буржуазной стране рядовые читатели не критикуют так много свою печать за «желтизну», за лживость, за тенденциозность, как в Англии, но вместе с тем ни в какой другой капиталистической стране не проявляют столько наивной доверчивости к прессе. Питаясь своими газетами с утра до вечера, англичанин в конце концов перестает понимать, где ложь и где правда, поэтому воспринимает все с известной «скидкой». Но даже и с этой «скидкой» газеты не остаются в убытке: своей цели они добиваются.

Сами по себе военные корреспонденты, с которыми я познакомился впоследствии в пресс-кэмпе, были порою довольно своеобразными людьми, как правило — с большою склонностью к политической богеме.

Корреспондент австралийского газетного концерна Рональд Монсон, который однажды так напугал бригадира Невиля, любил выпить. В таких случаях этот крупный, физически сильный мужчина обычно бродил по лагерю в поисках слушателей. Он чувствовал необходимость высказаться: о ходе войны, о последнем обеде, о качестве виски или коньяка, о мировой политике или последней книжке рассказов. Иногда он критиковал всех и все. Он был бунтарем, однако с большой дозой практического оппортунизма.

— Я верю, — торжественно заявлял он, — только в то, что знаю. Мне наплевать на будущее, я хочу

жить сам и хочу строить свою жизнь, как мне нравится. Я принимаю вещи такими, какие они есть. Если они интересны, я пишу о них.

— Не так уж много...

— Наплевать. Я имею домик в Сиднее, жену и двух парней, я написал несколько книжек. Это бесспорно мое. Остальное меня мало интересует.

Говорил он обыкновенно только о том, что прямо задевало его или интересовало, но говорил живо, горячо. Он умел вносить страсть во всякое дело, и это не оставляло сомнений в его искренности.

Другой австралийский корреспондент, Генри Стэндиш, резко отличался от своего коллеги в этом отношении. Одно время он работал помощником австралийского министра иностранных дел, ездил с ним в Женеву. Это, видимо, и придало ему необычную для журналистов скрытность и увертливость. Он мог долго и усердно разыгрывать друга, а потом вдруг укусить без малейшего предупреждения, яростно и злобно, и отойти в сторону.

Джемс Макдональд, корреспондент «Нью-Йорк таймс», совершенно седой, но с лицом красным, как новенький кирпич, подвижный и общительный не по летам, ходил почти всегда навеселе. За год с лишним нашего знакомства я ни разу не видел его трезвым. Но виски не обезображивало его: он становился мягче, общительнее, веселей. Его размягченная душа открывалась дружбе. Звали его «Джимми» и «Мак», он охотно откликался на оба имени, не обращая ни малейшего внимания на разницу в возрастах, даже если собеседник его был молодым человеком. Он широко улыбался, хлопал говорящего по плечу. О политике Макдональд высказывался мало, от искусства и литературы был далек. Он любил анекдоты и выпивку.

Корреспондентка «Дэйли мейл» Рона Черчилль, появившаяся несколько позже, была тихой, даже застенчивой женщиной с вкрадчивым голосом и мечтательными глазами. Она удивляла корреспондентов и офицеров своей поразительной «осведомленностью» в самых «секретнейших» вещах, преимущественно антисоветского характера. Ей ничего не стоило притти к

раннему завтраку и этак между двумя глотками кофе обронить: «А знаете, вчера поздно вечером состоялось сверхтайное совещание в советской ставке. Там выступали...» (дальше следовали безусловно русские имена, позаимствованные из старых газет). Редкие в этот час едоки переставали жевать: странные русские имена звучали как неоспоримое доказательство. Она рассказывала эти сногсшибательные, выдуманные ночью истории, изобилующие потрясающими деталями, не только своим сотрапезникам, но и читателям газеты: хозяин ее, лорд Ротермир, щедро оплачивал это примитивное вранье.

...Наконец войска получили приказ. В движение почти одновременно пришли более миллиона людей и 300 тысяч машин. Дороги южной и центральной Англии, пустовавшие уже несколько дней подряд, вдруг оказались совершенно запруженными армейским транспортом; широкими потоками он катился к морю. Первая волна — десять дивизий, то есть 250 тысяч человек с машинами и вооружением — скоро достигла портов вторжения, растеклась ручейками по причалам, с причалов по судам. Парашютные части подтянулись к аэродромам. Все запасные взлетные площадки были заняты истребителями.

Юг Англии представлялся в те дни живым снарядом, который ждал лишь нажатия кнопки в Верховном штабе союзных экспедиционных сил, чтобы обрушиться на немцев в Нормандии.

4 июня кнопку нажали: вторжение назначалось на утро 5 июня. Однако в полдень приказ был отменен: испортилась погода. Более шести часов войска, погруженные на суда и переполнившие их доотказа, ждали нового сигнала. Офицеры опасались, что измученные качкой и страдающие от приступов морской болезни солдаты не смогут атаковать. Погода же, на которую возлагались все упования, быстро ухудшалась, в море появилась волна.

Новый приказ пришел лишь вечером: высадка переносилась на 6 июня. Порядок следования эшелонов не менялся.

Утром 5 июня немного прояснилось, но это продолжалось не долго: погода в Англии часто меняется по нескольку раз в течение одного часа. Тучи снова покрыли небо, долина помрачнела, барометр продолжал падать.

Наступил вечер. Корреспонденты стояли перед домом, смотрели в небо, где мутные звезды, будто играя в прятки, то исчезали во мраке, то, едва различимые, появлялись вновь. Шумел вековой парк. Вскоре сквозь его монотонное гудение мы услышали гул моторов. Он нарастал, потом превратился в потрясающий рокот, от которого задрожали окна старого дома. В долине, как казалось — совсем недалеко, вспыхнул прожектор, затем другой, третий... Их лучи вытянулись на юг: они показывали десантным самолетам и планерам путь к сборному месту над равниной Салисбэри. Оттуда воздушная армада направилась в Нормандию.

В это же время морской флот двигался через канал. Военные корабли, десантные и вспомогательные суда шли с такой скоростью, чтобы на рассвете быть у нормандских берегов. Расстояние между избранным плацдармом и главными портами вторжения — Портсмутом, Саутгемптоном, Пул-Харбор, Уэймут и Ньюхейвен достигало 150—170 километров. А Дувр, Плимут и Давенпорт были в 240 километрах, другие порты еще дальше.

Бессонная ночь казалась бесконечно длинной. Бледное утро не принесло облегчения. Старший офицер молча встречал корреспондентов и отрицательно качал головой: никаких новостей. Лишь в седьмом часу штаб ответил на запрос корреспондентов, что они могут сообщить о начале вторжения на европейский континент.

В то утро, как мы выяснили несколько позже, шесть пехотных и три парашютных дивизии союзников, пытаясь отрезать Шербурский полуостров, оседлали дорогу Валонь — Карентан. Шестая британская парашютная дивизия, нацеленная на высоты севернее Кана, «промазала», выбросившись несколько восточнее своего объекта. Она захватила переправы через реку Орн и канал, связывающий Кан с морем. Две британские и канадская дивизии завладели всем берегом, от устья Орн до города Ароманш. Западнее высади-

лись три американские дивизии, создавшие серию плацдармов от Ароманша до Валонь.

Перед высадкой берег подвергли ожесточенной бомбежке. Военные корабли, сопровождавшие десантную армию, обрушили на него всю мощь своего огня. Под его прикрытием части вторжения пошли в атаку. Немецкое сопротивление было местным, случайным, слабым. Войска вторжения развернулись на берегу, прошли всю зону, пышно именуемую немцами «укрепленной полосой Западного вала», и углубились в Нормандию. Наступающие части уже поддерживались «танками Решающего дня». Правда, часть из них отказалась плыть, пойдя на дно прямо с десантных судов. Один американский танковый батальон потерял в воде двадцать пять из двадцати семи своих машин.

После одновременной высадки девяти дивизий союзное командование рассчитывало высаживать в Нормандии ежедневно две дивизии. Расчет, однако, не оправдался. Расходившееся море мешало переправе войск, выгрузке боеприпасов и снаряжения. Лишь «утки»-амфибии осмеливались пускаться к берегу. Но они могли доставлять только 80 тонн амуниции, а этого не могло хватить даже на несколько часов боя. Опасаясь немецкого контрудара, Монтгомери приказал приготовиться к эвакуации плацдарма и в случае контратаки немцев эвакуироваться. Но немцы, вяло огрызаясь, уползали в нормандские холмы, подальше от берега...

Через несколько дней погода улучшилась. Поток войск, вооружения, продовольствия устремился к французскому берегу. Плацдарм быстро расширялся, вбирая все новые и новые дивизии. Через канал двинулась вторая волна вторжения. Корреспондентам второго эшелона было приказано отправиться в Нормандию.

V

Во тьме, густой и влажной, мы выстроились под окнами нашего дома, ожидая переклички. Шагах в двадцати, невидимые в ночи, тихо урчали машины. В доме, за нашей спиной, хрипел полевой телефон, и

связист настойчиво звал: «Джо, Джо, Джо!» «Джо» наконец отозвался. Связист передал шифровку, назначил какому-то Билю свидание на завтра в пивном баре Винчестера и умолк. Снова воцарилась тишина. Слышно было, как по листьям клена щелкали запоздалые капли.

В четыре тридцать, на рассвете пасмурного дня, мы сели в машины, и наш «конвой» — автоколонна — тронулся в путь. Никто, кроме начальника конвоя, не знал, куда мы едем. Винчестер миновали, когда уже совсем рассвело. По обеим сторонам дороги стояли мокрые и тихие сады, между ними тянулись огороды, появлялись поля, четко разграфленные на квадраты и прямоугольники мелких владений. Изредка попадались новые дворцы и поместья, обнесенные высокими кирпичными стенами, и старые замки с зубчатыми башнями и узкими окнами. Странными казались эти памятники средневековья, отгородившиеся от мира. Но это не были просто памятники. На их флагштоках развевались британские флаги — прямое доказательство того, что внутри этих средневековых владений идет жизнь и обитатели их находятся под покровительством британской короны. В лесочках, а иногда прямо вдоль дороги, камуфлированные только зеленым брезентом, стояли машины, тянулись штабеля снарядов, торчали пушки. В глубокой выемке глиняного карьера прятались десятки новых танков.

Начался разговор о том, как долго не удавалось найти хороший танк — быстроходный и прочный. Лейтенант Эдвардс, до войны ливерпульский журналист, восхищался новой машиной, но говорил:

— Дороговат, ох, как дороговат! Двадцать восемь тысяч фунтов! (Почти шестьсот тысяч рублей.)

— Двадцать восемь тысяч! — восклицал корреспондент «Йоркшир пост» Излингворс. — Это же шесть хорошеньких домиков...

Около двенадцати часов дня мы достигли нашего маршевого двора [1], расположившегося в Эпингском

[1] Маршевый двор — английский военный термин — место сосредоточения войск перед погрузкой на транспорты.

лесу, в окрестностях Лондона. У самого входа нас задержали. Автоколонны вливались в большие ворота одна за другой. Лица солдат были черны от пыли: видимо, колонны прошли большое расстояние. Молодой и очень общительный лейтенант Доул, с которым я познакомился в Винчестере, толкнул меня в бок, обращая внимание на «студебеккер», украшенный красным флагом с серпом и молотом. На борту виднелась крупная надпись: «Лонг лив гуд олд Джо!» (здравица И. В. Сталину).

— Ваши друзья, — сказал Излингворс, обращаясь ко мне.

— Тут все ваши друзья! — поправил его Доул, показывая широким жестом на огромный шумливый лагерь. — Флагов на машинах у других, правда, нет, но все они охотно подхватят эти слова.

Лейтенант ошибся относительно флагов. В тот же полдень, гуляя по лагерю, я обнаружил их еще на нескольких грузовиках. У одной машины копались водители, рядом стояли «пассажиры». Они выжидательно смотрели на подходившего к ним военного корреспондента и четко ответили на приветствие.

— Послушайте, парни, почему вы украсили свою машину этим флагом?

Солдаты смутились, стали переглядываться. Наконец один из них, смотря поверх моей офицерской фуражки, тихо, но твердо спросил:

— Имеете какие-нибудь возражения, сэр?

— Нет, конечно! Я просто хотел знать. Это же флаг моей страны.

— Провались я... — воскликнул солдат. — Не может быть! Вы русский?

Они окружили меня, пожимая руки и выражая наперебой свое восхищение борьбой Красной Армии. Это были, несомненно, искренние друзья. Они понимали, как велико бремя, свалившееся в этой войне на плечи русских. Солдаты жалели о своем долгом бездействии: каждый лишний месяц войны не только отодвигал их свидание с семьями, с родными, но и уменьшал их шансы найти старые места в жизни: все прочнее обосновывались на этих местах другие. Из

дома, где их, конечно, любили и тревожились за них, приходили запрос за запросом: когда же они, солдаты британской армии, откроют второй фронт?!

— А что мы могли сделать? — вопрошал солдат. — Такие дела решаются парнями повыше нас.

В офицерской столовой маршевого двора говорили только о ви-уан [1]. Позапрошлой ночью, оказывается, в Лондоне разорвалось несколько самолетов-снарядов. Власти, стремясь предотвратить панику, запретили газетам и радио упоминать о них. Прошлой ночью немцы снова обстреляли город. Теперь уже многие лондонцы не только слышали рокот самолетов-снарядов, но и заметили огненные хвосты, прорезывающие тьму, подобно фантастическим метеорам. Зенитки открыли огонь: снаряды один за другим грохнулись на землю, вызывая мгновенное зарево. Никто не мог сказать, были они сбиты или упали сами.

Перед вечером мы видели этот проклятый снаряд. Он похож на одномоторный самолет без пропеллера. Только на конце фюзеляжа вместо руля поворота виднелась большая сигарообразная труба; в ней сжигалось горючее, движущее снаряд. Когда кончался запас горючего, рассчитанный на определенное расстояние, снаряд падал.

Самолет-снаряд вынырнул из облаков и устремился по прямой к центру города. Мы слышали, как прекратился его рокот, увидели, как сделал он короткий разворот влево и отлого заскользил вниз. Над городом взвился колоссальный черный фонтан. Через несколько секунд донесся потрясающий взрыв.

Скоро появился другой снаряд, третий. Чем ближе был вечер и гуще облака, тем чаще слышался рокот самолетов-снарядов, тем тяжелее становилось грохотание в городе. Зенитки ревели с бешеным остервенением, но они не могли остановить взрывы, от которых содрогался даже наш лес. (Несколько дней спустя обнаружилось, что противодействие зениток в городе скорее приносило вред, а не пользу. Снаряд все равно должен где-нибудь упасть. Зенитки же, сосредоточен

[1] Фау-один — немецкий самолет-снаряд.

ные вокруг важных объектов, подбивая снаряд, как бы помогали ему найти цель. Они «приземлили», например, блуждающий снаряд на мост Ватерлоу, который сами охраняли. А этот мост связывает два крупнейших вокзала английской столицы — Ватерлоу и Чарингкросс — и одну из важнейших линий метро — Бакерлоу. Зениткам в Лондоне строго запретили стрелять по самолетам-снарядам.)

Но в тот долгий вечер и в ту ночь зенитки бесновались, и их беспрестанный грохот перекрывали только рычание и взрывы самолетов-снарядов. Мы лежали в большой палатке, прислушиваясь к этому угнетающему громыханию.

— Это как артиллерийский обстрел, — говорил лейтенант Эдвардс. — По такой цели, как Лондон, нетрудно попасть.

— Но это же недостойно, это подло, — возмущался портсмутский журналист Двайт.

Биль Уайт, американец, был настроен более философски. Он полагал, что «это» открывает новую эру не только в военном деле, но и в транспорте. Капитан Роутс, бледнолицый и светловолосый, в очках с железной оправой, с грустью вспоминал первые дни войны, когда англичане устраивали пышные и торжественные похороны немецким летчикам, сбитым над Лондоном. Он и теперь восхищался «рыцарским духом» англичан.

— Простите, — вмешался я, — а венки от жертв, убитых немецкими бомбами, не забывали возлагать?

Капитан поднял голову с подушки, поправил очки, словно хотел получше рассмотреть меня, потом соболезнующе улыбнулся и разъяснил:

— Этими похоронами мы отдавали долг, прежде всего, нашим собственным человеческим чувствам. Вы же знаете: англичане — спортсмены, а хороший спортсмен всегда великодушен к неудачливому противнику. Вам это, конечно, непонятно, вы пристрелили бы их сразу.

— Насчет последнего вы ошибаетесь: мы не расстреливаем пленных. Но мы считаем, что война слишком дорого обходится народам, чтобы ее можно было рас-

сматривать как спорт, и мы не можем относиться к вооруженной автоматом немецкой горилле как к спортсмену.

Капитан пробурчал что-то о разных точках зрения, о сложности русского характера, известного еще по Достоевскому, и прочее. Его поддерживал корреспондент «Дэйли геральд». Остальные молча присоединились к ним. Кадровое офицерство сохранило свои старые представления о войне, о мире, в политике оно усваивало и повторяло зады реакционной печати, сваливая порою в одну кучу правых и виноватых. Несмотря на союзные отношения между Англией и Советской Россией, многие офицеры продолжали думать о русском народе по старому шаблону, состряпанному английской печатью еще четверть века тому назад и мало изменившемуся за эти последние двадцать пять лет.

Особенно наглядно, хотя и несколько неожиданно, это раскрылось передо мною, когда неделей позже в мою комнату в Байе, в Нормандии, ввалилась группа офицеров «дивизии королевы». После пары стопок коньяку начался шумный разговор, полухвастливый, полуоткровенный. Молодой майор, только что вырвавшийся из стен имперского штаба, стал проклинать немцев. Традиционное английское хладнокровие изменило ему при простом упоминании о немцах. Его серые глаза посветлели и стали неподвижными, словно окостенели, узкие губы резко сжались. Он уверял меня, что английская армия готова покончить с немцами раз и навсегда.

— Мы сыты ими по горло, — говорил он, проводя пальцем по загорелому подбородку. — Я не верю всем этим глупостям о плохих немцах и хороших. Немец — всегда немец. Лет семь назад я, возвращаясь из Индии, познакомился на пароходе с одним, как говорят, «хорошим немцем», антигитлеровцем. Уже на третий день нашего знакомства он предложил Англии объединиться с Германией, чтобы править всем миром...

Батальонный капеллан, отнюдь не склонный, судя по свекловичному носу, к пуританскому воздержанию, рьяно возражал майору, уверяя, что он может не любить только отдельных немцев, а вообще «немцы

очень симпатичный народ» и капеллану они весьма нравятся. В доказательство своего чисто «индивидуального подхода» капеллан сознался:

— Мне, например, не нравятся русские. Но это не значит, что я не могу хорошо относиться к отдельным русским. (Капеллан был католиком; он, как я узнал позже, не упускал случая лягнуть советского союзника Англии даже во время проповедей.)

— Мы всегда плохо понимали русских, — отозвался майор, — мне кажется, вопреки нашей самоуверенности, мы всегда немножко побаивались их. Это опасение часто искусственно насаждалось и культивировалось...

— И оно оправдывалось, это опасение, — вмешался в разговор уже захмелевший полковник. — Русские всегда были агрессивны в отношении Англии.

— Агрессивны, полковник? Простите меня, как русский, я знаю историю России лучше, чем историю Англии. Может быть, вы напомните мне, когда и какая русская эскадра бомбардировала английскую территорию? Может быть, вы скажете мне, когда и где русские войска высаживались в Англии? Вы не помните, полковник? Нет? А я могу сказать вам, что за последнее столетие Англия дважды вторгалась на русскую землю. Вы знаете, конечно, «Балладу о легкой бригаде». Она погибла на русской земле. Вы знаете также, что фельдмаршал Айронсайд, кажется ваш недавний начальник, избрал себе титул «лорд Архангельский» — в ознаменование своих ратных подвигов, якобы совершенных у этого города, Архангельск ведь тоже находится на русской земле...

Сообразив, что его вылазка не удалась, полковник попытался с честью отступить. Он еще допускал мысль, что Англия могла совершить ошибку в прошлом, но решительно отвергал даже возможность ошибки в настоящем.

Майор с некоторым раздражением следил за разглагольствованиями полковника и облегченно вздохнул, когда тот ретировался.

— Мне кажется, — продолжал он, — интерес к русским всегда был большим. Сейчас к этому интересу

прибавилось настоящее восхищение мужеством народа. Мы понимаем теперь вас значительно лучше, чем когда бы то ни было. И мы решительно не хотим старых глупостей в отношении России.

— Вы говорите: «мы»...

— Да, мы. Я имею в виду офицеров, армию.

— Это, конечно, много. Но ведь не армия направляет политику Англии.

— Я знаю... Я знаю, что роль армии равна тут нулю. Некоторые парни с красными околышами (красные околыши носят высшие чины английской армии) могут сделать тут больше, чем вся армия. Мы можем сказать свое слово через парламент...

— Не будь глупцом, Генри, — прервал его один из офицеров, — мы можем повлиять на парламент так же, как на завтрашнюю погоду.

— Но мы можем захватить его в свои руки, — убежденно возразил маойр. Он рассказал, что еще осенью 1943 года армейская газета 8-й армии в Северной Африке организовала «пробные выборы в парламент». Офицеры и солдаты всех политических партий развернули настоящую предвыборную кампанию: устраивали митинги, произносили речи, распространяли листовки. Консерваторы потерпели на «пробных выборах» сокрушительное поражение. За годы войны армия сильно полевела. Учитывая влияние солдат в семьях, майор ожидал, что очередной английский парламент будет «левым».

Отметим здесь между строк, что консервативное руководство страны, наблюдавшее это полевение армии, пыталось устранить солдат от активчого участия в избирательной кампании: оно ускорило выборы в парламент.

Идейная пустота части кадровых офицеров, рассматривавших войну как спорт, казалась мне не только серьезной угрозой борьбе союзников против общего врага, но и несчастьем для самих офицеров: физически нельзя было вынести всех лишений и трудностей войны без того вдохновения, которое может быть определено как «идейное воодушевление», без ясного осознания моральной правоты своего дела, без

непоколебимой устремленности к четко видимой цели. У меня создалось впечатление, подкрепленное затем многочисленными встречами и разговорами, что рядовое офицерство английской армии сознавало политическую цель вторжения на европейский континент очень туманно. Это было, конечно, выгодно реакционной части генеральских и бригадиро-полковничьих кругов, которая, в свою очередь, лишь выполняла волю людей, видевших в освобождении Европы от гитлеровской оккупации не великое прогрессивное дело, а только возможность подчинить ее своему влиянию.

В самые последние годы каста английских кадровых офицеров, известных в простонародье под именем «медных картузов», была разбавлена молодым, более или менее демократически настроенным, вышедшим из среды британской технической интеллигенции офицерством инженерных, танковых и авиационных войск. Английские врачи, адвокаты, писатели, журналисты и даже государственные служащие, отличающиеся высокими заработками и вполне безбедным существованием, целиком срослись с правящим классом, стали его активной составной частью. Английская техническая интеллигенция, находясь, как некое средостение, между рабочими и работодателями, обладает незначительным социальным весом и незавидным экономическим положением. Некоторые из ее наиболее изворотливых представителей вылезают «в люди», становятся директорами и совладельцами предприятий. Однако это бывает очень редко. Техническая молодежь обречена тянуть лямку на фабриках и заводах наравну с мастеровыми и рабочими.

Кадровое офицерство встретило «техников» без особого восторга. «Техники» звали кадровых «медными картузами», те именовали их «чумазыми». Недавние выходцы с заводов и шахт были лейбористами по убеждениям, между тем как большинство старых кадровых офицеров поддерживало консерваторов. Разделение шло снизу доверху. Кадровые избрали своим кумиром и вождем фельдмаршала Александера, католика и реакционера, объявив Монтгомери «выдвижен-

цем толпы»; «техники» поносили Александера и прославляли Монтгомери.

Но это размежевание стало для меня ясным позже, в Нормандии. В первых разговорах с офицерами в Эпингском лесу казалось невозможным отличить лейбористского офицера от «медного картуза»: он имел такое же путаное представление о войне, о фашизме, о мировой политике, как и обычный кадровик вроде капитана Роутса. Заметно было только, что среди «техников» чаще попадались люди, видевшие, что интересы Великобритании лучше обеспечиваются не в борьбе против советского народа, а в союзе с ним.

VI

Почти двое с половиной суток мы отсиживались в Эпингском лесу, прислушиваясь к грохоту самолетов-снарядов и реву зениток. Изредка раздавался крик: «Берегись!» Это означало, что снаряд летит к нам. Все бросались в узкий окоп, наполненный дождевой водой. Снаряды проходили мимо, к городу. Вымазанные глиной, мы возвращались в палатку, кляли немцев, а заодно и наше начальство, которое задерживало нас здесь. Мрачное настроение было рассеяно на другой день сообщением английского радио о сокрушительном ударе Красной Армии по немцам у Витебска.

Вечером того же дня нас погрузили в просторные лондонские автобусы, доставили в порт на Темзе, и ровно в десять часов военный транспорт «С-190» тронулся вниз по течению. Соседи по конвою — королевские гусары, ныне оседлавшие танки, — провожали нас оглушительным криком, швыряли вверх береты, пытались что-то петь. К мосту, который высился в 200 метрах впереди, подошли неправильно, пришлось дать обратный ход. Гусары подняли свист, завопили: «Не в ту сторону движетесь! Прямо вперед!» Словно повинуясь крикам, судно задержалось на полминуты, затем медленно двинулось вперед. Гусары восторженно заорали: «Счастливого пути!», «До скорой встречи в Берлине!» Через минуту и их транспорт оторвался

ст причалов и пошел за нами. В густеющей тьме пароходы тихо пробирались по реке. Отлогие берега быстро исчезли во мраке. К черному небу поднимались едва различимые силуэты редких домов, кое-где сквозь затемненные окна желтыми струйками просачивался свет.

Утро, пасмурное, ветреное, застало нас в устье Темзы. Похожее на большой залив, оно отгородилось от моря огромной стальной решеткой. Здесь собрались десятка три-четыре судов. Над ними плавали цинкового цвета баллоны воздушного заграждения. По ту сторону решетки лениво, словно для собственного удовольствия, курсировали эсминцы и истребители, охранявшие нас.

Лишь в полдень конвой тронулся дальше. Одно за другим суда разворачивались в заливе и выходили за ворота. Конвой вытянулся на несколько миль. Справа от нас едва виднелся берег, скрывавший свои очертания за мутной пеленой тумана; между берегом и нами, подобно скворешням, поднимались над водой огневые бетонированные гнезда, охраняющие побережье ст непрошенных гостей. Слева, прикрывая нас с моря, вытянулась густая цепочка эсминцев и истребителей. Еще дальше шло несколько крейсеров, которым было приказано провести в полной сохранности наш драгоценный конвой через Дуврский пролив. Я не сказал еще, что с нами шла танковая дивизия. До самых сумерек суда пробовали оружие: палили из орудий, зенитки и ракетные установки усердно плевались огнем и железом в мирные облака.

В сумерках, после ужина на скорую руку, я пошел на корму, где меж легких танков и броневиков расположились бойцы разведывательного бронебатальона. Внимательно разглядев мои корреспондентские погоны, солдаты уселись снова на брезенте, освободив мне место: они всегда охотно встречали корреспондентов. Завязался разговор о войне, о советском наступлении в Белоруссии, сообщение о котором только что передавало радио, о самолетах-снарядах, о возможности немецкого нападения на наш конвой. В последнее почти никто не верил, во всяком случае противника

никто не боялся: авиации у немцев не было, а их морской флот не мог состязаться с английским.

— За чистое небо над Англией надо благодарить русских, — сказал радист, сидевший справа от меня. — С начала германо-советской войны немцы тут только редкие гости, а не завсегдатаи, как прежде. Помните сентябрь сорокового года? Небо было полно этих проклятых джерри, а солнце целыми днями пряталось за дымовой завесой: горел Лондон, да как еще горел...

Никто не отозвался; лица солдат помрачнели при одном воспоминании о тех днях. Я решил, что настал подходящий момент, чтобы поставить им вопрос, который интересовал меня. Объяснив солдатам, что каждый из нас совершает сейчас своего рода переход через Рубикон (пришлось сделать короткое историческое отступление), я спросил:

— Зачем вы высаживаетесь на европейском континенте?

— Ну, это ясно, — быстро ответил радист: — помочь русским разбить джерри.

— А с какой целью?

Долгое и трудное молчание. За кормой шумела волна. Над нами в облаках появилась большая луна, скользящая прямо вниз. Она то выглядывала, то исчезала, и лунная дорожка на воде то вытягивалась далеко во мрак ночи, то меркла.

— Фу ты, — отозвался наконец кто-то за моей спиной, — так просто, а не скажешь.

Молодой капрал пустился в рассуждения о бесчестной алчности немцев, которые не могут найти себе покоя в Европе и портят жизнь мирным людям. Но это не давало ответа на мой вопрос. Шофер бронеавтомобиля, в мирной жизни — молочник, видел цель в отмщении немцам за разрушенные английские города. Штабной писарь, до войны — подручный своего отца в маленьком меховом магазинчике, читавший, как он случайно признался, «Дэйли мейл», полагал, что было бы рискованно следовать совету радиста и «разбивать джерри без остатка». Он находил опасным для Англии остаться один-на-один с мощной

Россией (Францию он, подобно генералу Смэтсу, безжалостно сбрасывал со счетов).

Замечание писаря задело людей за живое. Радист решительно высказался против антисоветских опасений. Молочник вспоминал, что русские никогда не приносили англичанам вреда, тогда как немецких бед нельзя было обобраться. Капрал считал, что правильнее будет держать в определенных рамках и немцев и русских.

Несколько детализируя вопрос, я спросил, что каждый из них ждет для себя от вторжения в Европу, от победы союзников. Я спросил всех десятерых по очереди. Семеро дали пессимистические ответы. Они, конечно, понимали великое значение победы союзников над немцами: она несла народам благословенный мир, отнятый немцами. Но они вовсе не ожидали, что их социальное и материальное положение улучшится после войны. Наоборот, они опасались, что, возвратясь домой, не найдут даже того, что имели до войны. Бывший чертежник обреченным тоном заявил, что они уже теперь ни на что не годны, кроме как ползать, подобно ящерицам, на животе, стрелять на бегу да падать на землю с необычайным проворством. Дома тем временем подрастет поколение, которое не знает всего этого, но будет уметь чертить, делать хорошие вещи, работать. Молочник не соглашался: после войны он рассчитывал найти даже место шофера автобуса или такси: он ведь приобрел в армии профессию.

Из трех «оптимистов» один служил до войны клерком в экспортной фирме, где он, чтобы продвинуться по службе, должен был изучать французский язык. Парень надеялся во Франции найти недостающую ему разговорную практику. Сын лавочника ожидал расцвета бизнеса. Радист верил в то, что, изгнав немецких фашистов, народы рассчитаются со своими отечественными реакционерами (он назвал их популярным в Англии словечком — тори), простой народ поумнеет, не допустит больше войн и займется устройством своих и без того запутанных дел.

Чертежник, выругавшись, безапелляционно заявил, что ничего подобного в Европе не случится, ибо на-

родам все равно не дадут жить так, как они того хотят. Тем же раздраженным тоном он рассказал, что группа его товарищей в Италии намеревалась помочь итальянцам «демократизироваться». Солдаты ходили на собрания итальянских крестьян и горожан, выступали с речами против фашизма и реакции. Они советовали выбирать старостами в деревнях и мэрами в городах левых, в том числе коммунистов. Но военные власти, по просьбе союзного военно-оккупационного управления, немедленно положили этому конец. Солдатам пригрозили военным судом, если они не перестанут «вмешиваться во внутренние дела Италии».

— Ад на их голову! — ругался парень. — Нас заставляют проливать кровь за «освобождение» той или иной страны, но нам запрещают вмешиваться в политику.

— Значит, имеются две политики: одна — это политика тех, кто воюет, другая — тех, кто приказывает,— обобщил радист.

— Но мы-то за которую воюем?

Молочник поскреб подбородок и вздохнул:

— Об этом лучше не думать, когда приближаешься к опасности: уж очень паршивое это чувство, когда даже не знаешь, за что умрешь...

Разговор оборвался... Воцарилось невеселое молчание. Все всматривались в ночь. Впереди, справа, возникли знаменитые «белые скалы Дувра». Они мутно белели под луной, исчезая, словно прячась за занавес, когда быстрые облака закрывали луну.

В Дуврском проливе немецкие батареи пытались обстрелять наш конвой. Им ответили береговые батареи Дувра и пушки наших крейсеров. Перестрелка, не принесшая никакого вреда, стихла так же неожиданно, как и началась.

К утру мы вышли на просторный морской «проспект» между Англией и Нормандией. «Проспект», движение по которому было таким же оживленным, как в Лондоне на Пиккадилли, с обоих боков прочно огораживался частым кордоном эсминцев и истребителей, над ними барражировали самолеты. Навстречу

нам шли грузовые суда, десантные лодки, поднимая высокую волну, мчались истребители и корветы.

Недалеко от острова Уайт мы догнали грязный, отчаянно дымивший буксир. Он тащил в сторону Франции... кусок железобетонного пирса. Остряки вслух предположили, что «сумасшедший джерри, пользуясь общей суматохой, стащил из-под носа англичан часть Саутгемптонского порта». Это было так неожиданно, что никто не засмеялся. Люди просто не могли понять, что происходит. Лишь хорошо осведомленные знали, что этот грязный буксир тащил к берегам Нормандии частичку большого искусственного порта, секретно приготовленного союзниками в Англии и смонтированного затем у Ароманша. Летом 1944 года это был, пожалуй, самый оживленный порт в мире.

Уже наступали сумерки, когда мы подошли к Нормандии. Ее берег тонул в тумане, смешанном с дымом. Тысячи различных судов — грузовых, пассажирских, десантных, военных — чернели на темной лазури моря. Баллоны воздушного заграждения, подобно стае серебряных птиц, недвижимо парили над ними. В бинокль был виден Ароманш с истерзанной рощей за ним. Левее виднелась сумрачная громада линкора «Роднэй», который время от времени извергал огонь и дым, обстреливая полуостров. Крейсеры, стоявшие впереди него, ближе к берегу, стреляли чаще.

Высадились мы лишь на другой день. К пароходу подошло десантное судно, похожее на пенал больших размеров. У задней стенки пенала находилась будка с мотором и рулями управления. Передняя стенка откидывалась, образуя ворота и становясь широким откидным мостиком от судна к берегу. Пароходные краны перегрузили машины, легкие танки, ящики со снаряжением. Перед тем как спуститься, мы простились с капитаном. Он спокойно и даже равнодушно пожал руки офицеров. Мою он несколько задержал.

— То, что делают ваши люди, — сказал он, — просто замечательно. Я был в Мурманске, я знаю, что значит воевать в России. Любого из ваших парней я без малейших колебаний взял бы в свой экипаж: на них можно положиться в любом тяжелом и риско-

ванном деле, не подведут. Они так ведут себя, как только может делать это команда, спасающая свое судно от крушения.

— Они делают нечто большее, капитан...

— Я понимаю, я понимаю. И не сомневаюсь, что правнуки будут гордиться делами своих прадедов, как мы гордимся участниками Трафальгарской битвы.

Мы выбрались к Ароманшу и двинулись вдоль берега. На холмах у города и на запад от него чернели окопы, попадались сравнительно редкие и примитивные блиндажи с пулеметными гнездами. В самом городе, особенно на его окраине, подвалы многих домов были превращены в доты. И здесь отсутствовало тяжелое вооружение, но от недостатка французской еды и вина немцы не страдали. Замечу в скобках, что один фриц ухитрился просидеть в таком подвале более месяца после высадки союзников. Съев все запасы продовольствия, фриц вылез и сдался в плен. В воде у самого берега немцы набили колья и натянули колючую проволоку, чтобы помешать атакующей пехоте союзников. Это не задержало вторжения. Амфибии — «буйволы» и «утки», несшие десантников от судов к берегу, рвали эту проволоку, как паутину.

Уже в сотне шагов от берега мы не нашли даже следов укреплений невероятно разрекламированного гитлеровцами «Западного оборонительного вала». Перед нами расстилались мирные поля, влажные после недавнего дождя; дальше темнели знаменитые нормандские яблочные сады (нормандские яблоки не едят, из них делают сидр, освежающий и хмельной, и гонят яблочный самогон — кальвадорс, столь же крепкий, как и противный); в отдалении поднимались холмы. Тут не было ни немецких укреплений, ни следов боя. Лишь на придорожных деревьях осела тяжелая пыль, поднятая движением высадившейся армии.

Немецкий «оборонительный вал» в Нормандии оказался чистейшим блефом. Союзное командование не дало себя обмануть, хотя союзные пропагандисты пытались обмануть мировое общественное мнение, расписывая этот «вал» в тех же самых красках, какими пользовался Геббельс. Полковник штаба 30-го бри-

танского корпуса Беринг передал мне один из образчиков такого творчества немецкой пропаганды — красочную и устрашающую панораму береговых укреплений, но... не для разоблачения немецкого блефа, а для сочинения статьи о том, как тяжело было прорывать немецкую оборону. Старания полковника пропали даром: его предложение можно было встретить только улыбкой. Впрочем, он тоже улыбался: мы оба слишком хорошо знали, что союзники прорвали немецкую оборону в Нормандии с такой же легкостью, с какой раскаленный меч мог бы пройти сквозь лист фанеры.

VII

Совсем стемнело, когда наша автоколонна, уже несколько часов формировавшаяся на маршевом дворе, пустилась наконец в путь. Но дорога, шедшая на подъем, была забита машинами. Очень скоро мы могли только едва-едва ползти. Впереди нас тихо двигались броневики разведбатальона: «на всякий случай» они вели и замыкали колонну. Мы часто останавливались, солдаты и офицеры собирались кучками, возбужденно разговаривая. Люди, казалось, лопнули бы от возбуждения, если бы им закрыли рты. Над нами летели рваные облака, сквозь которые неслась яркая белая луна. Впереди, как раз там, куда уходила наша дорога, трепетало большое зарево. По сторонам его метались огни, взвивались разноцветные ракеты, распадавшиеся во мраке, как вознесенный к небу букет ярких цветов.

В броневике, катившемся перед нашей машиной, оказались мои знакомые по пароходу: бывший молочник, мечтавший стать шофером автобуса, радист и капрал. Узнав меня на одной из остановок, радист, взволнованный и удивленный, воскликнул:

— Они встречают нас фейерверком! До сих пор вторжение было не столько страшно, сколько красиво. Немцы убрались в глубь полуострова, французы приветствуют нас, девушки бросаются на шею. Пожалуй, в этом тоже заключен какой-то смысл нашей высадки в Европе.

— Они встречали нас так же в тридцать девятом году. Но посмотрели бы вы, как они провожали нас в сороковом! — пробурчал капрал. — Боюсь, что на этот раз проводы могут оказаться еще горячей...

— Все будет зависеть от того, как мы себя будем вести, — вмешался в разговор капитан Корнфильд, командир авангарда нашей охраны. — Встречают нас цветами, а проводить могут и палками. Все зависит от нас самих.

Капитана Корнфильда представил мне ещё на пароходе лейтенант Эдвардс, причем Эдвардс шутя именовал его то «черным принцем» (он действительно был смугл, а густые волосы и мохнатые брови, сросшиеся над переносицей, были образцово черны), то «мечтающим социалистом». Корнфильд, разговорившись, начал жаловаться на человечество, которое «кажется, забрело в тупик».

— На моем коротком веку, — говорил он, — я вижу вторую мировую войну. Это плохо. Значит, колесо, в котором мы вертимся, делает один и тот же круг значительно скорее, чем мы предполагаем. Следующий раз война может наступить еще скорее, и она, наверное, будет страшнее. И это будет конец. Теперь я надеюсь на вас, на Россию. Вы должны сказать новое слово.

— Боюсь, капитан, некоторые ваши друзья не захотят прислушиваться к нашему слову...

— Это невозможно. *Моим* друзьям оно понравится, уверяю вас.

— Но ведь Англия состоит не только из ваших друзей, капитан.

— Это правда, — со вздохом согласился он. Но через минуту капитан, смотря на собеседника своими черными, сверкающими глазами, уверенно провозгласил: — После этой войны народы поумнеют, должны поумнеть. Чему-нибудь-то они научились?

— Должны научиться...

На мой вопрос о целях вторжения союзников на европейский континент «мечтающий социалист» ответил длинной декларацией. Он отмечал несомненное различие между целями Англии и Америки: Англия,

по его словам, лишь хотела вернуть Европу к тому положению, какое существовало в ней до прихода Гитлера к власти («Франция, конечно, снимается со счета»). Америка стремилась стать прочной ногой на европейском континенте («чтобы не только описывать долги европейских держав, не желающих или не могущих платить, а получить что-нибудь в качестве надежного залога»). Из-за двойственности конечной цели англо-саксонских союзников капитан не ожидал и единства стратегии. Он полагал, что командующие группами, армиями, корпусами каждый по-своему будет делать все от него зависящее, чтобы облегчить достижение цели своей страны и осложнить это же дело союзнику.

Корнфильд решительно осуждал американские замыслы, как вредные для Европы, и наивно полагал, что после войны Англия будет «помогать» европейским странам не в содружестве с королями и лордами промышленности и финансов, а в союзе с самими народами. Поэтому-то он придавал большое значение хорошим отношениям между солдатами и населением и внушал солдатам необходимость хорошего поведения.

Французский офицер связи, с которым я познакомился на пароходе во время разговора с Корнфильдом, предложил мне пройтись в ожидании, пока рассосется пробка. Мы оставили «мечтающего социалиста» поучать солдат и пошли по обочине. По обеим сторонам дороги стояли тихие и черные сады, солдаты лежали на траве, подложив руки под голову.

Продолжая свою «анкету», я спросил француза, что он думает о конечных целях вторжения союзников. Он ответил быстро, не задумываясь, словно заранее приготовился к вопросу.

— То, что сказал вам вчера на пароходе «черный принц», — начал он, — по-моему, правда. Различие в целях у союзников несомненно. Но это только часть правды. Не знаю, слышали ли вы, что лондонские эмигранты прислали союзному командованию специальный меморандум с требованием ускорить открытие второго фронта?

— Что ж, это вполне естественно.

— Да, но они мотивировали это тем, что с приближением Красной Армии к сердцу Европы движение внутреннего сопротивления во всех странах быстро начинает «леветь», что народное антигитлеровское восстание может смести с лица Европы не только немецких захватчиков, но и правящие верхушки некоторых европейских стран, которые своей политикой попустительства собственным фашистам подготовили в свое время немецкое нашествие. Поэтому-то мне кажется, что, несмотря на различие целей, англо-американских союзников объединяет желание помешать России притти к концу войны слишком мощной. Ведь от русской мощи будет зависеть реальное соотношение сил между подлинной демократией и плутократией. Заботясь о достижении своих целей, англо-саксы ни на минуту не будут упускать из поля зрения именно это, очень важное для них соображение. Каждый генерал будет действовать, так сказать, на два фронта: держать глаз на своем соседе и одновременно следить за тем, что происходит по ту сторону Германии, на Восточном фронте...

Француз говорил горячо, убежденно. Было ясно: ему не хотелось, чтобы его слушали англичане и американцы. Он изливал мне свою душу.

Наша колонна медленно углублялась в Нормандию. Мы всматривались вперед, в ночь, расцвеченную огнями войны. Но мысленным взором каждый из нас хотел заглянуть не только за перевал, к которому мы приближались, но и по ту сторону ночи, в ближайшее будущее, которое ожидало нас, наши народы, всю Европу.

ВРЕМЯ И КРОВЬ

I

На другой день вместе с подполковником Анатолием Пилюгиным мы отправились осматривать нормандский фронт. Дороги левого фланга, куда мы двинулись из Байе, доотказа забили бесконечные автоколонны; они медленно и беспечно растекались во всех направлениях, совершенно равнодушные к опасностям, которые таит небо войны: немецкой авиации не было и в помине. Все поля между Ароманшем и Крулем были уставлены машинами, штабелями снарядов, горючего, ометами плетеной проволоки, приготовленной для покрытия дорог и аэродромов. Если бы немцы смогли тогда обстреливать плацдарм самолетами-снарядами или подвергать его бомбежке значительными воздушными силами, они наделали бы союзникам больших хлопот. Но немецкая авиация была накрепко прикована к полям сражений в Белоруссии.

Лишь дороги, ведущие непосредственно к фронту, пустовали. Там наша машина устремлялась вперед с большой скоростью. Тогда мы начинали пристально всматриваться в дорожные знаки. Когда попадалась надпись: «Стоп! Впереди — враг!», мы знали, что уже достигли передовой линии и что за первым же пово-

ротом рискуем встретить фрицев. Мы послушно ретировались и сворачивали на соседнюю дорогу, пока нас снова не останавливали те же слова: «Стоп! Впереди — враг!» Мы, разумеется, были очень признательны военной полиции за это благоразумное предупреждение, ибо линия фронта совершенно терялась в нормандских холмах и садах.

На правом фланге, куда мы направились ранним утром следующего дня, царила такая же благословенная тишина. Над тихими садами, дремлющими под жарким солнцем, сверкала раскаленная лазурь, не запятнанная ни единым самолетом. В садах паслись телята, бродили гуси; крестьянские дворы, расположенные возле дороги, были полны жизни. Только города, имевшие несчастье лежать на главной магистрали, по которой двигались американские танки, носили тяжелые следы войны: прокладывая танкам дорогу, авиация разносила вдребезги не только немецкие доты, построенные обычно у городских застав, но и самые города. Нарушив связь Шербурского полуострова с остальной Нормандией у Валони, американцы с хода заняли Шербур и очистили весь полуостров. Однако их попытки пробиться с магистрали Карентан — Валонь, проходящей вдоль восточного побережья полуострова, и выйти к его западному берегу на магистраль Валонь — Кутанс, ведущую через Авранш в Бретань, ни к чему не привели. К концу июня американцы застряли на правом фланге так же прочно, как англичане на левом. У них, правда, не было необходимости изображать линию фронта плакатами с яркими восклицательными знаками: здесь противников разделяло болото.

Весь союзный фронт в Нормандии, начинаясь у маленького городка Бенувилль, расположенного возле устья реки Орн, вытягивался на запад по прямой, проходившей несколько южнее Байе и Карентана. В первые дни вторжения эта линия, миновав Карентан, еще загибала на север почти под прямым углом. Трехнедельная кампания американцев на Шербурском полуострове выпрямила ее: она упиралась теперь в море севернее Лессэ.

В течение первых пяти-шести недель линия нормандского фронта была стабильной. Воспользовавшись отсутствием немецкого сопротивления в начальный период вторжения, союзники захватили ее, в сущности, с одного удара. Но продвижение к важным объектам, какими были города Кан и Сен-Ло, где сходились узлы нормандских дорог, надолго застопорилось. Попытка овладеть Каном не удалась в самом начале. Британская парашютная дивизия не сумела захватить севернее Кана холмы, господствующие над городом. Немцы воспользовались неудачей парашютистов и быстро укрепили эти возвышенности; борьба за них продолжалась до второй половины июля и стоила городу его существования. Американцы, нацеленные на Сен-Ло, не осмеливались атаковать немецкие позиции, прикрывающие город, без поддержки авиации, но командующий наземными войсками генерал Монтгомери держал все ее силы на участке под Каном.

Кан был краеугольным камнем стратегии Монтгомери. От этого крупного промышленного города, соединенного с морем большим каналом, дороги расходились веером. Они открывали союзникам не только прямые магистрали на Париж, но и обходные пути к сердцу Франции. По плану Монтгомери, изложенному нам несколько позже начальником его разведки, бригадным генералом Вильямсом, Кану отводилась особая роль. Высадившись в Нормандии, союзные армии оказались на линии, идущей через весь полуостров с востока на запад, это была почти прямая. Подобно радиусу, упирающемуся в центр — Кан, она должна была повернуться против часовой стрелки примерно на 270 градусов. Третья американская армия, находившаяся на самом правом фланге «радиуса», спускалась вдоль юго-западного берега Нормандии, достигала Бретани, пересекала ее, затем поворачивалась прямо на восток, устремляясь к Парижу, однако обходя его несколько южнее. 1-я американская армия, поддерживающая правый фланг, получала задачу держать равнение направо, не забывая о своем левом плече, где действовала на узком участке 2-я бри-

танская армия. У самого центра канадцы поворачивались вокруг оси.

Затем весь этот фронт, прикрывая свой правый фланг рекой Луарой, а левый — водами Английского канала, должен был двинуться в северо-восточном направлении, все время занося вперед свой правый фланг. Фронт, в замыслах Монтгомери, охватывал все немецкие вооруженные силы в северной Франции, отрезал их связи через Бельгию с Германией и сбрасывал в море. («План Шлиффена наизнанку», — острили офицеры.)

На деле получилось иначе. Монтгомери пытался соединить линию фронта с самым «центром наступления» — Каном. В первых боях в Нормандии немцы сравнительно легко отражали атаки союзников в направлении на Кан и Сен-Ло. Мало помогал союзникам их численный и материальный перевес. Они создали большое превосходство в людях в первый же день высадки: разрозненным гарнизонам мелких нормандских городов они противопоставили девять своих первоклассных дивизий. А немцы увидели первую дивизию своих подкреплений только через семь дней после вторжения союзников; в дальнейшем они могли получать одну дивизию каждые полтора дня. Союзники высаживали две дивизии ежедневно. К этому следует прибавить, что среди немецких частей не было ни одной воинской единицы полного состава: пехотным дивизиям недоставало по нескольку тысяч человек, танковые и эсэсовские дивизии были представлены лишь отдельными полками и еще чаще — батальонами.

Союзников поддерживали два флота тактической авиации, которая базировалась на Нормандию и южную Англию, и мощный бомбардировочный флот, оперирующий с английских баз. У них было огромное превосходство в танках, в артиллерии, которая обладала изобилием снарядов. Наконец, в распоряжении союзных армий находился транспортный парк в составе 300 тысяч машин.

Однако союзное командование не реализовало своего превосходства. Немцы чувствовали себя само-

уверенно и держались нагловато. После трех недель боев командир 130-й немецкой танковой дивизии Леер состряпал рапорт командующему корпусом, в котором о танковых войсках союзников отзывался со смесью восхищения и пренебрежения. Он считал, что они полны наступательного духа, но материальная часть их бедна.

Авиация союзников, многочисленная и разнообразная, заставляла Леера рекомендовать германским войскам зарываться в землю да выражать надежду, что скоро Гитлер выполнит свое обещание и пришлет в Нормандию «должное количество» самолетов. Генерал, как и вся немецкая нормандская армия, напрасно ждал обещанную Гитлером авиацию. Белоруссия, где решалась тогда судьба не только Восточной Пруссии, но и всей германской военной машины, удерживала немецкие воздушные (и не только воздушные!) силы. Западный немецкий фронт был обречен оставаться без «воздушной крыши» от первых дней его возникновения до самого конца.

Немцы вели себя в Нормандии вызывающе и нагло отнюдь не потому, что они чувствовали свою силу: по сравнению с союзниками их силы были невелики. По некоторым «тактическим и стратегическим» соображениям генерал Монтгомери не форсировал развитие военных событий в Нормандии. Монтгомери откровенно заявлял, что время само работает на западных союзников. Германия, надломленная и все более изматываемая постоянными и тяжелыми боями на Восточном фронте, истекала кровью. Удар Красной Армии в центре немецкого фронта (белорусское наступление) создал не только военный, но и политический кризис в Германии. Попытка группы кадровых офицеров германского рейхсвера убить Гитлера показывала намерение некоторых слоев внутри Германии найти политический выход из военного тупика. Было известно, что антигитлеровские заговорщики рассчитывали избежать войны на два фронта, договорившись с англо-американскими союзниками.

Английское руководство считало, что по мере продвижения Красной Армии на запад Германия будет

слабеть в военном отношении и разлагаться полити-
чески: по его мнению, разумно было ожидать, что
внутренняя борьба за выход Германии из войны пу-
тем капитуляции на Западе еще более обострится.
Поэтому союзники, по словам английских штабных
офицеров, надеялись, что гитлеровская Германия упа-
дет им в руки, как спелый плод, без серьезных жертв
и расходов с их стороны. Это целиком соответство-
вало черчиллевской теории «дешевой войны».

Центр тяжести наступления переносился в воздух,
где союзники чувствовали себя полными хозяевами.
Немцы цеплялись за французские городки и дере-
вушки с их прочными каменными домами. В течение по-
лутора-двух часов, используя из всех фортификацион-
ных инструментов только ломы, немцы ухитрялись со-
здавать в любом населенном пункте «опорный пункт».
Проще говоря, проделывали в стенах амбразуры для
пулеметов и противотанковых пушек. Встретив сопро-
тивление у какой-нибудь деревушки, союзные войска
откатывались назад и вызывали из Англии бомбарди-
ровочную авиацию. Немцы, быстро освоившиеся с та-
кой тактикой, отходили к следующей деревне, остав-
ляя в обреченном опорном пункте лишь небольшой
заслон. После разрушения этого опорного пункта за-
слон присоединялся к своей части, уже приспособив-
шей к обороне очередной населенный пункт. Овладев
руинами деревушки, союзники упирались в новый
«опорный пункт». Игра повторялась снова и снова.

Мы видели наступление на Кан 8-го британского
корпуса. Между городком Бюльвилль, где находились
исходные позиции атакующей дивизии, и городом Ка-
лежало восемь деревушек. В течение трех дней боев
они были совершенно разрушены: артиллерия и танки,
поддержанные 250 тяжелыми и средними бомбарди-
ровщиками, гнали немцев от деревни к деревне, пока
не загнали их в город. Немцы почти не имели потерь.
Например, в ближайшей к Бюльвиллю деревушке
Лебюси, на которую был направлен основной артил-
лерийский огонь и первый бомбовый удар, немецкие
потери состояли из... одного раненого.

Английское командование не стремилось использо-

вать результаты бомбового и артиллерийского ударов. В бой на земле обычно бросались совершенно ничтожные силы. Часто создавалось весьма странное положение. Корпус, которому было поручено занять тот или иной объект, передавал задачу дивизии, дивизия передоверяла ее бригаде, бригада выделяла батальон. Наступление корпуса оказывалось на деле наступлением батальона.

Однако настроение немцев становилось все тревожней и беспокойней, спесь не могла победить все возраставшего уныния. Кампания Красной Армии в Белоруссии отняла у нормандских фрицев не только воздушное прикрытие.

«Белорусский прыжок русских», как рассказывал мне помощник начальника разведки 30-го британского корпуса Льюис, произвел гнетущее впечатление и в самой Германии и в нормандской армии немцев. Он показал захваченное письмо матери одного фрица из Нойбаха. Она писала: «Официальные сводки с Восточного фронта вызывают страшное чувство и сознание, что война проиграна. Есть ли что-нибудь, что может спасти нас?» Вслед за письмом появился протокол вчерашнего допроса пленных. Разглаживая обеими руками листы бумаги, Льюис говорил:

— Сейчас они очень обеспокоены уменьшающимся расстоянием между передовыми частями Красной Армии и Восточной Пруссией. Официально им ничего не сообщают о боях в Белоруссии. Но вся гитлеровская армия в Нормандии говорит только о них. Моральный уровень понизился во всех подразделениях. Солдаты ругают начальство, нервничают. Один здоровенный пруссак разревелся на допросе, когда ему показали карту, где был отмечен путь, пройденный Красной Армией за две недели. Он всхлипывал, размазывая слезы по грязному, заросшему лицу, и бормотал что-то о своем доме, где не осталось ни одного мужчины, о матери, жене и сестрах, о хозяйстве, которое теперь прахом пойдет...

Боевой дух немецких войск начал сдавать еще больше, когда союзники, накопив на плацдарме силы, усилили нажим на Кан и Сен-Ло.

II

Сначала англо-американское командование попыта
лось захватить Кан ударами на флангах. Канадцы
двигаясь вдоль дороги Байе — Кан, пробились чере
Бреттевилль и добрались даже до аэродрома Ка
рике, расположившегося на западной окраине Кана
Однако обогнуть город с юга не удалось: на пути воз
никла река Орн с очень высоким восточным берегом
Английские части, поддержанные танками, намер
вались обойти Кан с востока. Но немцы, укрепив
шиеся в поселке и на территории металлургического
завода Коломбель, закрыли им дорогу.

Лишь после этого 8-му британскому корпусу, по
держиваемому канадцами, было приказано занят
Кан ударом в лоб. Перед наступлением союзная авиа
ция, «смягчая» немецкую оборону, разрушила все на
селенные пункты, стоявшие на дороге корпуса, зате
дорогу наступающим начала прокладывать артилле
рия. К вечеру второго дня англичане вошли в горо
с севера, а канадцы с запада. Несколько позж
войска соединились и вышли к реке Орн, которая ра
резает город на две почти равные части. Немцы от
ступили за реку; но попрежнему «горлышко бутылки
как именовали тогда Кан, оставалось закупоренным
союзники все еще не могли пользоваться этим важ
ным узлом дорог.

Через восемь дней Монтгомери нанес второй уда
по Кану. Все, что мы знали о подготовке к нему, был
настолько многообещающим, что мы решили присут
ствовать при развитии операции от начала до конца
Еще ночью мы покинули черный двор гостиницы
«Лион д'Ор» в Байе. По пустым улицам мы быстро
выбрались за город и помчались в сторону Кана. На
этот раз наша партия была более многочисленна, чем
обычно. Помимо двух советских корреспондентов, в
нее входили австралиец Стэндиш, американец Мак
дональд и два англичанина — Роберт Купер из
«Таймс» и Рональд Матьюз из «Дейли геральд». Со
провождал нас, как обычно, капитан Керк, сравни

ельно молодой офицер «службы общественных свя-
вей», бывший рекламный делец.

В открытом «джипе» было холодно. Поеживаясь от утренней свежести, мы говорили о предстоящей опе-рации, которая целиком захватила наше воображе-ние. В то утро 2-я британская армия предполагала начать долгожданное наступление. Ударным канад-ским и шотландским дивизиям, поддержанным тан-ками, поручалось прорвать немецкую оборону на юж-ном берегу Орн, в районе Кана, и рвануться на юг, чтобы отрезать все немецкие войска в Нормандии. Ворота прорыва проламывала авиация. Мы спешили в Кан, чтобы увидеть ее удар, который обещал быть необыкновенным: впервые в истории войны на один объект бросалось одновременно четыре тысячи тяже-лых бомбардировщиков.

Начало артиллерийской подготовки захватило нас на окраине Кана. В пустых улицах, обставленных со всех сторон коробками разбитых домов или просто кучами мусора, звонко отдавалось эхо канонады. Немцы стали отвечать, пытаясь нащупать английские батареи, расположившиеся в предместьях. Несколько снарядов упало перед аэродромом Каприке. В руины влетели мины.

Мы сочли за благо выбраться из города. На самой северо-окраине, у стен разрушенного аббатства, мы спря-тали наши «джипы». Солнце еще не взошло. Над обреченным городом висело бледноголубое небо, покрытое в зените перистыми облаками, начинающими гореть лихим пламенем. На северо-востоке, над близ-ким морем, полыхал горизонт, он был чист и ярок. На этом оранжевом фоне появились армады четырех-моторных «ланкастеров». Сначала это были лишь чер-точки пунктира, как бы набросанного углем, но они быстро росли, приближаясь; скоро мы услышали дрожающий гул многих сотен самолетов. Они шли рассеянным строем. Навстречу им устремились сотни черных разрывов: немецкие зенитки пытались поме-шать бомбардировщикам подойти к поселку Коломбель. Усилия зенитчиков были напрасны. Раздался

грохот, задрожала земля под нашими ногами, с крыш аббатства, расположенного приблизительно в дву километрах от поселка, посыпалась черепица. Над по селком и большим металлургическим заводом Колом бель — гнездом немецкой обороны — взвился черны фонтан, который, подобно вулканическому извержс нию, стал расти и шириться, закрывая полнеба Огромное черное облако медленно двигалось на го род. Сначала исчез город, потом перелесок, стоявши ближе к нам, затем пшеничное поле, желтевшее почт у самых стен аббатства. Как сильный лондонский ту ман, облако поглотило все, кроме грохота взрывов звонких залпов батареи 25-футовых орудий, ок павшихся за пшеничным полем. Появилось солнц Оно было красно, кругло и холодно. В этом странно и страшном освещении все казалось черным — пол деревья в саду аббатства, разрушенная церковь: ка будто мы смотрели на мир через густо задымленны очки. Над черной панорамой сверкало голубое неб и в этом мирном, зовущем небе, блистая серебро шли тесным строем «летающие крепости». Они летел эскадрильями на размеренной дистанции.

Восхищенные и подавленные, мы вернулись в шта второй армии, где сухой, как пергамент, полковни Пауэл поведал нам, что наступление идет хорошо, ч мы можем явиться свидетелями «исторических собы тий» и прочее и прочее; но он запретил писать о ма штабах бомбежки и упоминать об участии канадце Канадцы отличались фанатическим упорством, немц их боялись и старались противопоставить им соотве ствующие части. Обычно канадцы появлялись на на правлении главного удара, поэтому немцы, если и удавалось обнаружить это, уже знали по одном только появлению канадцев половину намерений союз ного командования.

Когда после конференции в штабе армии мы напр вились в Коломбель (у нас не имелось ни малейши сомнений в том, что поселок занят союзными во сками), нас благоразумно остановили на окраине де ревушки Лебюси. День был жарок и безветре Густой и сладкий трупный запах неподвижно сто

над улицами погибшей деревушки. В обнаженном лесу валялись убитые лошади и коровы.

Вдоль каменной стены большого парка, идущего от Лебюси к реке Орн, мы двинулись в направлении Коломбеля. Английские пушки, укрытые в парке, били по заводу и поселку прямой наводкой. Артиллеристы помогали канадцам «вручную» очищать район завода. Мы отчетливо видели облачка разрывов, слышали короткие и бешеные пулеметные и автоматные очереди. Сержант, командовавший первым орудием, полушутливо, полусерьезно говорил:

— Вот вам и мощная авиация. Били, били, сколько бомб истратили, а фрицев выбивать все-таки нам приходится. С этого надо было начинать. Мы их давно бы выкурили.

Чудовищный удар авиации (всего на завод Коломбель было сброшено десять тысяч тонн бомб) не продвинул союзников вперед ни на один дюйм. Расчирепевшие канадцы бросились через реку, чтобы завязать с немцами рукопашные бои; только после этого удалось изгнать фрицев из Коломбеля. Пехота еще раз продемонстрировала, что даже мощная авиация бессильна решить исход боя, если ее поддержку не используют во-время смелые и энергичные наземные силы. События показывали все с большей наглядностью, насколько вздорны были расчеты союзного воздушного командования, вдохновленные Черчиллем, выиграть войну силами одной лишь авиации.

Воздушная бомбежка превратила в руины поселок и завод Коломбель, разрушила большую часть города Кан. Под его развалинами погибли, как рассказал глава союзного военного управления в Кане майор Кельмут, более двадцати двух тысяч французов. Майор был удивлен и возмущен тем, что союзное командование разнесло Кан с воздуха. Разведка достоверно знала, что немцы фактически покинули город. Северная половина Кана была разрушена восемью-десятью днями раньше: союзники бросили тогда на город 250 тяжелых и 500 средних бомбар-

дировщиков, хотя в городе, по данным разведки, насчитывалось только пятьсот немцев.

В Кане немцы повторили в новом варианте испытанный трюк, который они применяли в деревушках перед городом: когда союзники обрушились на него всей своей воздушной мощью, немцы постарались отойти и занять оборону на южной окраине города.

«Прорыв» оказался переходом из руин севернее реки в руины южнее ее. Но союзные танки попрежнему не осмеливались показаться на дорогах, ведущих от Кана на юг или восток, пехота зарылась в землю, потому что авиация, совершив страшное дело, не появилась над пустыми полями, словно стыдилась содеянного.

Через два-три дня стало абсолютно ясно, что наступление, начатое «историческим ударом» с воздуха, провалилось. Разочарование корреспондентов, которым было обещано «хорошее представление», вырывалось наружу в раздраженных разговорах и сердитых статьях. Сами они оказались в очень глупом положении. Падкие до сенсации, корреспонденты раструбили по всему миру, что наконец-то началось давно ожидаемое наступление. Они подхватили замечание полковника штаба 30-го корпуса Беринга о «русском стиле» операции. Этот «стиль», как они объясняли своим читателям, предусматривал сокрушительный удар большими силами с целью прорыва, затем гигантский бросок на 150—200 километров. Такой прыжок, намекали они, мог привести союзников к воротам Парижа. Однако «русский стиль» оставался только мечтой. Уже на другой день Париж пришлось заменить городком Фалез, стоявшим на пересечении дорог, ведущих из Нормандии на юг. А к вечеру второго дня Фалез был заменен деревушкой Бургебус, отличавшейся только той особенностью, что она стояла на пути к Фалезу.

Когда два дня спустя полковник Беринг сообщил на пресс-конференции, что наступление вообще остановлено, корреспонденты подняли шум. Джимми Макдональд, красный от возмущения, стал кричать что-то о блефе.

— Бомбардировка была поистине грандиозной, — восклицал он, — а результат? Результат ничтожный, просто постыдный результат. Если бы русским дали такую поддержку с воздуха, они давно были бы у Фалеза с той стороны...

Беринг сочувственно кивал головой: он не хотел ссориться с прессой. Он также был того мнения, что союзное командование упустило удобный момент для нанесения удара по немцам южнее Кана. «Бошам» — полковник никогда не называл немцев иначе — позволили беспрепятственно отойти и воздвигнуть новую оборону в непосредственной близости от Кана. В районе Бургебуса и Троарна (первые деревни южнее и юго-восточнее Кана) появились «тигры» и «пантеры», и английским танкам не оставалось ничего другого, как ретироваться подобру-поздорову назад, к городским развалинам.

Купер напомнил об условиях боев у Эль-Аламейна, в Северной Африке. Полковник только махнул рукой.

— Тогда мы имели «шерман», — сказал он, — «шерман», который был сильнее немецкого «марка-4» [1]. Сейчас же мы не имеем ничего, что хотя бы приближалось по своим качествам к «тиграм» и «пантерам». Поэтому нам приходится быть осторожными.

— Не находите ли вы, — спросил Монсон, — что наша стратегия слишком осторожная стратегия?

Полковник помолчал, потом со вздохом признался:

— Генерал [2] получил строгий приказ свыше — не допускать неудач.

— Значит, — резюмировал Макдональд, — отказываться от смелых шагов, чтобы не рисковать неудачей?

— Да, — коротко согласился Беринг.

На это Макдональд во всеуслышание провозгласил:

— Я разочарован. Чувствует ли верховное командование то же самое?

Молчание. Полковник только пожал плечами, углубившись в бумаги.

---

[1] Типы танков.
[2] Монтгомери.

На другой день, такой же мрачный и тоскливый, к нам приехал бригадир Невиль; видимо, Монтгомери прислал его успокоить расходившихся корреспондентов. Он стал утверждать, что занятие южной части Кана было большим военным достижением: узел важных дорог, используемый до сих пор немцами, попал наконец в руки союзников. Игра, по его словам, стоила свеч. Он даже пустился объяснять, что задача наступления 18 и 19 июля заключалась не в том, чтобы «прорваться» через немецкие позиции, а в том, чтобы «ворваться» в них.

Журналисты весьма бесцеремонно разоблачили эти маневры, доказав, что в своих ранних сообщениях командование говорило о более серьезных намерениях.

Полковник Беринг попытался отвлечь внимание корреспондентов от безрадостного положения на нормандском фронте импровизированным «вторжением» в ход операций на германо-советском фронте. Ссылаясь на какие-то неведомые источники, Беринг заявил, что немцы добровольно отходят на центральном участке своего Восточного фронта.

— Почему же они, — спросил корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Рассель, — оставляют в русских руках десятки тысяч своих солдат?

— Но ведь относительно пленных сообщают только сами русские, — быстро ответил полковник.

— А разве немцы когда-нибудь подтверждали число пленных, потерянных ими?

Корреспондент «Таймс» Купер, только что получивший самолетом свою газету, показал пространный отчет московского корреспондента «Таймс» о прохождении 58 тысяч немецких пленных по улицам Москвы. Полковник быстро пробежал отчет и умолк, снова, по обыкновению, пожав плечами.

Наутро нас потребовали в штаб 2-й британской армии, где сам начальник штаба решил поговорить с корреспондентами. Сухой и седоволосый, проведший всю свою сознательную жизнь в армии, этот профессиональный вояка говорил на таком заправском военном жаргоне, что американцы, под веселый смех собравшихся офицеров и корреспондентов, потребовали

переводчика. Генерал сразу же заявил: ошибается тот, кто думает, что удар 18—19 июля должен был привести союзников в Париж. Таких больших целей не ставилось. Объекты были значительно скромнее, они находились в километрах пятнадцати-двадцати от Кана. Но и их войска не достигли.

Один из американцев спросил: не было ли наступление остановлено по политическим причинам? Начальник штаба ответил решительным отрицанием:

— Мы были остановлены немецкими пушками «88» и танками, — больше ничем.

III

Почти одновременно с Каном погиб другой большой и замечательный французский город, центр департамента Манш — Сен-Ло. Бои за него были упорны и кровавы. Немцы не хотели отдавать Сен-Ло: на его узких гористых улицах перекрещивались почти все дороги центральной Нормандии. Нельзя было пройти ни с запада на восток, ни с севера на юг, минуя его живописные холмы. Сен-Ло прочно закупоривал 1-й американской армии путь на юг. Высоты, покрытые садами и рощами, дали возможность немцам построить довольно хорошую оборону. Наступление могло итти только по дорогам, а дороги прикрывались немецкими противотанковыми пушками «88» и «тиграми».

После неудачных попыток сбить противника ударами с флангов и в лоб американцы начали молотить немцев сверху. Тяжелые бомбардировщики разрушили немецкие укрепления, а вместе с ними уничтожили и город.

Мы попытались пробраться в Сен-Ло на второй день после того, как немцы покинули его страшные руины. К городу вела тогда одна дорога — из Карентана, но и она все еще обстреливалась из минометов. Военная полиция предложила нам оставить «джип» за холмом и добираться до города пешком. Путь шел по склону огромной глубокой балки, поросшей садами, рощами и кустарниками. Внизу лежала краснокрышая деревушка, покинутая населе-

нием. Гулкое и многократно повторяемое завывание мин, казалось, неслось с самого дна балки.

В глубине лощины, у большой мельницы с выбитыми окнами, мы остановились и закурили. Навстречу нам из города спускалась группка людей — трое мужчин и женщина. Их сопровождал американский капрал. Мужчины были небриты, взлохмачены, желты, их неподвижные глаза не выражали ничего, кроме смертельной усталости: страшная бомбежка, разрушившая Сен-Ло, уничтожила их человеческую душу. Равнодушно закурили они папиросы, предложенные нами; курили, жадно затягиваясь, но и эта жадность была какая-то автоматическая. Женщина что-то напевала: она сошла с ума. Капрал объяснил, что эти четверо — все, что осталось от десятитысячного населения Сен-Ло.

Мы добрались до окраинных улиц, но в город проникнуть не могли: улицы оказались заваленными остатками стен, сорванными крышами, расщепленными деревьями. Все это было покрыто толстым слоем мелкой пыли.

Тем же путем мы вернулись назад, посмотрели с холма на растерзанный город: он был черен, как головешка.

Днем позже мы отправились к центру американского сектора, где корреспондентам обещали очередное «шоу». До штаба 1-й американской армии было совсем недалеко. Он расположился на окраине маленькой деревушки, стоявшей в стороне от большой дороги и поэтому почти не затронутой войной. В отличие от английских штабов, которые обычно избегали населенных пунктов, предпочитая сады и рощи, американские штабы использовали здания, чаще всего нежилые. Из штаба армии нас послали в штаб корпуса, получившего приказ выйти и закрепиться на дороге Сен-Ло — Перье: американцы начинали самостоятельно прорубать ворота к западному берегу Нормандии — на Кутанс и Авранш, чтобы затем вырваться в Бретань и, согласно плану, разработанному генералами Паттоном и Брэдли, окружить немцев в Нор-

мандии, а не в северной Франции, как планировал Монтгомери.

В штабе корпуса мы застали самого Брэдли, командующего армией. Не снимая очков в железной оправе, генерал смотрел через полевой бинокль на небо. В то утро ожидали удара тысячи трехсот тяжелых бомбардировщиков по немецким позициям. После этого танки должны были атаковать противника, за танками готовилась наступать пехота. Однако погода не сулила многого. Накрапывал дождь.

Корреспонденты жались к стене: цвет американской журналистики ждал удачи на американском секторе. Писатель Эрнест Хемингуэй, теребя свою огромную бородищу, мечтательно смотрел куда-то поверх садов; огненно-рыжий Никербокер рассказывал анекдот, который был так же скучен, как его многочисленные и поверхностные писания; военный комментатор Болдуин зябко кутался в шарф.

Наконец перестало моросить, в мутных облаках появились голубоватые окна. Первая волна бомбардировщиков, как сообщили в штабе, уже пересекала канал. Чтобы не пропустить бомбежки, мы продвинулись километров на двадцать вперед и остановились на окраине одной из деревень, расположенной на высоком холме. Отсюда была отчетливо видна гряда холмов на той стороне долины: они вытягивались параллельно нашей магистрали. Там проходила роковая дорога, на которой закрепились немцы: туда-то и направлялся удар бомбардировщиков.

Шагах в пятнадцати от нас затормозила штабная машина. Рослый усатый офицер, выбравшись из нее, позвал нас к себе: он оказался близким знакомым корреспондента «Дэйли геральд» Матьюза. Офицер, часть которого находилась в нескольких километрах от деревушки, пригласил нас пить кофе, что было весьма кстати: мы основательно проголодались.

Не успели мы добраться до «дома» гостеприимного офицера, как бомбардировщики показались за нашей спиной. Мы намеревались уже повернуть назад, но самолеты опередили нас: достигнув дороги, на которой мы только что стояли, они стали сбрасывать свой

смертоносный груз. Черные фонтаны дыма и грязи поднялись над садами. Офицеры и солдаты смотрели на самолеты остановившимися от удивления и ужаса глазами. А самолеты все подходили и подходили, сбрасывали и сбрасывали бомбы. Грохот несся к нам в облаке пыли и дыма.

Когда часа полтора спустя мы снова добрались до нашей деревушки, она уже не существовала. Мэрия еще дымилась, на месте церкви высилась куча мусора. В садах валялся убитый скот. Вдоль дороги горели американские грузовики. Грязные, обалдевшие солдаты вылезали из канав. Они все еще смотрели в небо с недоумением и страхом.

В штабе корпуса, атака которого была сорвана этой ошибочной бомбежкой, угрюмо подсчитывали потери: число убитых перевалило за сотню, среди них значился генерал-лейтенант Макнэйр. После этого несчастья американские танки и грузовики стали укреплять на самом видном месте яркое оранжевое полотнище, хорошо видное даже с большой высоты.

На другой день американцы вернулись на свои исходные позиции. Теперь авиация сбросила бомбы точно на «немецкую дорогу». Танки рванулись вперед под покровом мутной завесы дыма и пыли, поднятой самолетами. К концу дня американцы прочно оседлали шоссе Сен-Ло — Перье. Наутро танки достигли магистрали Сен-Ло — Кутанс. Перевалив через нее, они двинулись на Бреаль, расположенный у самого моря, срезая, таким образом, основание большого треугольника Сен-Ло — Лессэ — Бреаль. В эти ворота хлынули ударные корпуса 1-й и 3-й американских армий, имевших тогда 13 пехотных и 5 танковых дивизий. Измотанные долгими боями, немцы не могли оказать серьезного сопротивления этому сильному натиску. Американцы обладали примерно четырехкратным превосходством в людях, не говоря уже об изобилии техники.

Танковые колонны ринулись к морю. Одна из них, захватившая Сен-Жиль и Каниси (юго-восточнее Сен-Ло), быстро прошла прямо на юг и с ходу заняла местечко Тесси сюр Вир, недалеко от крупного

узла дорог — города Вир. Но в самый город американцы почему-то не вошли. Танки 2-й британской армии, наступавшие на юг от городка Комон, ворвались в Вир первыми и заняли его без боя. Однако, осмотревшись, командир танкового батальона обнаружил, что захватил «чужой» объект: по плану союзного командования, Вир предназначался американцам. После некоторого раздумья командир приказал своим танкам очистить «американский» город. Немцы воспользовались этим, поспешно бросили в Вир большие силы. Ожесточенные бои за этот важный пункт шли потом долго, были кровавыми, привели к большим потерям с обеих сторон.

Вторая танковая колонна, заняв Мариньи, вышла на дорогу Сен-Ло — Кутанс и повернула прямо на запад, к морю. Поздним вечером следующего дня танки вошли в Кутанс: треугольник Перье — Бреаль — Сен-Ло был разрезан на две равные части. В основании этого треугольника, открытого теперь лишь со стороны моря, лежала дорога Лессэ — Кутанс — Бреаль, идущая параллельно берегу. Вдоль этой-то дороги двинулся танковый корпус 3-й американской армии. В два дня прошел он от Лессэ до Кутанса расстояние, которое целая армия не могла одолеть в течение почти двух месяцев. На третьи сутки скорость движения танков, вырвавшихся на просторную и открытую дорогу Бреаль — Авранш, еще более увеличилась. Через день танки, поддержанные авиацией, пронеслись по улицам Авранша, спустились с его огромного холма, пересекли жалкую речонку, отделяющую Нормандию от Бретани. Перед ними открывался Брестский полуостров, охраняемый частями двух-трех немецких дивизий.

Танки двигались так быстро, что мы потратили бо́льшую половину долгого летнего дня на поиски их следов. Правда, в «воротах прорыва», проложенных авиацией и артиллерией западнее города Сен-Ло, мы продвигались почти шагом. Дороги были изрыты воронками от бомб и снарядов. По обеим сторонам шоссе стояли оголенные и обожженные сады, будто чудовищный огненный ураган обломал сучья, расще-

пил стволы. Зеленые луга превратились в желтые, неведомо зачем так глубоко и безобразно вспаханные поля. Вместо деревень мы находили лишь остатки каменных стен, кучи камня, щебня, разбитых досок, куски скрюченного железа.

Чем дальше от этих «ворот», тем меньше попадалось разрушений. Уже в Кутансе ураган войны пронесся лишь по центральной улице. Бреаль, Гранвилль и все мелкие городки вдоль дороги Кутанс — Авранш не были даже затронуты. В Гранвилле немцы взорвали портовые сооружения, заминированные ими еще 17 июня, то есть на десятый день после высадки союзников.

Дорога от Гранвилля до Авранша носила следы поспешного немецкого бегства. Удирая от американцев, фрицы отнимали у крестьян лошадей, крали деревенские подводы, кабриолеты, брички. Американские танки нагнали и разметали караван этих повозок по сторонам. Охапки обмундирования, винтовки, папки секретных документов валялись вдоль дороги. На соседних тропах и проселочных дорогах виднелись верхние куртки, шинели, противогазы, винтовки, сапоги и даже бутылки с водой — наглядная картина постепенного «облегчения» убегающих фрицев.

Немцы пытались остановить танки перед Авраншем, расположенным на высоком холме, с которого была видна вся равнина. Союзная авиация обрушила на этот живописный холм несколько сот тонн бомб. Через разрушенный город мы пробрались на его южную окраину. Отсюда открывался изумительный вид на море, на залив Сен-Мало. Там в сверкающей дымке поднимался едва различимый собор Сен-Мишель, одно из самых великолепных созданий европейского зодчества.

Бретань, согретая августовским солнцем, казалось, дремала, не замечая войны, громыхавшей по ее дорогам. На перекрестке путей в Понторсоне мы долго стояли, гадая, в какую сторону ехать. Американский патруль, подкрепленный парой бойцов французских внутренних сил, не мог сказать, где в Бретани идут бои. День был солнечен, ясен и тих. Французский

велосипедист, остановленный нами, слышал гул артиллерийской канонады в направлении города и порта Сен-Мало. Минут через тридцать, проехав километров пятьдесят по широкой и пустой дороге, мы увидели впереди сизое облако дыма, а еще через тридцать минут мы сидели в уютной дорожной гостинице почти у самого Сен-Мало и разговаривали с командиром американского танкового батальона. Оказалось, что еще позавчера американские войска вошли в город и заняли его. Немцы засели в морской крепости. Командир немецкого гарнизона, с которым немедленно установили телефонную связь, отказался сдать крепость. Эта связь поддерживалась долгое время спустя, и артиллеристы после удачного выстрела звонили в крепость и спрашивали немцев, получили ли они подарок или нет. Полковник-немец воевал под Сталинградом; командир батальона полагал, что «старый мошенник, видимо, напакостил в России» и теперь боится сдаваться, опасаясь, что американцы выдадут его русским. Комбат обещал позвонить и сказать немцу, что двое русских уже ждут его в окрестностях Сен-Мало.

Но мы не стали ждать, когда смирится строптивый немец. Минуя Понторсон, мы направились в Ренн, который, как выяснилось, был накануне занят американскими танками. Группы празднично одетых крестьян двигались вдоль дороги, — они возвращались из церквей. На улицах городков и деревень стояли толпы молодежи; они встречали и провожали союзные машины воинственными и восторженными криками. Кое-где натягивали полотнище через всю улицу, приглашая союзников «пожаловать».

В садах перед Ренном торчало с десяток «шерманов», подбитых немецкими противотанковыми пушками. Еще дальше мы обнаружили горки стреляных гильз. Пушек не было: видимо, немцы ухитрились увезти их, несмотря на поспешное отступление.

В самом Ренне, в «Отель де Франс», мы застали американского коменданта города: расхаживая по просторному затемненному залу, он ругался на чем свет стоит. Приехав в город еще вчера, он не мог никого найти: жители прятались, опасаясь уличного

сражения. Немцы угрожали драться в Ренне за каждую улицу, за каждый дом: город ведь закрывал выход с Брестского полуострова. Но угрозу свою они не выполнили. Какой-то немецкий канцелярист, пытаясь связаться по телефону с соседним городком, долго не мог поймать немецкого коменданта, — телефон не отвечал. Затем чей-то грубый голос ответил: «Алло!» Канцелярист потребовал коменданта, обругав при этом ответившего. Обладатель грубого голоса на другом конце телефонного провода возмутился. На плохом немецком языке пригрозил канцеляристу добраться до него, если тот пробудет в Ренне еще два часа. Канцелярист сообразил, что говорит с кем-то из авангарда 3-й американской армии. С диким криком: «Американцы!» немец помчался по улице. За ним ринулись другие. Скоро улицы Ренна были заполнены бегущими джерри; удирая из города, они отнимали машины, сбрасывали мальчишек с велосипедов. Лишь противотанковый дивизион, изолированно расположенный в предместье и не имевший связи с паническинастроенным гарнизоном, оказал американцам короткое сопротивление на подступах к городу. Но в самом городе не прозвучало ни единого выстрела. Это явилось неожиданностью не только для французов, но и для американцев, которые сначала даже не решались итти в город, подозревая ловушку.

Под вечер танки все же вошли в Ренн, продефилировали по его улицам и, не задерживаясь, бросились вдогонку за немцами, убегавшими на Сен-Назер, Ле Ман, Анже. Обитатели Ренна совершенно неожиданно для себя оказались в глубоком тылу. Все это случилось накануне, но горожане еще не могли притти в себя. Это и бесило коменданта.

В полдень разнесся слух, что американские танки заняли Сен-Назер. Комендант взволнованно советовал нам отправиться туда. Захват этого большого города и порта, как доказывал он, не только завершал отсечение всей Бретани от Франции, но и давал армии порт, в котором она так сильно нуждалась. Однако надежды коменданта не оправдались. Город действительно был занят — и, кстати сказать, с помощью ру

ских партизан из числа военнопленных, — но морская крепость оставалась в немецких руках почти до последнего дня войны.

За Редоном нас остановили: патруль сам точно не знал, по какой дороге ушли танки. Офицер-танкист, приехавший из окрестностей Сен-Назера, искал пехоту, которая должна была сопровождать его часть. Он спрашивал нас, не видали ли мы ее на пути из Ренна. Мы не видали. Вместе с танкистом мы поехали назад, к городу.

Однако там, где дорога из Сен-Назера встречается с дорогой из Анже, мы повернули на Анже. В окрестностях Шатобриана нагнали американскую пехотную часть. Командир роты, здоровый белобрысый медлительный капитан, жаловался, что потерял свои танки. В Ренне эти сумасшедшие французы, с их объятиями и приветствиями, задержали его, поэтому он отстал от танкистов и теперь, видимо, попал на другую дорогу. В Шатобриане, куда он уже посылал разъезд, американские бронированные машины еще не появлялись.

Он спокойно и беспомощно сидел в тени развесистой яблони и ждал, когда штаб дивизии определит и даст ему координаты «шерманов». Время от времени капитан протягивал руку в густые ветви, срывал яблоко, предлагая его сначала кому-нибудь из гостей. Гости неизменно отказывались. Тогда капитан с ленивым аппетитом начинал грызть яблоко сам; он флегматично взирал на волнистый горизонт, над которым струился раскаленный воздух.

IV

На обратном пути мы обнаружили одно весьма «пикантное» обстоятельство: горловина, ведущая через Авранш из Нормандии в Бретань, была поразительно узка и не защищена. Немецкие патрули, к своему большому удивлению и к не меньшему удивлению американцев, появились в тот день на единственной дороге 3-й армии, по которой мы проехали утром. Это так озадачило американцев, что они даже не попыта-

лись организовать погоню. В Понторсоне нас предупредили, что, огибая залив Сен-Мишель, мы можем встретить противника. Американский лейтенант советовал переждать в Понторсоне, его гарнизон насчитывал тридцать человек и пару пулеметов. После короткого раздумья мы все же решили ехать в Авранш, где расположилась на ночь французская танковая дивизия. По хорошей, прямой и чистой дороге наша машина рванулась к Авраншу: в течение долгих пятнадцати минут спидометр показывал не меньше ста километров. Только на крутом подъеме от пограничной речонки к Авраншу машина несколько замедлила бешеный бег. Мы оглянулись назад, на тихие холмы в садах, освещенные предвечерним солнцем. Среди садов виднелись редкие краснокрышие деревушки, поднимались островерхие церкви.

На другой день в штабе армейской группы мы узнали, что немцы не случайно появились на дороге Авранш — Понторсон. Германское командование, как это следовало из перехваченных радиограмм, намеревалось одним ударом захватить Авранш, чтобы отрезать 3-ю американскую армию. Немецкие танковые части, собранные в районе Флер, двинулись прямо на запад и уже заняли несколько мелких, но важных узлов. «Тигры» и «пантеры» смело шли вперед, защищенные не столько своей броней, сколько низкими облаками.

Одновременно немецкое командование послало несколько групп своих танков севернее Фалеза, где канадцы пытались продвигаться вдоль дороги из Кана. До наступления пасмурных дней канадцев сопровождала авиация, которая «смягчала» буквально каждую кочку, встречавшуюся на их пути. Немцы упрямо оборонялись. Спасаясь от авиации, они зарывались так глубоко в землю, что «выковыривание» их отнимало у канадцев массу времени. Монтгомери бросал танки в ночные атаки, концентрировал артиллерию на узком фронте. И все же продвижение здесь измерялось десятками ярдов в день.

Немцы просто не хотели пускать союзников к Фалезу. Монтгомери, преследуемый призраком возмож-

ых больших английских потерь, не решался бросить наступление значительные силы 2-й британской армии. Фалез был последними воротами из Нормандии в глубину Франции. Части нескольких эсэсовских дивизий, под командованием Зепа Дитриха, сторожили эти ворота до тех пор, пока остатки немецких соединений не уползли из центральной Нормандии на восток.

Тем временем Паттон, оставив небольшие заслоны вокруг морских крепостей Бретани, где засели гарнизоны противника, повернул всю свою армию на восток. Его танковые колонны двинулись на Париж. Уже через несколько дней они были на половине пути к французской столице. Однако, заняв Алансон, танки 3-й армии сделали крутой поворот на север, на Аржантан, захватили его почти без боя и оказались в тылу той самой немецкой группировки, которая все еще пыталась отрезать 3-ю армию в Бретани от 1-й армии в Нормандии. Американские танковые колонны, включающие французскую дивизию, нацелились с юга на Фалез, который так упрямо, но безуспешно стремились захватить с севера канадцы. Казалось, что судьба города, а с ним и судьба всей германской армии в Нормандии, группировавшейся тогда западнее Фалеза, решена. В союзное кольцо попадали части девяти пехотных, пяти эсэсовских и четырех танковых дивизий.

Но американцы были остановлены перед Фалезом... приказом Монтгомери. Командующий 21-й группой установил, как тогда выражались, «международную линию», которую американцы не смели переступить. Между американскими и британскими войсками возник коридор. Воспользовавшись им, немцы стали поспешно вытягивать из «фалезского мешка» свои части и уводить их на восток, к Сене. Союзники начали параллельное преследование уходящих немцев, но это не могло привести к эффективным результатам. Бои за Нормандию закончились без разгрома немецкой армии: германское командование уводило на восток наиболее боеспособные части, прикрывая их отступление второсортными войсками.

Любопытно вспомнить в этой связи один факт.

С самого начала боев на европейском континенте ле
вому флангу союзников противостояла дивизия «Га
ринг». Она не однажды бывала разгромленной
уничтоженной, но неизменно, подобно сказочной гидр
появлялась снова против левого фланга. Загадка ока
залась очень просто объяснимой: по мере отступлени
немцев на восток дивизия пополнялась за счет назем
ного персонала германских воздушных сил: аэродром
ных сторожей, заправщиков, ремонтных рабочих, пова
ров, канцеляристов. Другие войска прикрытия набир
рались таким же образом. Командование жертвовало
этим негодным к активной военной службе мате
риалом, чтобы избавить свои боеспособные дивизии от
потерь, неизбежных при отступлении.

V

Дорога от Кана до Фалеза, по которой мы пытались
догнать авангарды, преследующие немцев, носила
следы ожесточенной борьбы: деревушки и мелкие
городки были превращены в мусор и щебень; мосты
через узкие, извилистые речонки стали грудой щепок
придорожные рощи и сады стояли голые, обожжен
ные; изредка виднелись подбитые английские и немец
кие танки; часто попадались могилы погибших
однако трудно было установить, кто покоился в них
немцы или канадцы. У самого въезда в Фалез под
могучим дубом лежали, раскинув руки и ноги, с десят
ток немцев. Казалось, они спрятались в тени дерева
чтобы отдохнуть. Но над дубом висело низкое пас
мурное небо, да и лица немцев странно пожелтели
поросли щетиной: это канадцы рассчитались с эсэсов
цами за зверское убийство восемнадцати своих това
рищей.

Фалез был разрушен. В его мрачных развалинах
саперы проложили выемки, по которым все еще кати
лись танки, устремлявшиеся к Сене, по следам про
тивника. За танками двигались бесконечные авто
колонны со снаряжением и продовольствием.

Город Аржантан был разбит с воздуха, искромсан
артиллерией. Вокруг вокзала не осталось ни одно

лены. Черными чудовищами торчали на путях искорканные паровозы. Среди обломков стен стояли ады. Их поредевшая листва странно блестела после едавнего дождя.

За Аржантаном мы остановились в маленькой зелеой деревушке. В тесной комнате трактира застали нглийского подполковника штаба 21-й группы. Он озвращался из 3-й армии и был возбужден, видимо е столько вином (пустая бутылка красовалась перед ним), сколько удачным ходом войны во Франции. Он оворил звонкой скороговоркой, часто острил, смеялся обственным остротам, поражая нас невероятным птимизмом. Когда корреспонденты, подавленные зреищем дороги, вдоль которой было уничтожено буквально все, напомнили ему о разрушениях французких городов и деревень, подполковник досадливо отмахнулся:

— Сами же французы говорят: нельзя сделать омлет, не разбив яйца.

— Да, но не режем ли мы курицу для того, чтобы делать омлет?

Подполковник засмеялся:

— В таком случае это соседская курица...

Мне припомнилась одна знаменательная встреча. В саду, где стоял тогда штаб 12-го британского корпуса, я увидел французского офицера связи; мы познакомились еще на борту военного транспорта, по пути в Нормандию. Капитан загорел, хотя глаза его провалились и под ними появились синие круги.

Мы добрались до крайнего крестьянского двора, оявшего у дороги. Капитан предложил заглянуть уда. Через дубовые ворота с исполинским запором ы вошли во двор. Справа стоял массивный двухтажный дом — маленькие оконца, неприступная верь. Толстой каменной стеной дом соединялся с другим таким же мощным зданием, примыкавшим к амбару, а амбар сливался с сараем. От сарая к дому вела другая стена, в которой зияли ворота. Посредине — квадратная площадка, в центре ее — жалкий бассейн для уток и гусей. По двору расхаживали куры, пегий теленок и пара поросят. Весь живой мир,

включая самого хозяина с семьей, был прочно заключен в эту каменную коробку.

— После этого вы должны понять, — говорил капитан на пути к штабу, — почему французские крестьяне так привязаны к своему двору, к своей семье. Этот двор, конечно, не крепость, хотя он когда-то и служил как бы цитаделью. Этот двор — их мирок, обособленный и, пожалуй, дикий. Вы можете представить себе трагедию нормандских крестьян, дворы которых разрушены, скот перебит, сады сожжены. Тут богатство, копившееся веками, уничтожалось в несколько минут. У них нет никаких надежд восстановить разрушенное: государство не сможет взяться за восстановление миллионов дворов, у него будет достаточно забот и без этого. Самим крестьянам такие затраты не под силу. Это ведь тяжело даже у вас в СССР. Но у вас, при вашей государственной системе, при вашем девизе: все за одного, один за всех, — это все же возможно. Но здесь... Кому какое дело, предположим, до этого двора? Ни соседи ни государство не будет восстанавливать его, если шальная бомба угодит сюда. Несколько поколений должны будут трудиться, чтобы вернуть потерянное в этой «дешевой войне»...

Пророчество капитана сбылось самым невероятным образом. Три дня спустя на этот двор рухнул союзный самолет, сбитый немецкой зениткой. Все постройки были превращены в груды развалин, под ними погибла жена крестьянина; сам он со старшей дочерью и двумя малолетними сыновьями работал в поле. Вернувшись домой, отрыл жену, молча, без слез, похоронил ее в саду. Дальние родственники забрали детей к себе, крестьянин остался тут. Он сел на пепелище, обнял голову руками и сидел так, неподвижно смотря в землю. Когда соседи обращались к нему, он бормотал только одно слово:

— Конец, конец, конец...

НА ПОРОГЕ ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ

I

Чем дальше в глубь Франции входили клинья союзных армий, тем ярче раскрывалась перед нами многообразная прелесть этой страны, увлекательная красочность ее городов, мужество и жизнерадостность народа. Со стоической решимостью приняли французы все беды и грозы войны, которая за последние тридцать лет трижды обрушивалась на их землю, испепеляла их города, топтала поля, ломала сады, перзала дороги. Трудно найти во всей Западной Европе что-нибудь печальнее Камбрэ, Амьена, Витри, Лаона и многих других французских городов. Когда союзники пришли наконец во Францию, ее патриоты уже имели мощные внутренние силы сопротивления, располагавшие боевыми партизанскими отрядами, закаленными в смертельной борьбе с оккупантами. И весь французский народ, в результате предательства «мюнхенской» клики испивший горькую чашу страданий и унижений, был полон упрямого духа непокорности, решимости драться до конца за свою свободу.

Мне довелось впервые в Кане познакомиться с этим народом, жаждущим бороться за свободу. К коменданту северной части города, английскому офицеру, явилась седоволосая высокая и худая женщина в со-

провождении молоденькой, изящной и необыкновенно пестро одетой девушки. Обе в упор поставили коменданту вопрос: правда ли, что союзное командование воздерживается от бомбежки южного предместья города, где обосновались немцы, только потому, что опасается нанести удар мирному населению? От имени французских жителей предместья, в первую очередь от имени женщин, делегатки требовали бомбить немцев: они не хотели жить в благоустроенных домах под одной крышей с врагами, они предпочитали жить в руинах, но свободными. Это было мужество, достойное парижских коммунарок.

За несколько дней до этого я видел жителей Кана, празднующих освобождение города. Они собрались на тесной площади перед собором, в котором укрывались три тысячи женщин и детей. В самом центре площади вокруг флагштока выстроилось каре: полувзвод французских партизан, ворвавшихся в город с юга, полувзвод канадцев, проложивших путь с запада, и полувзвод англичан, пришедших с севера. Командир партизан капитан французской армии Жиль скомандовал: «На караул!» Каре, вскинув винтовки и вытянув их перед собою, как свечи, замерло. офицеры союзных армий взяли под козырек. Огромное трехцветное полотнище с большим лотарингским крестом медленно поползло вверх. Ветер, будто ждавший этого момента, рванул полотнище, распахнул его и начал щелкать легко и звонко. Капитан Жиль затянул «Марсельезу», толпа немедленно подхватила. В пение вплеталось завывание и хлопание мин, сухой рокот снарядов, пулеметные очереди. Холодный ветер нес над головами поющих дым только что начавшихся пожаров. В мокрых облаках прошла дюжина немецких самолетов. Поющие лишь на одно мгновение подались назад, словно пытаясь укрыться под стенами собора, но через минуту они снова присоединились к тем, кто остался у флагштока. Самолеты появились вновь. Но тот раз они летели ниже облаков, то есть почти над самыми крышами. Навстречу им понеслось злобное завывание зениток и негодующие возгласы собравшихся на площади.

В грандиозном соборе, получившем свое имя в честь похороненного там Вильгельма Завоевателя, слышались голоса нескольких тысяч людей, раздавался детский смех, неслись крики. Мы зашли туда после церемонии передачи города новым властям. Время от времени под сводами отдавался гулкий разрыв близкой мины или снаряда. Взрослые, видимо невольно, приседали, дети продолжали играть.

Перед алтарем, расписанным старым мастером, с цветными витражами, через которые струился свет, похожий на кровь, находилась могила самого Вильгельма. На простой, массивной каменной плите было написано: «Герцог Нормандии, король Британии».

Обитатели собора, узнав о присутствии среди них двух советских офицеров, устроили маленькую демонстрацию солидарности с русским народом. Окружив нас плотным кольцом, французы вздымали сжатые кулаки и восклицали: «Да здравствуют русские! Да здравствует Красная Армия!» Мы считали, что собор менее всего подходит для таких демонстраций, но поделать ничего не могли.

К нам протиснулась сквозь плотное кольцо молодая, очень красивая и хрупкая женщина: на ее бледном лице была заметна печать длительного недоедания. Не ожидая посторонних рекомендаций, она представилась как мадам Уде, но просила ее имени не называть (в Париже осталась ее семья, она опасалась немецких репрессий). По поручению Национального комитета сопротивления мадам Уде вела пропаганду среди солдат немецкой армии в Нормандии и особенно среди иностранных рабов, занятых на военных работах. Унее было несколько помощников среди советских людей, загнанных немцами в Нормандию. Мадам Уде спешила засвидетельствовать, что русские даже в неволе не покорились немцам: военнопленные бежали к французским партизанам, женщины саботировали немецкие распоряжения, вредили на строительстве. Она ни словом не обмолвилась о себе. Наши иностранные коллеги, пытаясь выяснить партийную принадлежность мадам Уде, спрашивали, не коммунистка ли она. Мадам Уде коротко отвечала:

— Пока я только француженка!..

Я снова услышал это восклицание на самой границе Нормандии и Бретани примерно шесть недель спустя. Следуя за авангардом американских танков, мы пересекли речонку, отделяющую Бретань от Нормандии. В первой же деревушке на берегу нас встретила небольшая толпа французских крестьян. Они пытались приветствовать танкистов, но вид быстро идущих танков с закрытыми люками не вдохновлял на изъявление восторгов перед освободителями. Мы оказались первыми союзниками, которым первые освобожденные бретонцы могли излить свои чувства. Старик-огородник, принесший в корзине под капустой две розы — белую и красную, достал оба цветка, долго перебирал их в руках и наконец подарил красную розу советскому подполковнику, а белую — английскому капитану.

Старая женщина принесла трехцветное французское знамя, которое хранилось у нее. Когда ее спрашивали, как она осмелилась прятать его, старушка задорно отвечала:

— Я — француженка!

Молодые парни полезли на пожарную каланчу, чтобы водрузить знамя. Они долго возились со старым флагштоком. Толпа напряженно следила за каждым их шагом. Наконец знамя повисло в неподвижном горячем воздухе, яркое под палящим солнцем. Старая женщина ласково смотрела на него, как смотрят на любимых и удачливых детей, и повторяла:

— Я — француженка...

Тремя днями позже, направляясь снова в Бретань, мы застряли у въезда в Авранш. В город входила французская танковая дивизия Ле-Клерка. Она прошла с союзниками весь путь от Северной Африки до Бретани, хотя опоздала к первым боям в Нормандии. Дивизия была сформирована из людей, которые начали борьбу с немцами до прихода союзников в Северную Африку. Некоторые ее бойцы и особенно офицеры дрались против немцев с оружием в руках во время гражданской войны в Испании. Когда англо-американские войска вторглись в Африку, диви-

зия быстро пополнилась за счет решительных солдат и офицеров французской африканской армии. Вопреки стараниям Ле-Клерка, дивизия была «левой» — прослойка коммунистов среди ее солдат и офицеров оказалась очень большой. Время от времени Ле-Клерк кричал: «Мои собственные большевики», но пожаловаться не мог — дивизия дралась отлично!

Население Авранша восторженно встречало компатриотов. Девушки засыпали цветами танки и бронетранспорты. Женщины стаскивали за ноги солдат, отваживших влезть на броню машин, целовали и обнимали их. Солдаты были взволнованы не меньше встречающих. От самого Шербура до Авранша они не видели живых французов. Они двигались через разрушенные города и деревни, над которыми стоял страшный запах трупного тления, они проходили меж пустынных полей и мертвых садов, они видели прекрасную когда-то Нормандию, превращенную в пустыню. Встретив первых французов, они смеялись от радости и плакали от горя: верные сыны Франции возвращались на растерзанную врагом и войною родину.

Наша машина попыталась протиснуться между танками и тротуаром. Солдаты, видимо обратив внимание на нашу английскую форму, громко спрашивали:

— Англичане?

— Нет, русские.

Рослый и рыжий, как подсолнух, капрал вскочил на башню «шермана» и, потрясая над головой кулаками, заорал:

— Vive la Russie!

Толпа, поддержанная солдатами, поднимая сжатые кулаки, ответила мощным и дружным:

— Vive l'Armée Rouge!

— Vive, vive!

— Vive, Stalin!

— Vive, vive!

Запыхавшаяся девушка подбежала к нашей машине с букетом цветов, потянулась было к дверце, но потом быстро отдернула букет, отобрала только яркокрасные цветы и вручила их нам торжественно и молча.

Встреча в Авранше взволновала, но не удивила нас.

Мы узнали об истинном отношении французского народа к героической борьбе Советского Союза против немецких захватчиков на второй же день после нашего приезда в Нормандию.

Французский офицер связи в Байе, торопливый и рассеянный, говоривший по-английски с чудовищным акцентом, пригласил нас поехать с ним на какой-то заводик. Он хотел показать живых русских живым французам. Офицер был на этом заводике утром. Когда он случайно обмолвился, что в Байе находятся двое советских военных людей, слушатели с типичной французской экспансивностью стали аплодировать и кричать: «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!» Мы думали тогда, что офицер связи, желая быть приятным, кое-что прибавил. Однако следующие несколько дней показали нам, что это не только могло быть, но наверняка так именно и было.

С каждым новым днем мы снова и снова убеждались, какой популярностью пользовалась славная Красная Армия и какое восхищение вызывал самоотверженный русский народ среди рядовых французов даже в далекой Нормандии. Врачи больницы в Байе тайно приняли, укрыли и вылечили двух советских военнопленных, раненных немецкими часовыми при побеге из лагеря. Виселица угрожала врачам, но они не остановились перед этой угрозой. Французские парни с таким же упрямством сдирали антисоветские плакаты, с каким немцы и фашистские прихвостни наклеивали их. В Шербуре такой плакат был приклеен к стене арсенала, где постоянно стоял часовой. В одну из штормовых ночей часовой оказался убитым, а плакат содранным. Часовых продолжали ставить у этой стены, но плакатов на нее уже не наклеивали.

Нам, двум советским военным корреспондентам, двум «русским из Москвы», приходилось принимать самые различные знаки французского восхищения и благодарности, адресованные Красной Армии. Нам вручали простые и сердечные послания с коротким адресом: «Сталину, в Россию», нас обнимали и целовали, приговаривая: «Это — Красной Армии».

Французские патриоты, как мы убедились несколько позже, знали о мужестве и самоотверженности русского народа не понаслышке. Они видели, как немецкие дивизии, затопившие сначала Францию, убывали, отправляясь на Восток, откуда они никогда не возвращались. По мере приближения могучего потока советского наступления от берегов Волги к Неману и Висле они физически ощущали ослабление немецкой хватки на горле французского народа. Каждый удар Красной Армии по немцам рождал у французов новую надежду на скорое освобождение, вселял бодрость и веру в победу. Поэтому не было ничего удивительного в том, что сердце французского народа билось в унисон с сердцами русских людей.

II

В полдень 22 августа парижское радио объявило, что столица Франции освобождена внутренними силами сопротивления. Весть эта застала нас в грязной гостинице Алансона, где мы коротали дождливые дни. Штаб соседней американской дивизии не имел ни малейшего представления о том, что происходит в Париже. В штабе 5-го американского корпуса, который мы разыскали следующим утром в окрестностях Манта, знали не больше. Полковник оперативного отдела любезно объяснил, что передовые части французской дивизии, получившей приказ прорваться к Парижу на помощь восставшим парижанам, должны находиться в Версале. Но там ли она уже или еще нет, полковник сказать не мог. Он не советовал корреспондентам пробиваться к Версалю: дорога пока опасна.

Мы все же решили ехать: каждому хотелось поскорее узнать историю освобождения Парижа. Но нашей решимости хватило не надолго. На пустынной окраине городка Пилльe, где-то западнее Версаля, наша колонна (несколько «джипов» и штабных машин) была остановлена громыхавшей машиной молочника. В ее болтающемся кузове стоял вихрастый парень и самозабвенно палил из винтовки куда-то

назад, не то в лес, не то в небо, покрытое низкими тучами. Было совершенно очевидно, что парень занят чисто звуковыми эффектами, но корреспонденты и сопровождавшие нас офицеры оказались загипнотизированными этой грозной картиной. В сгущающихся сумерках, когда очертания предметов становятся расплывчатыми и даже фантастичными, а звуки, напротив, яркими и отчетливыми, мы долго стояли на улице тихого городка и обсуждали, что делать, пока не решили наконец ретироваться и поискать наутро счастья на более безопасной дороге.

Утром, совершив стокилометровый пробег по рокадным дорогам, мы выбрались на шоссе Шартр—Париж, быстро достигли Рамбуйе, а оттуда направились в Рошфор. Изредка мы обгоняли автоколонны: мотопехота французской танковой дивизии подтягивалась к окрестностям Парижа. День выдался ясный, погожий. Население деревушек и городков, высыпавшее на улицы, приветствовало французскую пехоту с дикой восторженностью. Парни бросали работу и, схватив ружье, пистолет или просто топор, устремлялись за грузовиками и солдатами. Они были готовы ввязаться в драку с немцами: любое оружие годилось в дело!

Чем ближе к Парижу, тем больше было на дорогах штатских людей. Словно вырвавшийся на волю поток, они двигались в сторону французской столицы на подводах, на велосипедах, пешком. Военная полиция, беспокоясь за военный транспорт, гнала их с дороги, закрывала мосты, переезды. Но толпы упрямо катились вперед — по обочинам дороги, прямо по полю, по хлебам. Французы потрясали ружьями, дубинами, что-то горланили, пели, выкрикивали приветствия даже по адресу той самой полиции, которая не пускала их.

За Рошфором, там, где шоссе, взбежав на холм, начинало спускаться к Парижу, поток задержался. Вдоль кюветов под тенью кленов стояли танки и бронетранспортеры. Дорога, ведущая к окраинам Парижа, обстреливалась немецкими снайперами, засевшими в крайних домах. Американские танки с ярко-

унцовыми полотнищами на башнях расползались ером в обхват города. Звонко стрекоча, над ними ился артиллерийский корректировщик. Сквозь дреесную листву можно было различить вдали Эйфелеву ашню, справа от нее поднимался огромный черный толб дыма.

Часа через два наша автоколонна вышла на паижскую магистраль. По обеим сторонам тянулись бранные поля, сады, молчаливые загадочные дома, разрисованные яркими рекламами. Все чаще попадались следы недавнего короткого боя: черные провалы кон, битый кирпич, стекло на дороге, поваленные елеграфные столбы.

У самого въезда в город, где дома вытягивались плошной линией, следы боев исчезали. В окнах, подоротнях, наконец на тротуарах появились пестро одетые, шумные парижанки. Они приветственно вздыали руки, кричали, аплодировали. Парижане выстраивались шпалерами вдоль улиц, ряды их густели, толпы становились все плотнее, и в конце концов наши машины; невольно замедлявшие ход, оказались в узком коридоре среди бурлящей, горланящей массы жителей столицы.

Русских приветствовали с особой сердечностью. Пожилая женщина гордо показывала на большой советский флаг, свисавший из окна третьего этажа: «Мое окно!» Впрочем, в этом рабочем районе Парижа красные флаги красовались на каждом шагу.

Мы остановились на юго-западной окраине Парижа. С крыш многоэтажных домов все еще продолжали стрелять, порою лопались гранаты и выли мины. Перестрелка то замирала, словно удалялась, то с новой силой разгоралась где-то совсем поблизости.

Танки французской дивизии жались под роскошные каштаны, укрывались в переулках, не решаясь итти в центру города, где по знаменитым парижским мостам все еще двигались немецкие войска, перебрасываемые на север. «Тигры» прятались в парке Люксембургского дворца, закрывая Ле-Клерку выход к Сене. Видимо, компенсируя эту неудачу, танкисты палили из крупнокалиберных пулеметов по карнизам, по кры-

шам домов на авеню Аристида Бриана, где немцев сменили фашистские дружинники Дарнана.

Очередная вспышка стрельбы заставила нас укрыться в подворотне большого здания почти в самом начале улицы Бриана. Там мы попали в шумную толпу ярко одетых парижанок. Они были бледны от долгого недоедания, но приподнятая веселость их казалась неистощимой. Пожилая модно одетая женщина жаловалась:

— Третий день стрельба не унимается. Радио еще три дня назад объявило, что мы освобождены, а нам до сих пор носа на улицу высунуть нельзя. Какое же это освобождение?

К вечеру мы вернулись в гостиницу «Ориенталь», где разместились корреспонденты. Внизу, под окнами, продолжали мчаться военные машины, им навстречу неслись аплодисменты и громкие крики. Время от времени рукоплескания заглушались долгими звонкими пулеметными очередями, уханием танковых пушек. В промежутках доносился заразительный женский смех, счастливый, радостный и волнующий.

В сумерках беснование пулеметов и автоматов стало особенно диким. Стрельба продолжалась всю ночь, она даже усилилась на следующий день. Немцы уже покинули город. Но темные закоулки Парижа, подворотни и чердаки были полны фашистских молодчиков Дарнана. Они стреляли просто наугад. Партизаны охотились за ними, пока не загнали в крысиные норы: носители фашистской чумы прятались в своем подполье, чтобы дождаться нового удобного момента для террора и провокаций. Они намеревались вылезть на свет божий позднее, когда обстановка, по их мнению, будет более благоприятной для них.

III

В тот день де-Голль «въезжал» в Париж. Сотни тысяч людей собрались на площади перед Триумфальной аркой. У ее подножья стояли руководители движения сопротивления, представители союзного коман-

дования. Де-Голль, сопровождаемый большой военной свитой, обошел почетный караул танковых войск, пожав руки офицерам. Затем генерал направился к Триумфальной арке, чтобы возложить венок на могилу Неизвестного солдата. Он прошел мимо руководителей движения сопротивления, лишь небрежно кивнув им головой. Возложив венок, де-Голль не подошел к ним, не пригласил их на молебен в Собор Парижской богоматери и даже не пожал им рук на приеме в «Отель де вилль», устроенном им в тот же вечер. Генерал откровенно игнорировал этих, как он однажды выразился, «ставленников парижской толпы».

На площади перед Нотр-Дам, куда направилась процессия, выстроились танки Ле-Клерка. Генерал поднялся по ступенькам паперти, оглянулся на площадь, обвел взглядом крыши домов, усыпанные народом, самодовольно улыбнулся. В соборе его встретил архиепископ Парижа и проводил на возвышенное место у алтаря. У ног де-Голля выстроилась военная свита: принимая почести главы государства, де-Голль подчеркивал, что он все же остается генералом.

Богослужение было длинным и скучным. Я вышел на паперть. Шагах в двадцати от меня молодой парень с отличительной повязкой французских внутренних сил сопротивления поднял вдруг автомат, прицелился куда-то в окна колокольни собора и пустил звонкую очередь. Его товарищ, такой же молодой и бестолковый, немедленно вскинул свой автомат: вторая очередь. К ним присоединились другие. Стреляли с мостовой, с балконов, из подъездов, с крыш, стреляли снизу вверх, сверху вниз, стреляли во всех направлениях. В эту чудовищную какофонию ввязались крупнокалиберные пулеметы танков и бронеавтомобилей. Они поливали свинцом соборную колокольню. На паперть, где, прижавшись к ступенькам, распластались сотни людей, посыпались осколки лепных украшений, камни, разноцветные стекла. Санитары метались по площади среди лежавших плашмя людей, подбирая раненых.

Стрельба перекинулась внутрь собора. Автоматчики били по левым хорам. Резкие очереди раскатисто грохотали под гулкими сводами. На правых хорах толпились с пистолетами в руках десятки ажанов — полицейских; они высматривали, кто скрывается за колоннами как раз напротив, куда был направлен снизу огонь автоматчиков. Но тщетно: там никого не было. Три автоматчика стреляли по карнизу над самым входом. Как только один прекращал стрельбу, другой нажимал свой крючок, поэтому рокотание неслось беспрерывно, оно казалось бесконечным. Участники церемонии, особенно женщины, неистово молились, закрыв свои головы хрупкими венскими стульями, поднятыми над головой, подобно зонтикам.

Молебен кончился. Предводительствуемый архиепископом и сопровождаемый свитой, де-Голль двинулся к выходу. Его заостренная кверху голова высилась над тесной кучкой людей. Лицо генерала было смертельно бледно, крупные капли пота блестели на его морщинистом лбу, светлые глаза неотступно смотрели на карниз передней башни, куда направляли свой огонь автоматчики. Женщины, приседая на каменном полу или прячась за огромные колонны, кричали «Де-Голль!» Но лицо де-Голля оставалось недвижимым.

На самой паперти генерал Ле-Клерк колотил солдата, который пытался с автоматом в руках прорваться в собор. Отняв у него автомат, генерал бил солдата по щекам, отчаянно сквернословя. Французский капитан, не отнимая руки от золоченого козырька, пытался урезонить Ле-Клерка. «Мон женераль, мон женераль, — говорил он, гоняясь за бушующим генералом, — успокойтесь, мон женераль». Лишь увидев де-Голля, Ле-Клерк вытянулся, как по команде «смирно», потом круто повернулся и побежал вниз, на площадь, прыгая через две ступеньки.

На площади все еще бесновались автоматы и пулеметы. От Собора Парижской богоматери, как с острова, стрельба перекинулась в город. Фашистские дружинники вылезли из своих нор. Они расстреливали мирные безоружные манифестации парижан.

Особенно серьезные потери понесла рабочая колонна района Сен-Дени, которую обстреляли на площади Согласия в самом центре Парижа. Фашистские бандиты использовали в качестве убежища гостиницу — раньше ее занимало гестапо. Французские власти, видите ли, не удосужились «прочистить» ее. Более чем сотнями жизней заплатили за эту «беспечность» властей рабочие Сен-Дени.

Лишь под вечер стрельба прекратилась. Только еще время от времени раздавались одиночные выстрелы, но они уже не носили «организованного характера». Полиция расследовала причины возникновения стрельбы в Нотр-Дам. Результаты, однако, хранились в тайне.

Вечер был темен и душен. На бульварах шумела праздничная публика, неслись песни, звенела музыка. Однако праздник продолжался недолго. Ровно в половине одиннадцатого прилетели немцы. Они вызывающе ходили прямо над крышами города, неторопливо искали объекты для бомбежки. Гитлеровцы, разумеется, хорошо знали, что Париж лишен противовоздушной обороны. Им нечего было опасаться. Они сбросили несколько фугасок на «Отель де вилль», где только что закончился прием (боши опоздали примерно на полчаса), бомбы упали и возле отеля Скриб и гостиницы Ритца на Вандомской площади, куда мы переехали утром. С запозданием начали ухать редкие зенитки, притащенные американцами в то утро в Париж: команды зениток пришлось поспешно отрывать от празднования. К зениткам присоединились пулеметы, автоматы и даже пистолеты. Но взрывы фугасок продолжали потрясать мощные стены Ритца. Возник огромный пожар.

С балкона моей комнаты в Ритце я видел каркас Эйфелевой башни, как бы нарисованный тушью на багровом фоне; совсем рядом, поднимаясь из-за черного гребня крыши отеля, возносилась к кроваво-красным облакам Вандомская колонна: отчетливо виднелись венок в руках Наполеона и решетка. В отблесках пожара лицо Наполеона казалось бронзовым.

Около часа ночи снова воцарилась тишина. Но пожар еще долго озарял великий город, и с вершины Вандомской колонны Бонапарт угрюмо смотрел на него.

IV

Утром, горячим и прозрачным, мы поехали осматривать Париж. Несмотря на сравнительно ранний час, открытые уличные кафе, захватившие добрую половину тротуаров, были полны парижанами, которые пили все что угодно, только не кофе. («Оно же суррогатное», — укоризненно объяснил нам официант, когда мы заказали себе по чашке.) За маленькими круглыми столиками восседали молодые люди с винтовками, пистолетами и гранатами. Они явно тоскующим взглядом следили за движением по совсем уже мирной улице. Мимо них скользили сотни велосипедистов. Молодые парижанки в коротких юбочках или трусах, сверкая голыми ногами, катили вдоль тенистых улиц. Париж несколько лет не видел такси и автобусов, метро было парализовано отсутствием электроэнергии.

В рабочих районах города разбирали баррикады. У одной из них, где-то за Латинским кварталом, возился одинокий человек, смуглый и седоволосый. Когда наша машина остановилась перед его баррикадой, он на ломаном английском языке попросил папироску, а закурив, начал рассказывать о себе. Это был испанский республиканец. Жил он на этой заброшенной улице вместе с другими эмигрантами. Жил мирно, спокойно, забыв о всех политических треволнениях: он был уже стар и болен. В его тесную конуру под лестницей не доносились даже смутные вести о войне. Старик не покидал приютившей его улицы, чтобы не напоминать властям о своем существовании. С другими эмигрантами он говорить не мог: его соседи прибыли не то из Венгрии, не то из Румынии.

Несколько дней назад он совершенно случайно услышал призыв французской компартии к вооруженной борьбе против немцев. Он даже не понял толком,

что произошло. Он запомнил только совет строить баррикады, доставать оружие. Оружия у него не было, но он знал, как воздвигают баррикады. И он начал строить свою баррикаду в надежде на то, что она кому-нибудь да пригодится. Соседи отказались помочь. Но на этой улице не раздалось ни одного выстрела. Труды старика были напрасны. Новые власти приказали убрать заграждения. Соседи и тут не помогли: сам строил, сам и разбирай!

В Сен-Дени перед домом, украшенным огромным красным полотнищем: «Вступайте в партию расстрелянных!», стояла большая очередь. Надпись на двери гласила, что здесь помещается райком французской коммунистической партии. Очередь образовали люди, желавшие вступить в ее ряды. Ни одна из политических партий Франции не понесла в борьбе с немцами таких колоссальных потерь, как коммунистическая. Не сами коммунисты, а католики прозвали ее «партией расстрелянных». Теперь, всего за несколько дней, в столице пятьдесят тысяч человек из рабочих предместий стали коммунистами. Некоторое время спустя, вернувшись в Париж из Голландии, я спросил, как идет рост партии. Мне ответили: «Приближаемся к двумстам тысячам в одном только Париже».

Братья заменяли братьев, убитых немцами, сыновья занимали места погибших отцов, отцы стремились встать в ряды партии на место потерянных детей. Всемирно известный профессор Поль Ланжевен [1] пришел просить партию принять его в свои ряды и позволить ему занять место убитого немцами зятя.

В райкоме встретили нас с подчеркнутой любезностью и настороженностью — нас приняли сначала за англичан. Французы повсеместно относились к британцам с большой подозрительностью. Они очень хорошо помнили речь фельдмаршала Смэтса в английском парламенте, — он предсказывал неизбежность подчинения Франции британской воле. Настороженность немедленно исчезла, когда французы узнали, что перед ними русские. Они начали тискать нас в

[1] Он умер в 1946 году.

объятиях и лобызать. «Ну, как Москва?» Мы отве
чали, что Москва «ничего, стоит». Они хотели знат
все и обо всем — о Москве, о стране, о нашей арми
и нашем народе. Они требовали фактов. Они с энту
зиазмом сравнивали свою борьбу с борьбой русски
людей.

Подполье было суровой школой для коммунистов
Оно стоило им больших жертв, но они вышли из него
окрепшими морально и стали политически еще сплo
ченней. Теперь они уверенно смотрели вперед. Их не
смущали ни сомнительные комплименты ненадежных
друзей, ни ругань врагов, ни недоверие вчерашних
соратников. Те самые католики, которые назвали ком
партию «партией расстрелянных», были «сдержан
ного» мнения о коммунистах как о политиках и госу
дарственных деятелях. Один из руководителей «На
родного республиканского движения», с которым мне
довелось однажды долго беседовать, не скрывая пре
небрежения, говорил:

— Конечно, коммунисты — прекрасные борцы, они
даже героями могут быть. Но, простите меня, госу
дарственными деятелями они никогда не станут.
Слишком много у них беспочвенного романтизма. Не
только в их поведении, но и в программе, в идеях их.
Политика требует практической хватки, хитрости, ди
пломатии. Все это приобретается только опытом.
А где у них опыт? Нет, нет, они не государственные
деятели...

Католики, разумеется, не были объективны по от
ношению к коммунистам. Помимо «романтизма» в
идеях, коммунисты обладали здравым практическим
смыслом, смекалкой подпольных бойцов и остроумием
истых французов. Ровно через два дня после моей бе
седы с католиком я обедал в том же самом отеле
с офицером штаба Эйзенхауэра. После нескольких
рюмок коньяка полковник, прищурясь, посмотрел на
меня и медленно изрек:

— Все вы хитрые и страшные дипломаты. И вы и
друзья ваши в Париже...

Я выжидательно молчал: полковник за стаканом
вина всегда находка для корреспондента. Полковник

сделав еще глоток, поманил меня пальцем через стол и начал рассказывать. Несколько дней назад генерал Эйзенхауэр вызвал к себе командира партизанских отрядов района Сены и Соммы, полковника, коммуниста Дюмро. Пожимая руку партизану, Эйзенхауэр, улыбаясь, спросил: «Вы что же, коммунист?» — «Нет, генерал, я полковник», — быстро ответил Дюмро, сразу же давая понять, что он прибыл к командующему союзными силами в Западной Европе не как политик, а только как военный...

Впрочем, несколько позже католики изменили свое мнение о государственных способностях коммунистов. Поздней осенью того же года в Брюсселе мне довелось встретиться с лидером бельгийского католического демократического союза Грегуаром. Он только что вернулся из Парижа, где вел переговоры с французскими католиками. Ссылаясь на своих парижских друзей, Грегуар всячески превозносил французских коммунистов за государственную мудрость и практический разум.

— Торез, — конечно, наш противник, — угрюмо резюмировал бельгиец, — но он, несомненно, крупный государственный деятель. Мои парижские друзья охотно признают это.

В последнюю неделю августа 1944 года в Париже, да, пожалуй, и во всей Франции, было не очень много людей, которые бы всерьез думали о возобновлении активной государственной деятельности. Политические партии, группы и лидеры-одиночки лишь осматривались, подсчитывали потери, собирали силы. Потери понесли не только коммунисты, из рядов которых немецкий террор вырвал многие тысячи беззаветных героев. Социалистическая партия лишилась своего руководства не из-за немецких репрессий, а из-за благоволения оккупантов. Подкупленная их подачками верхушка социалистической партии, предводительствуемая Полем Фором, перешла к немцам и поэтому исчезла с политического горизонта вместе с ними. Лишь Леон Блюм удержался на поверхности. Немцы привезли его в Париж, поселили в роскошном особняке, снабдили бумагой. Охраняемый немцами, а по-

тому не тревожимый никем, Блюм написал книжку, сплошь состоящую из поучений молодым социалистам: так писали только евангелисты. И в этом «евангелии» странным образом не было сказано ни единого слова в осуждение фашизма (даже слово это не встречается в тексте ни разу), но «евангелист» Блюм не пожалел ни яду, ни чернил, чтобы опорочить коммунистов.

Буржуазные партии, предавшие и продавшие Францию немцам, вышли в тираж. От них остались отдельные группки, раздробленные, разобщенные и враждующие между собой. Из крупных фигур довоенного периода на короткое время появился на политическом горизонте Эдуард Эррио, бывший лидер некогда мощной партии радикал-социалистов, которая «подарила» истории Даладье и Бонне.

Место партий правого фланга на политической арене заступило новое «Народное республиканское движение». Зародившись в глубоком подполье, это движение захватило широкие массы католиков и быстро распространило свое влияние по стране. Вместе с коммунистами новая католическая партия, носящая столь расплывчатое название, составила сердцевину всего движения сопротивления во Франции. Успех «народных республиканцев» объясняется многими, порою парадоксальными причинами. Головка «Народного республиканского движения» вышла из масонских лож, которые всегда были сильны во Франции и играли в ее политической жизни видную роль. Старые связи масонов с полицией и разведывательными органами избавляли народно-республиканских лидеров от многих неприятностей — разоблачений и арестов.

Однако крупная политическая организация не могла существовать без солидной финансовой базы. На помощь ей пришел... «Комите де форж», тот самый всесильный концерн крупнейших промышленников, который сотрудничал с немцами и до войны, и во время нее, и в период оккупации Франции. Правда, немцы несколько прижали «Комите де форж», в частности отняли у него контроль над химическим трестом, захватив пятьдесят один процент акций. Но они велико-

душно делились со своими французскими партнерами не только прибылью, но даже сырьем и... французской рабочей силой. Французские промышленники получали от гитлеровцев и другие подачки, а со своей стороны позволяли бошам все глубже и глубже внедряться в экономику Франции.

«Комите де форж», используя масонские ложи, установил контакт с руководством католического движения сопротивления. Это не трудно было сделать: председатель Национального комитета партии католиков Жорж Бидо, профессор истории и редактор католической газеты, был одним из давнишних лидеров французских масонов. «Комите де форж» посулил движению сопротивления финансовую помощь, и предложение промышленников было принято. Произошло это в феврале 1943 года, сразу же вслед за разгромом немцев у Сталинграда. Цинично откровенный представитель «Комите де форж» признался, что Сталинград развеял в пух и прах надежды французских промышленников на немецкую победу. Они стали искать «другую лошадь», чтобы сделать новую ставку.

Мне приходилось говорить с десятками людей самых различных партий и политических убеждений. Военные корреспонденты союзников пользовались тогда в Париже особым положением. При отсутствии официальных дипломатических представителей они были единственными информаторами о том, что происходит во французской столице, какие новые партии возникают, какие новые фигуры появляются на политической арене. Претенденты на руководство государственной жизнью в освобожденной Франции показали корреспондентам свой товар лицом, при этом они не жалели черной краски, а порой и просто дегтя, когда заходила речь об их противниках. Вечерами, записывая свои беседы и впечатления, стараясь разобраться в сложной внутриполитической обстановке Франции, я неизменно делал «поправку на оппозицию», то есть на отклонение от истины в суждениях моих собеседников.

Наиболее замысловатым парадоксом французской политики тех дней был сам де-Голль. Этого реакцион-

ного политикана, связанного теснейшими узами с са
мым правым отребьем французской политической жиз
ни — кагулярами, «делали» вождем возрождающейс
демократической Франции. Я не раз вспоминал резки
слова майора штаба 30-го британского корпуса Брауна
сказанные после посещения де-Голлем Нормандии
«Его делают великим вопреки его способностям»
Было смешно и горько видеть во главе сильно поле
вевшей страны этого политического карьериста, ме
тавшего вслух о лаврах обоих Наполеонов. Один из
умнейших публицистов Франции сказал мне однажды
«Будет чудом, если де-Голль продержится полтора
два года». Он не сумел продержаться и полутора лет.

Пожалуй, более сложной и интересной была фигура
Жоржа Бидо, который является одновременно и глава
таем левых партий и доверенным лицом реакционны
промышленников. Даже выйдя из подполья, Бидо не
отказался от излюбленной масонами секретности: он
вылезал под свет «юпитеров» очень неохотно, избега
публичности, старался выражаться так, чтобы кажды
мог понимать его высказывания, как ему хотелось
Правые находили в речах Бидо обещание твердого
порядка, левые — прокламирование реформ.

В один из суматошных дней мы завернули в ре
дакцию «Юманите». Она разместилась в конфиско
ванном помещении реакционной газеты «Пти па
ризьен». В кабинете шеф-редактора нас принял Мар
сель Кашен. Вскоре там собралась группа видны
деятелей компартии и коммунистической прессы
главный редактор «Юманите» Коньо, сумевший
годы оккупации устроиться под самым носом у немце
и продолжать патриотическую деятельность; внешне
политический редактор Маньян, бывший каменщи
ставший одним из лучших французских публицисто
депутат от Парижа Ралан. Коньо предложил сп
ститься вниз, в «красный уголок». Там мы нашл
стол, покрытый типографской рулонной бумагой
уставленный шампанским. Кашен провозгласил первы
тост за Красную Армию, за ее полководца Сталина
за мужественный русский народ. Мы ответили тосто
за славный Париж, за коммунистов, которые не п

воволили реакционерам и немецким агентам запятнать лаву великого города позорным соглашением с нем-ами и подняли Париж на баррикады.

С мечтательностью восемнадцатилетнего юноши Ка-шен начал рисовать ближайшее будущее освобожден-ной Франции. Старый боевой журналист, он с особым воодушевлением рассказывал о «своем хозяйстве», о тираже «Юманите», который в три-четыре раза пре-вышал тираж любой другой французской газеты, о молодежи в редакции, прошедшей школу подпольной борьбы.

Нас приглашали заглянуть в редакцию еще раз и побеседовать с этой молодежью. Мы говорили, что вряд ли нам удастся воспользоваться этим приглаше-нием: нужно было уезжать на фронт. Они не верили, но это действительно было так. Командование экспе-диционных сил распорядилось доставить военных кор-респондентов на фронт, ибо иные из них ударя-лись в пьянство, другие в политику. Первое было вредно для здоровья корреспондентов, второе — для политических планов союзного командования, которое слишком откровенно вмешивалось во внутренние дела освобожденной страны.

Политические советники генерала Эйзенхауэра — католик-американец Роберт Мэрфи и католик-англи-чанин Дафф-Купер, направлявшие политику англо-американских союзников в Европе, поддерживали и вдохновляли реакционный курс де-Голля. Состоял же этот курс в том, чтобы повернуть Францию направо, оттереть на задний план, ослабить, а затем и вовсе убрать с политической арены демократические орга-низации, ставшие в процессе борьбы с немецкими ок-купантами подлинными вожаками народа, доказав-шими свой патриотизм большой кровью. Мэрфи и Дафф-Купер противились обновлению руководства страны, советуя де-Голлю опираться на «проверен-ных», то есть правых социалистов: правые партии, под-нявшие голову несколько позже, тогда еще не подавали ощутимых признаков жизни. Вкупе с де-Голлем по-литические советники Верховного командования стре-мились разоружить патриотические военные организа-

ции Франции, чтобы обессилить, таким образом, левы партии и профсоюзы, возглавлявшие освободительну борьбу народа. В своих попытках обезглавить раб чие организации союзники дошли до того, что рек мендовали де-Голлю запретить въезд в Париж из Ал жира рабочим депутатам Ассамблеи.

Этот курс вопиюще не гармонировал с проклам рованной политикой союзников и данными ими об щаниями, поэтому реклама, которую могли созда мероприятиям союзного командования корресп денты, представлялась ему нежелательной.

ПРОЛОМ... В ОТКРЫТЫХ ВОРОТАХ

I

В самом конце августа 1944 года разведка авангардного 30-го корпуса 2-й британской армии, переправившись через Сену у городка Вернон, не обнаружила немцев на восточном берегу реки; противник, как донесли разведчики в штаб корпуса, поспешно отошел в глубь Пикардии. Это было настолько удивительно, что в штабе не поверили донесению разведки. Ожидая подвоха со стороны немцев, командир 30-го корпуса генерал Харрокс приказал танковой дивизии переправиться через Сену и «нащупать противника». Дивизия, не встретив никакого сопротивления при переправе, вышла на просторные поля Пикардии и ускоренным маршем бросилась к Амьену. Затем реку поспешно перешел весь корпус, а вслед за ним устремилась на восток и вся 2-я армия.

Нежелание германского командования принимать бой на удобном для обороны водном рубеже Сены было поистине загадочным. Союзное командование ожидало, что немцы окажут здесь сильное противодействие наступающим частям: мосты на реке были взорваны, узлы дорог, скрещивающиеся у городов, защищались сравнительно легко, форсирование мощной, полноводной реки являлось серьезной технической

проблемой. Не спеша, обдуманно и аккуратно союзники стали готовиться к преодолению этой мощной преграды. К реке подтягивались понтоны, танки-амфибии, транспорты-амфибии («буйволы» и «утки»). Туда двинулись даже морские десантные части — «коммандос».

Тем временем Монтгомери, в соответствии со своим «планом Шлиффена наизнанку», подгонял правый фланг союзников, который теперь упрямо поворачивал на север. Прокладывая ему дорогу, союзная авиация беспощадно бомбила французские города, расположенные севернее Сены и Марны, — Суассон, Лаон, Сен-Кантен, Вервен, Мондидье, Перон и многострадальный Камбрэ. Между тем, усердие тяжелых бомбардировщиков было напрасным: немцы, вопреки опасениям Монтгомери, вообще не пытались оказывать сопротивление его правому флангу. Они отступали через северную Францию в Бельгию, а оттуда к границам Германии, очищая одновременно центральную и южную Францию. Отступление, как обычно, прикрывалось второсортными войсками. Однако отход был организован так хорошо, что на протяжении первой половины своего пути расчетливые боши ухитрились не растерять ни свои обозы, ни солдат арьергарда. Лишь после того как союзники, осмыслив наконец маневр противника, бросились за ним в погоню, немцы побежали, руководствуясь принципом: «Спасайся кто может». На всем пространстве сезерной и центральной Франции только изредка, случайно и непроизвольно, вспыхивали отдельные перестрелки; их завязывали обычно лишь небольшие группы солдат или даже отдельные бойцы.

В течение недели, пока английские танки шли от берегов Сены до канала Альберта в Бельгии, мы двигались в авангарде 2-й британской армии. Часто вместе с первыми танками въезжали мы в освобождаемые города. И это объяснялось отнюдь не нашей храбростью, а полным отсутствием риска. Мы видели все с неопровержимой отчетливостью.

По пути от Вернона до Бовэ нельзя было обнаружить никаких следов войны. Перед нами развертыва-

лись в пленительной панораме отлогие холмы и до-
лины Пикардии с убранными полями, освещенными
ярким, но не греющим солнцем. От них веяло миром.
Вокруг — тишина и безлюдье. В Бовэ, занятом день
назад, не оказалось никого, кроме военной полиции,
которая расхаживала среди старых пустырей, порос-
ших буйной травой, — следы немецкого наступления
1940 года.

По старым, изрытым мостовым Амьена, располо-
женного в просторной долине Соммы, еще громыхали
танки, пылили грузовики. Город более походил на клад-
бище или каменоломню, нежели на крупный населен-
ный пункт, — так много в нем было развалин. За по-
следние тридцать лет его разрушали трижды: в
1914 году, в 1940 и в 1944. Следы прошлых войн вста-
вали на всем пути от Амьена до бельгийской гра-
ницы: то развалины, как в Аррасе и Камбрэ, то ко-
лоссальная башня на голом поле, построенная в па-
мять шестидесяти тысяч канадцев, погибших осенью
1917 года, то гигантские кладбища, хранящие останки
четырехсот тысяч британских солдат, павших в прош-
лую мировую войну. Попадались изредка и совсем
свежие следы — взорванные мосты через Сомму и
Уазу, куча развалин в тесной балке, окруженной вы-
сокими холмами, — еще совсем недавно здесь был го-
род Дуллан.

Мы догнали авангард танковой дивизии перед Арра-
сом. Город, за который дважды в истории шли дол-
гие и упорные бои — в 1914 и 1940 годах, — на сей
раз был занят без выстрела танковой ротой. На
окраине Арраса мы встретили командующего 2-й бри-
танской армией генерала Демпси. Его закрытая ма-
шина, сбившись с пути, кружила по переулкам. Мы
следовали за ним. Попав наконец в тупик, мы оста-
новились. Демпси обрадовался встрече с корреспон-
дентами именно сейчас, в момент видимого успеха
его армии. Разложив на кожухе своей машины карту,
генерал стал объяснять обстановку. Он был так взвол-
нован, что не мог сосредоточиться на чем-нибудь од-
ном. Стараясь рассказать как можно больше, чтобы
заставить нас почувствовать размер успеха, он пере-

прыгивал с предмета на предмет, преувеличивал роль своих отдельных дивизий.

— Это величайшая победа нынешней войны, — восторженно восклицал он, — может быть, величайшая победа в истории всех войн!

Генерал не стеснялся в выражениях, не скупился на краски. Он знал, что завтра же его слова будут набраны самым крупным шрифтом во всех английских газетах. И в самом деле, «прорыв» в северной Франции был раздут британской пропагандой до чудовищных размеров. Американцы, слушавшие Демпси, скептически улыбались. Они полагали, что немцы сами ушли с берегов Сены и Соммы, потому что танки 1-й американской армии, повернув от Парижа на север, угрожали им отрезать все пути отступления. Танки 1-й армии входили в южную Бельгию: система французских пограничных укреплений, которую немцы пытались, по слухам, повернуть лицом на запад, не задержала американцев. Перед ними открывалась равнина Бельгии, уходящая к самому морю.

Заметим в скобках, что этот взгляд стал впоследствии официальной американской версией в объяснении причин немецкого отступления осенью 1944 года. Вопреки утверждениям английской пропаганды, объявившей, что немецкое бегство в северной Франции было результатом «искусного плана» Монтгомери, начальник штаба американской армии генерал Маршалл в своем «Докладе» военному министру рассматривал паническое отступление немцев как следствие смелых действий 1-й американской армии и особенно «блестящего удара» 7-го американского корпуса на Монс (южная Бельгия).

Но англичане и американцы, столь щедро преувеличивая роль так называемых «смелых маневров» своих отдельных армий, корпусов и даже дивизий, не просто заблуждались. Разумеется, и генералы и военно-политические обозреватели понимали, что успех или неуспех на фронте одной дивизии, корпуса или даже армии никогда не принуждал полководцев противной стороны менять стратегию войны. Для этого всегда бывали нужны более серьезные причины.

Германское верховное командование не могло предпринять крупнейшего в истории войны на Западе стратегического шага — очищения Франции, Бельгии, Люксембурга и значительной части Голландии, если бы его не принудила к этому общая военно-политическая обстановка, сложившаяся к исходу лета 1944 года.

Вторая половина августа ознаменовалась крушением всего южного германского фронта на Востоке. Войска Красной Армии смяли немецкие оборонительные рубежи на Днестре и Пруте, выбросили немцев из советской Молдавии, пересекли Дунай и сокрушительным ударом вывели Румынию из войны. В течение коротких двух недель гитлеровская Германия потеряла много своих дивизий, лишилась самого активного и полезного военного союзника: с выходом Румынии из войны Германия утрачивала единственный источник нефти; ее воздушный флот начинал испытывать острый недостаток бензина, танковые соединения и военный транспорт все чаще оказывались в самые критические моменты без горючего.

Крушение Румынии влекло за собою потерю Германией всех Балкан. Югославская народная армия давно ожидала лишь руку братской помощи со стороны Красной Армии, чтобы начать решительное наступление на немецких оккупантов по всей стране. Болгары, преданные своими правителями и выданные немцам, брались за оружие, готовые восстать в любую минуту. Серьезное брожение началось в Чехословакии и даже в стране старого сателлита «третьей империи» — в Венгрии. Игравший исключительно большую роль в военном хозяйстве фашистской Германии балканский тыл разваливался, превращаясь в тяжелый фронт. В «гитлеровской европейской крепости» был сделан пролом с юго-востока, отсюда открывались пути, выражаясь образно, прямо к немецким складам продовольствия, горючего и амуниции. Стоит вспомнить, что в Австрии и Чехословакии были сосредоточены крупнейшие военные заводы.

Почти одновременно Красная Армия, еще раньше начавшая генеральное наступление в Белоруссии, у Витебска, мощным ударом выбросила немцев с тер-

ритории Белоруссии, вышла на государственную границу Советского Союза, в ряде мест пересекла ее, достигла и даже в отдельных местах форсировала Вислу. Под прямым ударом оказывалась Восточная Пруссия, этот инкубатор немецкой военщины. Угроза нависла над границами самой Германии. На горизонте во весь свой колоссальный рост поднимался страшный призрак беспощадного разгрома немецких вооруженных сил на всем Восточном фронте и неизбежного краха фашистского режима.

Именно эта угроза заставила германское верховное командование принять решение очистить страны Западной Европы, собрав все боеспособные войска для Балканского и Восточного фронтов. Чтобы помешать западным союзникам быстро достичь линии Зигфрида, за укреплениями которой прятались второразрядные гитлеровские войска, немецкое командование оставило во всех морских крепостях Франции сравнительно небольшие, но хорошо натренированные гарнизоны. Им было приказано держаться до последнего, чтобы возможно более долгий срок не позволять союзникам пользоваться французскими портами. Эти гарнизоны выполнили приказ. Американцам, например, пришлось бросить против частей четырех немецких дивизий, укрывшихся в морских крепостях Брестского полуострова и Бискайского залива, новую (9-ю) армию. Наземные войска, поддержанные мощной авиацией, не могли выкурить немцев из блиндажей и казематов, построенных в скалах. Немецкий гарнизон Сен-Назера сдался перед самым окончанием войны только после того, как авиация союзников залила всю крепость горящей жидкостью. Гарнизоны остальных морских крепостей капитулировали лишь после краха Германии.

Захват морских крепостей европейского континента и стремление во что бы то ни стало удержать их в своих руках были частью немецкой стратегии на Западе. Германское командование полагало, что союзники, лишенные портов, далеко не уйдут: на каждого солдата требуются тонны груза, а немцы считали, что в интервалы между крепостями смогут про-

сочиться лишь незначительные силы, справиться с которыми им удастся при помощи сравнительно небольшого, но весьма мобильного заслона. Союзники знали об этих расчетах и намерениях Гитлера, так как именно адмирал Канарис, работавший на американцев, инспектировал немецкую оборону на Западе. Поэтому они прибыли в Нормандию со своим большим портом, тайно построенным в Англии, о котором я уже упоминал. Кроме того, им удалось неожиданно быстро захватить Шербур. Правда, порт был разрушен. Однако американцы, пожертвовав полутора миллионами тоннажа, создали в шербурской бухте новый порт. Опираясь на эти два порта, союзники накопили в Нормандии достаточные силы, чтобы измотать, а затем сбить у Фалеза довольно слабый немецкий заслон. К 5 сентября 1944 года они высадили во Франции 2 086 000 человек, и выгрузили 3 446 000 тонн груза.

Немецкое командование, как рассказывал пленный командующий 7-й немецкой армией в северной Франции генерал Эйербах, было озабочено, прежде всего, устранением кризиса на востоке. На мольбы, просьбы и требования Клюге, командовавшего тогда западным немецким фронтом, о присылке пополнений Гитлер отвечал решительным отказом. Более того, после боев у Фалеза Клюге получил распоряжение спасти эсэсовские войска любой ценой, прикрыв отвод их в Германию наименее боеспособными частями. Это и было сделано.

Опрокинутый немецкий заслон покатился на восток вслед за убегающими эсэсовцами. Немцы удирали так поспешно, что союзники порою не могли поспевать за ними. Только поэтому количество захваченных пленных оказалось значительно ниже, чем можно было ожидать в сложившейся обстановке.

II

Генерал Демпси посоветовал нам быть следующим утром у Лилля, где он посулил корреспондентам интересное «представление». Утро выдалось прозрачное и холодное. На горизонте поднимались черные шла-

ковые горы, изредка попадались дымящиеся трубы: промышленность северной Франции была оставлена немцами в полном порядке. Либо они предполагали еще вернуться сюда, либо рассчитывали получить в будущем свою долю прибылей: они ведь были теперь совладельцами многих французских предприятий. Широкие дороги совсем не напоминали о войне: на их обочинах не торчали, как обычно, сожженные машины и повозки с перерытым и разбросанным вокруг барахлом, нельзя было встретить искромсанные танки или подбитые противотанковые пушки.

От Дуэ, где немцы покинули большой и хорошо оборудованный аэродром, мы повернули, однако, не на север, к Лиллю, а прямо на запад, к бельгийской границе. Несколько часов сряду мы ехали по бесконечным рабочим поселкам промышленного севера Франции. Население встречало союзников с умеренным энтузиазмом. Раздавались даже упреки за опоздание. Оказалось, что движение немецких автоколонн началось недели две назад. Сначала прошли обозы со снаряжением, потом автоколонны провезли отборные эсэсовские части, спешившие на восточный фронт, затем потянулись утомленные, потрепанные войска, прикрывавшие общее отступление. Они двигались в крестьянских повозках, на отнятых у крестьян лошадях.

На границе наша танковая колонна нагнала американцев, которые прочно оседлали шоссе на Брюссель. Начальник британской колонны потребовал от американцев очистить дорогу. Те отказались. Около двух часов мы ждали на границе, пока не пришел приказ американцам уступить дорогу английским танкам. Американцам предлагалось вернуться и выйти на дорогу, параллельную нашей, но проходящую несколько южнее: Камбрэ — Монс — Шарлеруа — Намюр. Преследуя немцев, американцы увлеклись и, не соблюдая разграничений, хватили севернее дороги Лилль — Турнэ — Аль — Брюссель.

Знаменитый «прорыв» к столице Бельгии больше походил на веселый, шумный карнавал, чем на войну и поход. Население бесчисленных бельгийских город-

ков шпалерами стояло вдоль дорог. Дети и девушки лезли на броню танков, на крыши машин, в грузовики мотопехоты и двигались с наступающими от поселка к поселку. Улицы были разукрашены штандартами союзных наций, и при этом просто поражало обилие советских флагов. На самой границе их оказалось так много, что один из офицеров, сопровождавший корреспондентов, шутливо кричал:

— Назад! Мы, кажется, по ошибке попали на русскую территорию...

Перед городом Аль запоздалая немецкая автоколонна неожиданно для себя врезалась в английские танки. Немцы растерялись, произошло замешательство, позволившее танкистам закрыть автоколонне путь. Немцы безропотно и в образцовом порядке стали сдаваться в плен. Они с тоскою посматривали в сторону Брюсселя, куда им было приказано отступать. Над Брюсселем поднималось густое черное облако. Позже мы узнали, что это горел Дворец Правосудия.

Вечером наша танковая колонна вошла в Брюссель. Ночью английские танки прошли Лувен, утром достигли канала Альберта и пересекли его: одна из серьезных водных преград была преодолена танками, кстати сказать, лишенными боеприпасов. Так они завершили переход в 216 миль, начатый шестью днями ранее на берегах Сены.

Очищение Бельгии потребовало фактически лишь нескольких суток. Портовые города Антверпен, Остенде, Брюгге, за овладение которыми ожидались большие бои, оказались в руках союзников без всяких усилий с их стороны. Антверпен был освобожден на второй день дружинниками внутренних сил. Партизаны окружили немецкий гарнизон в центральном парке города и потребовали от немцев безусловной капитуляции. Начальник гарнизона, генерал-майор немецкой армии, принял ультиматум. Это было необычно. В Нормандии и Бретани немцы отказывались сдаваться даже регулярным французским частям: на меньшее, чем американцы, они не соглашались. Даже при бегстве из Франции немецкие лейтенантишки требовали, чтобы их брали в плен обязательно офи-

церы. А тут немецкий генерал сдался антверпенским
паренькам из партизанской армии коммуниста Диспи.

Непривычные к изысканному этикету военных капитуляций партизаны поступили с пленными далеко не по-рыцарски: они посадили немцев вместе с фламандскими предателями в пустые клетки зоопарка. Осматривая этот удивительный зверинец, мы вспоминали знаменитое изречение Козьмы Пруткова: «Если увидишь на клетке слона надпись «буйвол», не верь глазам своим». В те дни жители Антверпена пережили немало веселых минут. Они толпились перед клетками зверинца и не верили, конечно, таким надписям, как «слон» или «лев», но охотно соглашались с надписями «горилла», «гиена», «шакал», «вонючка», «змея». Если не внешнее, то, по крайней мере, внутреннее сходство теперешних обитателей клеток с прежними доставляло антверпенцам живейшее удовлетворение и повод для бесчисленных острот.

Падение Остенде представлялось такой же загадкой. Порт прикрывался с моря надежными фортами; в самой набережной были построены доты; вдоль всего берега, соединяя фронтальные стены домов, обращенных лицом к морю, тянулась непрерывная толстая и высокая стена. С суши город охраняли сотни железобетонных домов, врытых в землю на плоской равнине. Союзное командование послало в Остенде канадскую танковую бригаду, предупредив, однако, чтобы канадцы не рисковали до подхода новых войск. Канадцы были озадачены, обнаружив, что доты молчат. Они послали на разведку патруль, который отправился в город и не вернулся. Офицер, уехавший на розыски патруля, также исчез. Танкисты забеспокоились. Скоро, однако, выяснилось, что патруль задержался в городе потому, что... принимал капитуляцию немецкого гарнизона. Огромный порт и город, за обладание которыми союзное командование могло бы отдать несколько дивизий, достались союзникам без единого выстрела.

Несколько дней спустя к военным корреспондентам там приехал помощник начальника разведки 21-й группы полковник Юэрт. Он только что закончил до-

прос командующего 7-й немецкой армией генерала Эйербаха и просмотр документов штаба Клюге, часть которых попала в руки союзников. Подобно своему начальнику, бригадному генералу Вильямсу, Юэрт был молод, энергичен, общителен с корреспондентами: он рассказывал им много, не касаясь, конечно, никаких военных секретов.

На этот раз Юэрт приехал с оценкой общего военного положения на западноевропейском фронте. Он отметил, что немецкое отступление из Франции, Бельгии и Люксембурга было преднамеренным: не имея возможности усиливать свой Западный фронт ни наземными войсками, ни прикрывать его с воздуха, германское командование решило укрыться за линией Зигфрида. Теперь оно сосредоточивало в самой Германии все свои силы. Оно намеревалось, собрав их в один кулак, использовать на обоих фронтах, опираясь на свои хорошо развитые внутренние коммуникационные линии. Коммуникации же союзников, наоборот, растягивались невероятно (немцы, конечно, не рассчитывали, что третий по величине порт мира — Антверпен — будет сдан союзникам в полном порядке).

Однако линия Зигфрида, по словам полковника Юэрта, не обещала немцам надежного убежища. Даже само немецкое командование не верило в ее прочность. Союзная разведка установила, что противник ведет лихорадочные фортификационные работы на восточном берегу Рейна, где организация Тодта использует с этой целью более двухсот тысяч человек.

Следующая же неделя показала всему миру, что опасения немецкого командования относительно линии Зигфрида были более чем основательны. Две американские дивизии, прошедшие югом Бельгии, перевалили Арденны и вступили в Германию южнее Аахена.

На другой день после получения этого известия наш «джип» осторожно пробирался меж противотанковых надолб и снарядных воронок линии Зигфрида перед входом в немецкий городишко Ретген. Издали

надолбы — эти «зубы дракона», как именовали их немцы, — производили более внушительное впечатление. Их белые клыки, торчавшие в четыре ряда и тянувшиеся непрерывной чередой через поля, холмы и косогоры, казались устрашающими. Серо-зеленые казематы, прятавшиеся за ними, были таинственны и страшны: они посылали смерть вдоль дорог, лощин и опушек.

«Зубы дракона» оказались тупыми. «Несокрушимые» казематы безмолвствовали, обнаружив свое пустое нутро: их тяжелое вооружение давно было вывезено на Восточный фронт. Эрзац-солдаты из фольксштурма пытались защищать эти форты автоматами и пулеметами. В помощь им послали противотанковые пушки, которые пришлось ставить на открытом месте. Эти орудия были сметены мощной самоходной артиллерией американцев. Вслед за тем танки подошли вплотную к казематам и, направив свои пушки в амбразуры, разнесли их вдребезги. Огнеметы, поставленные на танки, выжгли наиболее ретивых защитников дотов.

Начальник оперативного отдела дивизии Омаха, которого мы нашли в крестьянской избе недалеко от города Корнилиенмюнстер, презрительно отмахивался, когда мы спрашивали его о боях за линию Зигфрида.

— Крепость становится крепостью, — объяснял он, — только тогда, когда ее есть кому защищать и есть чем защищать. У немцев ни того, ни другого уже нет, к тому же они построили эту скандально известную линию Зигфрида в тридцать восьмом году. А за шесть лет разрушительная техника шагнула далеко вперед. Старые расчеты, которыми они пользовались, уже не годятся...

III

После нашего возвращения с территории Германии военных корреспондентов пригласили в штаб 2-й британской армии. Он находился тогда восточнее Лувена. На пресс-конференции, обставленной об

ыми предосторожностями, характеризующими важность предполагаемых сообщений, нас информировали, что через два часа 1-я воздушно-десантная армия союзников совершит прыжок в Голландии, чтобы захватить мосты через Маас, Ваал и Нижний Рейн. Одновременно 30-й корпус, усиленный двумя танковыми дивизиями, ринется по дороге на Эйндховен — Неймеген — Арнем, соединяя очаги воздушных десантов с союзным фронтом в Бельгии.

Замысел операции, как и все стратегические планы Монтгомери, был грандиозен. Монтгомери, теперь уже не генерал, а фельдмаршал, рассчитывал отрезать Голландию от Германии, выйдя к морю у Зюдерзее, окружить и уничтожить остатки 15-й немецкой армии, которые сумели удрать от союзников через Шельду, и, главное, открыть 2-й британской армии ворота в северо-западную равнину Германии. Перепрыгнув одним махом через всю сложную систему водных преград, прикрывающих фашистское логово с северо-запада, Монтгомери теперь мечтал бросить свои танковые колонны и мотопехоту на Гамбург, совершенно открытый с суши, а от Гамбурга — на Берлин.

Немецкие силы в западной и северо-западной Голландии исчислялись в 70 тысяч человек, поэтому задача казалась вполне посильной для восьми отборных союзных дивизий. Правда, в северной Голландии стояла на отдыхе 1-я немецкая парашютная армия. Однако союзная разведка полагала, что немецкие парашютисты могут двигаться только пешком. Союзники были полными хозяевами в воздухе, и это давало им неограниченный контроль над наземными путями и дорогами.

Вечером стало известно, что две американские дивизии удачно выбросились и захватили мост через Маас у города Граве и два моста через Ваал у Неймегена. Отдельные парашютные отряды завладели более мелкими мостами через каналы.

Танки 30-го корпуса легко форсировали канал Эско на бельгийско-голландской границе и вышли на широкую дорогу, ведущую к Эйндховену. Немцы попы-

тались использовать зенитки против танков, но союз
ные самолеты, сопровождавшие танковую колонну
разметали их.

Только из Арнема не было хороших вестей. Перва
британская парашютная дивизия зацепилась за горо
но ей не удалось сразу же захватить мосты. Мост
были давно заминированы, поэтому теперь даж
успешное продвижение к ним не обещало желанного
результата.

Наутро мы двинулись за авангардом 30-го корпуса
Дорога от Леопольдбурга, в Бельгии, до самого Эйнд
ховена оказалась забитой «утками», бронетранспор
терами, грузовиками с горючим для танков и снаря
жением для войск. Тянулись бесконечные обозы
мостовым хозяйством. Машины катились по дв
иногда даже по три в ряд. С танков и транспортеро
в мутное небо смотрели зенитные пулеметы. Но неб
было пусто.

По обе стороны шоссе лежали плоские поля, серы
и унылые. Деревушки, вытянувшиеся вдоль дороги
были просторны, дома возносились своими острым
крышами к небу. Над ними неизменно поднимали
ветряки, приветственно машущие крыльями. Узки
улицы маленьких городов отличались безукоризнен
ной чистотой. Искоса посматривая на танки, с грох
том проносившиеся мимо, голландки продолжали на
мыливать красную гладь тротуаров: их, кажется
больше всего беспокоило то, что эти рычащие чуд
вища могут забраться на тротуар и испачкать ег
Мужчины стояли на порогах домов и так же молч
смотрели на поток военного транспорта. Лишь н
другой день они начали вывешивать свои национал
ные флаги, украсив их большой оранжевой лентой
цвет царствующей династии. Сумрачные и меланх
личные голландцы не умели выразить своей радост
Они не вздымали приветственно рук, не забрасыва
машины союзников цветами, не плясали хороводам
вокруг танков. Они продолжали заниматься своим
будничными делами, двигались куда-то на велосип
дах; ехали они медленно, едва ворочая ногами, к
при замедленной съемке в кино.

Эйндховен, куда мы приехали перед вечером, был
ереполнен машинами с горючим и боеприпасами.
нгличане деловито и по-домашнему уверенно распо-
агались на ночевку, ставя транспорты в огромные
аре на городских площадях. Они настолько забыли
о существование немецкой авиации, что не прини-
али даже самых элементарных мер предосторож-
ости.

А вокруг кишели гитлеровцы, они пользовались той
е самой телефонной сетью, что и союзники. Любой
олландский нацист-муссертовец мог снять трубку
елефона и позвонить в соседний город, где находи-
ись немцы. Наверное, кто-нибудь так и сделал. Но-
ью немецкая авиация появилась над Эйндховеном
стала бомбить именно те улицы и площади, где
асположились на ночь грузовики с горючим и бое-
рипасами. Возник большой пожар, начались взрывы.
ород был освещен теперь так хорошо, что немцы
огли выбирать в качестве мишеней отдельные дома.
ни нашли и разбили гостиницу «Дю коммерс», где
оместились военные корреспонденты, — очевидно, не-
ецкие доносчики приняли нас за штабистов.

Сырым и холодным утром, особенно удручающим
осле беспокойной ночи, мы отправились дальше, за
ангардом 30-го корпуса, который уже достиг Ней-
егена и сменил американскую парашютную дивизию.
о всех городах, начиная от Вехела, хозяйничали
мериканцы. Поля и луга у переправ еще были усы-
аны разноцветными парашютами. В Граве перед мо-
ом через Маас мы задержались: длинная авто-
олонна перебиралась на другой берег. Река в этом
есте широка, берега ее отлоги и топки. Немцы, опа-
ясь нападения на мост, построили вокруг него на-
ежные доты, на самом мосту поставили бетонирован-
ые будки, внизу под насыпью расположились ка-
рмы для целой роты охраны.

Американцы свалились фрицам прямо на головы.
емцы, отдыхавшие в казарме или болтавшиеся в
ивной на окраине Граве, не успели еще сообразить,
о происходит, как американцы уже захватили их

блиндажи и бетонированные будки. Теперь не амер
канцам, а немцам надо было атаковать мост, чтоб
вновь завладеть им, но они предпочли ретироват
в сторону Германии.

Штаб 30-го корпуса укрылся в молодом лесоч
неподалеку от Неймегена. Начальник штаба пот
шался над немцами, уверяя, что никогда он не чу
ствовал себя так уютно, как сейчас. Через широк
проход штабной палатки был виден кусок рыже
леса на холме, зеленая крыша: там начиналась Ге
мания. Под зеленой крышей в гостинице, по данны
разведки, отдыхала смена народных гренадеров, к
торые защищали тут линию Зигфрида. Показывая
эту крышу, начальник говорил: «Если бы они зна
кто у них под носом...» Немцы, конечно, не зна
Но, отбиваясь от союзных самолетов, они посла
один снаряд, разумеется случайно, в расположен
штаба. Трое штабистов погибли. Веселость начал
ника штаба исчезла, однако перебираться на дру
место было некогда.

Немцы беспощадно молотили первую парашютну
дивизию в Арнеме. Они получили подкрепление
своей парашютной армии. Попытки же союзников
мочь английским десантникам не удавались. Та
были остановлены на полпути между Неймегеном
Арнемом: немцы не пропускали их дальше окра
городка Элста. Положение 30-го корпуса осложнил
тем, что немцы перерезали дорогу между Вехелом
Уденом — единственную тыловую коммуникацию к
пуса. Слово «окружены» пронеслось по частям,
добно первому дуновению грядущей грозы. Да
офицеры повесили носы. Лишь генерал Харрокс
смешливо и обнадеживающе говорил: «Замечатель
Лучше пусть джерри лезут на мою дорогу, чем
меня. Я не имею сейчас ни одного свободного с
дата...»

Солдаты были заняты расширением узкого ко
дора, проложенного корпусом от бельгийской гран
до Неймегена. Они стремились сейчас захватить
рожные узлы, расположенные параллельно этому
ридору. Дороги в Голландии сходятся обычно у

ных переправ, поэтому захват дорожных скрещений давал не только транспортные преимущества, но и хорошие оборонительные и наступательные рубежи.

Командование 2-й британской армии поспешно перебрасывало в Голландию 8-й и 12-й корпуса. Восьмой корпус медленно поворачивался лицом на запад, чтобы двигаться к морю, столь же неторопливо двенадцатый начинал пробиваться на восток, в сторону германской границы. Впрочем, они и не спешили: их задача ограничивалась охраной флангов 30-го корпуса, бронированный клюв которого безуспешно клевал немецкие позиции севернее Неймегена.

Танки наконец прорвались к Нижнему Рейну. Но без пехоты, отсеченной немцами у Элста, они не решались даже приблизиться к предместьям Арнема. Танкисты повернули на запад и почти у самого города захватили кусок берега вниз по течению Рейна. Однако «утки» не смогли переправиться на другой берег: грунт оказался настолько мягким, что амфибии увязали в грязи еще до глубокой воды. Пришлось воспользоваться плоскодонками, но это не принесло облегчения.

Судьба дивизии, а с нею и судьба всей операции была решена. Вместо прорыва на Апельдорн — Цволле и к Зюдерзее частям 30-го корпуса ставилась ограниченная задача — вызволить остатки 1-й парашютной дивизии. 43-я дивизия пробилась к берегу. Под покровом ночи на другую сторону Рейна переправилась польская бригада, которая сменила парашютистов, позволив им эвакуироваться. Но дивизия фактически перестала существовать: она потеряла три четверти бойцов и почти весь офицерский состав. Поляки назад не вернулись.

IV

В те тревожные и тоскливые дни мы стояли в маленькой голландской деревушке в двух километрах от Неймегена. Кругом шумел лес, уходивший своим массивом в Германию. Деревенские жители все еще

продолжали ходить укромными тропинками к своим родственникам по ту сторону границы. На третью ночь этими тропинками воспользовались немецкие «родственники». Они подобрались к паре танков, ночевавших под окнами нашего дома, положили под гусеницы мины. Танкисты первой машины даже не заглянули под танк. Они залезли в него и... подорвались. Их товарищи избежали этого только потому, что не успели во-время завести мотор. Услышав взрыв, они обследовали свой танк: мина была подсунута с внутренней стороны.

Вечерами, долгими, холодными и беспросветно черными, мы собирались в маленькой гостинице у самой развилки дорог. Помимо корреспондентов и штабистов, сюда приходили офицеры-танкисты, машины которых вклинились в линию Зигфрида южнее лесного массива; иногда заглядывали американцы. Удачная высадка двух дивизий вскружила американцам голову: они не скрывали своего насмешливого отношения к англичанам. Какой-то остряк-янки сочинил анекдот, смысл которого сводился к тому, что английские генералы сели в Арнеме в лужу и, если бы не поляки, они никогда не выбрались бы из нее.

Отношения между союзниками, как при всяком кризисе, становились все напряженнее. Они посмеивались друг над другом, выпячивали свои собственные военные усилия, интриговали.

Англичан приводило в бешенство желание американцев раздуть успех своих парашютистов. Отдел общественных связей ШЭЙФа, находящийся теперь в американских руках, прислал в Голландию многолюдную группу военных корреспондентов из Парижа. Десятки американских и союзных журналистов рыскали в окрестностях Граве, Неймегена и Вехела, расспрашивали американских парашютистов об их прыжке, сочиняли собственные рассказы, состязаясь с очевидцами в красочности фантазии. Специальные радиопередатчики заливали Америку потоком восторженных описаний, агенства распространяли их по всему миру. Корреспонденты посетили остатки 1-й британской парашютной дивизии: на черном фоне

английской неудачи американский успех выделялся еще ярче.

Когда англичане оставались одни, они говорили, говорили, говорили. Они критиковали свое военное руководство, которое якобы идет на поводу у американцев. Они возмущались реакционными трюками Черчилля, которые больше отдаляли Европу от Англии. В их разговорах чувствовалась обида на то, что Соединенные Штаты единовластно захватили богатства Французской Северной Африки, а сейчас подбираются к хозяйству метрополии. Американцы уже протянули бензопроводы не только к армейским базам, но и к французским промышленным центрам. Едва заняв крупные французские аэродромы, янки ухитрились немедленно заарендовать их на многие десятилетия, как будто они рассчитывали воевать с немцами века.

Корреспондент «Бритиш юнайтед пресс» Макмиллан мрачно заключал, что американцы намерены вытеснить англичан с европейского континента. Эрик Боум, австралиец, добавлял, что зловредные американцы готовы выставить англичан со Среднего Востока и из всей Африки.

Англичане обвиняли службу общественных связей ШЭЙФа в однобоком освещении хода войны: весь мед — американцам, весь деготь — англичанам. Впрочем, это, по их словам, не могло быть удивительным: служба находилась в руках янки — «всех этих многочисленных полковников, подполковников и майоров». Английская армия была представлена там «каким-то не то венгерцем, не то румыном, не то чорт знает кем».

Люди раздражались необычайно быстро, резкое словцо само рвалось с языка. «Окружение» давало себя знать. Немцы расстреляли всех, кого они захватили в плен на перерезанной ими дороге: это соответствовало приказу нового командующего Западным немецким фронтом Моделя, который распорядился пленных не брать, а раненых приканчивать. Немцы послали большую группу голландских фашистов на территорию, занятую союзниками, с приказом стрелять

из-за угла в одиночек солдат и офицеров. Война выходила из рамок правил рыцарского турнира, о которых англичане так любили говорить.

Мы попытались пробраться через окружение в Бельгию, чтобы попасть на американский фронт, который вытягивался все ближе и ближе к немецкой границе. Нам было ясно, что голландское наступление замерло надолго. И мы оказались правы: фронт в Голландии в основном остался без изменений до самого краха Германии.

„ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ“

I

Неудача удара на Арнем воспринималась всеми офицерами и солдатами 2-й британской армии чрезвычайно болезненно. Уныние охватило их. Офицеры резко критиковали свое начальство, нападая, прежде всего, на Монтгомери. Его обвиняли в неосторожности, в легкомысленном авантюризме, в желании играть на авось.

На фронт приехали военные обозреватели лондонских газет. Это были именно те люди, которые от лица общественного мнения оценивали ход военных операций, судили, рядили и поучали генералов. Генералы едва ли считались с их советами, но миллионы читателей воспринимали их писания как откровения модернизированных оракулов. Они создавали отдельным генералам славу, они же «под веселую руку» могли смешивать полководцев с грязью.

Монтгомери, стремившийся расположить к себе «делателей общественного мнения», пригласил их к себе, вел с ними долгий разговор. Он признал неудачу своего голландского замысла, но свалил всю вину на погоду, которая якобы подвела... Монтгомери обещал им, что до весны не предпримет никакого серьезного наступления. Он готовился зимовать

на позициях, уже захваченных его армиями, и зимою за Рейн не хотел итти ни при каких обстоятельствах. Фельдмаршал еще раз подчеркнул, что ему поручено беречь английскую кровь и что он намерен выполнить это поручение.

К военным корреспондентам приехал сам начальник штаба 21-й группы генерал Гюинган. Ему охотно верили, так как он обычно знал, что говорил. Начальник штаба посвятил свой длинный доклад доказательству простой мысли, что 21-я группа не может наступать зимой. Он уверял, что немцы якобы оправились от осеннего поражения во Франции. Кроме того, союзники подошли к внутренней оборонительной линии Германии, а ее нельзя преодолеть с хода, ее нужно проламывать. Это должно потребовать много сил, огромного количества амуниции и снаряжения. Такое напряжение, как пытался убедить нас докладчик, выше способностей союзников: их коммуникации, видите ли, растянуты, транспорт износился. Генерал даже сравнивал теперешнее положение союзников с тем, в котором оказались немцы прошлым летом. Начальник штаба полагал, что время легких успехов миновало, что соотношение сил на западе сложилось не в пользу союзников, поэтому было бы неразумно начинать крупные операции до наступления весны.

За словами последовали дела. Монтгомери отдал приказ о предоставлении всей армии двухнедельного отпуска. Солдатам и офицерам, желающим провести свой отпуск дома, в Англии, обеспечивался транспорт туда и обратно. В Англию же направлялись и канадцы; однако наиболее ловкие из них умудрялись добираться даже до Канады.

Пока примерно одна восьмая часть армии отдыхала в Англии, а две восьмых находились в пути туда или обратно, остальные офицеры и солдаты, в ожидании своей очереди, вольно и сравнительно беспечно жили в бельгийских и голландских городках, не тронутых войной. Для увеселения англичан открылись клубы, танцовальные залы, кинотеатры, пивные, бары. Рацион виски и пива был увеличен.

Брюссель стал всеармейским городом отдыха и развлечений. Многочисленные гостиницы были превращены в офицерские дома отдыха. В крупнейшем брюссельском отеле «Метрополь» открылся солдатский клуб. В соседних переулках появились дансинги. Мужчин-бельгийцев в них не пускали, а бельгийки могли попасть туда лишь в сопровождении кавалера в союзной военной форме. И хотя немцы еще сидели на канале Леопольда, Брюссель менее всего напоминал прифронтовой город с военным положением и полицейским часом; особенно вечерами, теплыми и темными, по затемненным улицам фланировали тысячи солдат и офицеров. Из раскрытых дверей многочисленных кафе неслась музыка, гремели голоса подвыпивших офицеров и солдат, слышалось шарканье сотен танцующих ног: армия веселилась.

Брюссель был не одинок. Париж, куда мы добрались некоторое время спустя, оказался охваченным таким же весельем. Военные власти реквизировали во французской столице отели, рестораны, вместительные и хорошие помещения. Клубы возникали на каждом углу. Они кишели офицерами различных рангов и родов войск. Американцы были щедрее англичан; в отличие от последних, они позволяли офицерам кормить своих дам, что в голодном Париже играло большую роль. По Большим бульварам до поздней ночи катился людской поток: зеленоватый цвет военной формы подавлял все другие цвета. На Елисейских Полях, на набережной Сены под знаменитыми каштанами стайками разгуливали американские солдаты, за ними такими же стайками устремлялись девушки: карманы богатых янки были всегда набиты шоколадом и папиросами. Даже Булонский лес поражал обилием американцев.

Перед самым моим отлетом в Лондон генерал Эйзенхауэр пригласил к себе большую группу военных корреспондентов. Генерал все еще носил полевую форму, в которой я видел его почти шесть месяцев назад в столице Англии. Он был бледен, утомлен, под глазами отчетливо выпирали мешки.

Он похвалил англичан за высадку у Арнема, пригрозил разбить вдребезги немецкие части, мешавшие продвигаться американцам севернее Аахена, но от конкретной оценки военного положения на Западе отказался. Генерал признавал, что времена переменились: немцы готовы теперь оказывать сопротивление.

Эйзенхауэр делал упор на необходимость очистить тылы (во всех окруженных союзниками портах все еще сидели немецкие гарнизоны) и наладить подвоз. Союзники объявили все национальные французские дороги военными, запретили проезд штатским лицам, ввели одностороннее движение, пустили сверхскоростные маршруты; поток снаряжения, амуниции и продовольствия притекал к границам Германии от самого Шербура. Горючее доставлялось по бензопроводам, проложенным на дне пролива Па де Кале, от берега бензопроводы разветвлялись по всем направлениям.

На вопрос корреспондентов, будет ли закончена война в 1944 году, генерал лишь пожал плечами: остававшиеся два с половиной месяца ничего отрадного не обещали.

Следующим утром на пути к аэродрому я оказался в одной машине с майором 3-й американской армии. Он не скрывал своего критического настроения, возмущался медлительностью ШЭЙФа, проволочками англичан. Майор уверял, что войну в Европе можно было кончить осенью 1944 года, если бы генерал Эйзенхауэр разрешил Паттону вторгнуться с его армией в Германию. Он утверждал, что 3-ю армию лишили горючего и боеприпасов как раз в тот момент, когда Паттон нацеливался на Рейн. Американец на все лады поносил последними словами ШЕЙФ (хотя теперь в нем преобладали американцы), Лондон, Париж, а заодно и весь остальной мир. Он советовал мне бросить Западный фронт и ехать домой.

Но это не зависело от меня; побывав в Лондоне, я вернулся в Бельгию.

II

Возвращение в Брюссель не было особенно радостным: слухи о напряженном положении в бельгийской столице достигли Лондона. Еще на Кройдонском аэродроме я познакомился с одним из министров нового правительства Пьерло. Министр провел в эмиграции более четырех лет; новые люди, выросшие в подпольной борьбе и ставшие во главе народных масс, были чужими для него. Министр, правда, не подвергал сомнению их патриотизм, но «опасался» доверить им государственное управление. Он старался разъяснить мне, что героизм и государственная ответственность — вещи разные. Министр охотно уступал героизм партизанам и лидерам движения сопротивления, оставляя на свою долю управление страной. Осторожненько критикуя «левое поветрие» в Европе, он выражал уверенность, что «болезнь» эта пройдет, как только в освобожденных странах будут созданы нормальные экономические условия, то есть появится достаточно хлеба, одежды, тепла.

Спутник министра, пожилой, но все еще молодящийся полковник, был настроен более решительно: он предлагал бороться с «поветрием», пока оно не расширилось и не проникло слишком далеко вглубь. Выпячивая узкую грудь, на которой красовалось столько орденских ленточек, что их, кажется, хватило бы какому-нибудь полководцу на завоевание всего мира, полковник требовал «поставить выскочек на свое место». Резкая откровенность этого вояки покоробила министра. Он стал переводить требование полковника на замысловатый язык опытного политика: он, видите ли, не хочет обременять властью людей, не привыкших к такому бремени, как государственная ответственность.

Полковник, неожиданно узнавший, что его собеседник — не английский, а советский военный корреспондент, попытался исправить промах. Но в это время дверь самолета захлопнули, моторы взревели, и машина, встряхивая и подбрасывая нас, покатилась на старт. Лишь в воздухе полковник снова добрался до

меня и минут пятнадцать надрывался, кричал мне в самое ухо, убеждая не судить превратно о его взглядах.

Обстановка в Брюсселе действительно оказалась напряженной. Страна была раздроблена не только политически, но и национально. Четырехлетнее господство немцев усилило антагонизм между живущими на севере и северо-востоке Бельгии фламандцами, говорящими на языке, близком к немецкому, и расположившимися на юге и юго-западе валлонцами, говорящими на одном из французских диалектов. Первых немцы поддерживали, возвели их в ранг «арийцев», вторых — притесняли, угрожая лишить их самостоятельности путем присоединения к вишийской Франции (французские фашисты открыто требовали этого). Маленькое двухнародное и двуязычное государство трещало по этому этническому шву.

Королевский дом, пытавшийся играть в прошлые времена роль единой крыши над двумя народами, фактически тоже раскололся. Сам король Леопольд, пронемецкие стремления которого никогда не были секретом (его мать — немка), во время войны открыто стал на сторону Германии. Его брат Шарль, выросший в Англии и окончивший английскую военно-морскую школу, откровенно ориентировался на Лондон.

Раскол в королевской семье был лишь отражением более серьезного, глубокого размежевания между пронемецкими и проанглийскими силами в экономике, культуре и политике Бельгии. Это размежевание шло сверху донизу. Финансово-промышленный концерн «Сосьете женераль», в той или иной степени контролировавший шестьдесят процентов бельгийской промышленности и торговли, базировался на английском капитале. Другой концерн «Банк де Брюссель», вершивший судьбами остальных сорока процентов бельгийской экономики, имел в своей основе немецкий капитал. Видимое отставание немецкого влияния в промышленности, финансах и торговле сторицей возмещалось полным господством немцев в сельском хозяйстве: помещичья знать, часто связанная ро-

ственными узами с немцами и поставлявшая стране фицерство и высшее чиновничество, была целиком на немецкой стороне.

Приход английских войск в Бельгию, которые, кстати сказать, немедленно доставили туда принца Шарля и назначили его регентом, резко нарушил это существовавшее до войны относительное равновесие между проанглийскими и пронемецкими силами. Англичане стали решительно ассимилировать пронемецкие элементы в промышленности и финансах. Проанглийский или, выражаясь более точно, английский концерн «Сосьете женераль» становился почти полным хозяином экономической жизни страны, хотя англичане «пока» оставляли за собой безраздельное хозяйничание в Бельгийском Конго.

Бывшие пронемецкие силы, потеряв прежнюю опору, пытались все же сохранить свои старые позиции, старались найти новую поддержку как внутри страны, так и за ее пределами. «Банк де Брюссель» после прихода союзников стал издавать газеты «демократического направления». Политические группировки, стоявшие за ним, попытались установить контакт с родственными группами во Франции. Однако эти усилия не увенчались успехом. Тогда бывшие германофилы перешли на английскую сторону, пытаясь откровенной преданностью новым хозяевам загладить свои старые прегрешения.

И только независимый и свободный голос подлинно народных демократических организаций, окрепших и развившихся в ходе патриотической борьбы с немецкими захватчиками и находивших вдохновенный пример в священной войне советского народа, звучал резким диссонансом в хоре проанглийских голосов. Поэтому все усилия нового бельгийского правительства, прибывшего в обозе британской армии, были направлены на то, чтобы заглушить этот голос. Правительство католика Пьерло, которое 2 сентября 1944 года осудило призыв Национального комитета сопротивления к восстанию против немцев (днем позже, после успешного выступления бельгийских патриотов, оно одобрило его), открыло поход против

патриотических организаций Национального фронта независимости и его вооруженных сил — партизанских отрядов. Оно решило сначала разоружить патриотов, чтобы затем начать открыто проводить свой реакционный курс ущемления народных прав и свобод. Партизаны отказались разоружиться: немцы еще сидели на канале Леопольда и за Шельдой.

Насколько правильно было решение партизан, показало вскоре арденнское контрнаступление немцев. Союзное командование оказалось вынужденным поспешно снабдить партизан дополнительным вооружением и бросить на фронт. Коммунисты, по праву считавшиеся душой партизанского движения, и тут встали в первые ряды; они по первому же сигналу подняли свои отряды на борьбу с вторгнувшимися немцами.

Ко времени моего возвращения в Брюссель там создалось весьма тревожное положение. Правительство распускало провокационные слухи: партизаны якобы готовят вооруженное выступление. Мощный аппарат английской пропаганды предоставил себя в распоряжение Пьерло, присоединившись к этой кампании инсинуаций и лжи. Союзное командование предложило офицерам не появляться на улицах без оружия, словно «выступление» готовилось против самих союзников. Кадровые офицеры, особенно те из них, кто рассматривал войну с немцами как спорт, обвиняли бельгийских патриотов в неблагодарности. Некоторые даже требовали положить конец внутренним треволнениям в стране и «навести порядок». Часть офицеров технических войск, настроенных более демократически, осуждала вмешательство английской армии во внутренние бельгийские дела.

Английские части подтягивались к Брюсселю. Танковая бригада расположилась в южном предместье столицы. Войска гарнизона постепенно приходили в состояние боевой готовности. Штаб разработал план оккупации бельгийской столицы на случай возникновения беспорядков. Англичане готовились к войне против своих недавних союзников вполне серьезно и деловито. Штабисты забыли только или не решились подготовить к этой операции солдат. Солдатам и многим оф

церам не нравилась роль полицейских. Они откро-
енно выражали свое недовольство. Мне рассказы-
али даже о брожении в отдельных частях, подтяну-
ых к Брюсселю. В танковой бригаде солдаты пого-
аривали об отказе выполнять приказание, если их
оведут на улицы города. Офицерам пришлось давать
естное слово, что до стрельбы по бельгийским пат-
иотам дело не дойдет. Возникло своего рода согла-
ение: офицеры не отдадут такого приказа, чтобы не
ынуждать солдат отказываться от его выполнения.

В тот пасмурный день, когда бельгийские патриоты
ышли на улицы столицы, Брюссель был странно тих
спокоен. Демонстранты двигались длинными ти-
ными колоннами, словно они направлялись на похо-
ны. Лишь изредка раздавались восклицания —
блика очень вяло подхватывала их. Над пестрыми
олоннами поднимались широкие плакаты на фран-
узском, фламандском и английском языках: «Мы не
ротив союзников. Мы — за активную помощь союз-
икам. Мы — против немецких агентов и их покро-
ителей». Среди демонстрантов особенно выделялись
воими белыми и красными повязками на рукавах
ойцы внутренних сил сопротивления. Они с беспо-
ойством посматривали на английских солдат, кото-
ые в полном боевом снаряжении патрулировали по
ороду.

Трамвай бастовал. Густая и пестрая толпа двига-
ась по улицам. Все были мрачны. Бельгийцы явно
торонились союзников. Даже хорошо знакомые де-
али вид, что они не узнают своих недавних гостей
английской форме. Они посматривали на нас исподлобья, некоторые вызывающе свистели, проходя мимо. Они как бы бросали союзникам вызов: кто, мол, хозяева тут — вы или мы?

Первой пошла в атаку молодая бельгийская армия. Она закрыла демонстрантам путь к центру. Демонстранты повернули в соседние улицы. Солдаты бросились им наперерез. Совершая перебежки из улицы в улицу, они быстро занимали важные здания, устанавливали пулеметы, словно ожидали штурма Брюсселя немцами. Они кидались на демонстрантов, тес-

нили их, подталкивая прикладами, иногда пускали видимо для острастки, очереди из пулеметов и автоматов. «Черчилли» (тяжелые английские танки) угрожающе следовали за солдатскими цепями; в их молчаливом наступлении было что-то символическое. Черчилли (не танки, а люди) поворачивались к народам Европы своим настоящим лицом.

Я видел разгон демонстрации у вокзала Гардемиди. Солдаты пинками гнали отстающих, избивали палками и прикладами сопротивляющихся. Демонстранты, настроенные сначала добродушно, свирепели, ругались, готовые ввязаться в драку. Иногда они отвечали солдатам оплеухами, за что получали прикладами по голове.

Я стоял в подъезде большого дома и вспоминал прозрачное сентябрьское утро, когда союзники только что вступили на территорию Бельгии недалеко от Турнэ. Шумливая и беспечная колонна наступающих неожиданно остановилась у одинокого домика за городом Люз. На широкой и белой бетонированной дороге, почти под самыми окнами домика, лежало несколько трупов в гражданском платье. Они были расстреляны совсем недавно: кровь еще густо краснела на вымытом недавним дождем бетоне. Мы нашли испуганного хозяина домика. Дрожащим от страха и горя голосом он рассказал нам историю гибели своих земляков. Группа бельгийских партизан, обнаружив немецкую засаду в соседнем лесочке, решила атаковать ее. Партизаны, не обладая тяжелым вооружением, какое было у немцев, рассчитывали лишь поднять побольше шума, чтобы только сорвать коварный замысел врага. Но все же они переоценили свои силы. Немцы быстро окружили их, обезоружили и расстреляли. Однако кровь патриотов не пропала даром: головной танк колонны союзников услышал стрельбу. К роще, где скрывалась засада, послали пехоту, она вышибла оттуда немцев...

Из окна моей гостиницы я долго смотрел на пустую площадь де-Брукера, оцепленную английскими войсками. И снова вспомнились мне первые дни сентября. Как восторженно встречал союзников Брюссель! Б

шующая толпа закрывала проход для танков и машин. Бесконечные хороводы кружились на середине улицы, плясали все от мала до велика. Гремела музыка. Пение неслось из толпы, с балконов, из окон, раздавалось с брони танков и с крыш автобусов.

Площадь де-Брукера была забита народом и войсками несколько дней кряду. Толпа кипела в гигантском хороводе, захватившем весь плац. Рупор звонко разносил песенку английских солдат прошлой мировой войны: «Путь далек до Типперери». Вся площадь подхватывала куплеты. С самого раннего утра толпа собиралась под окнами нашей гостиницы и расходилась только поздней ночью. И весь день снизу неслись смех и песни, звучало это мощное, напоминающее звон металла:

It is long, long way to Tipperery!

Теперь площадь была пуста и молчалива. Холодный ветер гнал по мостовой пыль, нес какие-то обрывки бумаги. Лишь у подъездов гостиниц, занятых штабами, группками стояли офицеры.

В дверь постучали. Вошел капитан из киногруппы армии. Мы ехали вместе в Нормандию, встречались с тех пор редко, но по-приятельски. Капитан был сумрачен, необычно резок, он не мог скрыть за традиционной английской сдержанностью своего негодования. С первых же слов обрушился на Черчилля и генерала Эрскина, начальника миссии ШЭЙФа в Брюсселе, за издевательство над совестью и честью армии. Перед лицом близкого врага — еще сидевших в Бельгии немцев — Черчилль бросал вызов армии: он не сомневался, что армия не посмеет ослушаться его приказа. Опытный политикан сразу убивал двух зайцев: подавлял бельгийские демократические силы и вбивал клин между английским народом, одетым в солдатскую шинель, и бельгийским трудовым людом. Ему нужно было это потому, что левые настроения в армии увеличивались по мере расширения связей союзников с освобожденными народами: жители континента как бы открывали глаза многим английским солдатам и офицерам, стра-

дающим политической близорукостью. Капитан осо-
бенно возмущался поведением лейбористов, сидящих
в правительстве, — своих товарищей по партии, — за
молчаливое, но горячее одобрение всех реакционных
шагов Черчилля в Европе.

Несколько дней спустя генерал Эрскин пригласил
военных корреспондентов, чтобы заявить им о своей
готовности оказать правительству Пьерло любую воен-
ную помощь. Корреспонденты с недоумением смо-
трели на генерала. До недавнего времени Эрскин
командовал 7-й танковой дивизией, известной под
именем «Крысы пустыни». Это был боевой генерал,
рослый, светловолосый, любивший острое словцо и
энергичный жест. Он пользовался у солдат популяр-
ностью, его дивизия отличилась в боях в Северной
Африке; печать восторженно говорила об Эрскине.
Черчилль решил послать его в Бельгию в качестве
вершителя политических судеб освобожденной страны.
Однако настоящим хозяином в Брюсселе был не
Эрскин, а английский посол Ничбелл-Хьюджессен,
человек весьма старый, реакционный и ограниченный.
(Однажды на частном ужине я проговорил с Ничбелл-
Хьюджессеном около часа и убедился, что он живет
представлениями времен Дизраэли и Пальмерстона,
которые, как он признавал это сам, всегда были для
него апостолами.)

Брюссельские события произвели гнетущее впечат-
ление в армии. Офицеры и особенно солдаты не скры-
вали своего раздражения. Простые люди, одетые
в зеленоватые солдатские шинели, прошедшие многие
тысячи километров по Северной Африке, Италии и
Западной Европе, были далеки от тех английских
простачков, которые в 1935 году отдали свои голоса
творцу «Мюнхена» — Чемберлену и его реакционным
друзьям. Да и политическое лицо самой армии не-
сколько изменилось: армия полевела, как полевела
вся Европа.

Во время нашей поездки по фронту, предпринятой
вскоре после демонстрации в Брюсселе, солдаты и
офицеры прежде всего спрашивали, что думает Москва
о событиях в Бельгии. Мнение Москвы, видимо, было

настолько важным, что департамент «психологической войны» изобрел грязноватый трюк, распустив среди солдат и бельгийского населения слух, что Москва якобы одобрила поведение англичан в столице Бельгии. «Психологические обманщики» приплели к этому делу даже предстоящее зимнее наступление Красной Армии, на котором могли будто бы неблагоприятно отразиться «беспорядки» в Брюсселе.

В мрачный, холодный день мы приехали в Эйндховен — там находился передовой пресс-кэмп. С моря дул сырой, холодный ветер, время от времени моросил промозглый дождь. Корреспонденты и офицеры штаба 2-й армии, который располагался невдалеке, сидели в гостиной отеля вокруг керосиновой печи и мирно разговаривали. Их покой был нарушен лондонским радио, которое передало драматическое описание начала боев на улицах Афин. Все бросились поближе к приемнику, слушали молча, угрюмо, так же угрюмо, как выслушали они тут же почти два месяца назад наше сообщение о гибели 1-й парашютной дивизии. Но только после того, как голос диктора умолк, они стали ругаться самыми последними словами. Молоденький майор-танкист скомкал газету, бросил ее на пол и воскликнул:

— Черчилль, ты поплатишься за это! Армия не простит тебе бесчестия, к которому вынуждает ее дисциплина.

Офицеры и корреспонденты долго и желчно говорили об афинских событиях, вспоминали Брюссель. Они приходили к выводу, который казался им прямотаки противоестественным: в сильно полевевшей Европе английские правящие круги поддерживали самые правые силы. Они уверяли друг друга, что так продолжаться не может, но возлагали все свои упования на очередные выборы в парламент, твердо веря, что они внесут наконец изменения в политический курс страны.

Выборы, прошедшие летом 1945 года, действительно выявили демократические устремления английского народа. Однако лейбористское правительство не выполнило воли своих избирателей.

Пригрозив Черчиллю избирательным бюллетенем и упомянув всуе его имя рядом с именами генерала Эрскина в Брюсселе и генерала Скобби в Афинах, офицеры умывали руки. Но солдаты посылали домой негодующие письма, почти точно такие же, какие сами получали из дома. Цензура отметила «левый ветерок» в переписке.

Командование намеревалось развеять этот «левый ветерок», предоставив солдатам возможность посетить свои семьи: так хотело оно маленькой подачкой смягчить горечь оскорбления.

III

Мы стояли перед огромной картой Западной Европы; жирной красной змеей ползла по ней линия фронта. Старый знакомый, подполковник штаба 21-й группы, смеясь, говорил:

— О, мы воюем сейчас на два фронта!

Встретив мой удивленный взгляд, подполковник поднял руку и молча показал на острова Зееланд, затем его рука опустилась к бедру и задержалась на сером пятне Парижа. Хотя я уже слышал о трениях между ШЭЙФом в Париже и штабом 21-й группы в Брюсселе, наличие «парижского фронта» было для меня новостью. Я пригласил подполковника поужинать.

Фронт на Зееланде был старым и... загадочным. Там укрывались остатки одной или двух немецких дивизий, которые удрали от союзников через Западную Шельду. Помимо них в просторных городках Зееланда квартировали куцые немецкие гарнизоны, охранявшие острова от англо-американских десантников. Уйти с островов немцы не могли: выход на континент закрывался союзниками. Но и достать гитлеровцев там было трудно. На острова вел узкий перешеек, который легко затоплялся.

Однако нельзя было и махнуть рукой на этот участок фронта. Пока немцы хозяйничали на островах, путь союзникам к Антверпену был закрыт. Немецкие форты на мысе у Флиссингена не пускали суда в За-

ладную Шельду. Немцы крепко запирали ворота к Антверпену. Таким образом, владея крупнейшим портом на континенте, союзники пользоваться им не могли. ШЭЙФ приказал фельдмаршалу Монтгомери, командующему 21-й группы, очистить острова в кратчайший срок, чтобы проложить судам дорогу к порту. Но англичане не спешили выполнять приказ. По общему плану, Антверпен предназначался американцам. Британцы считали несправедливым, что они должны добывать этот порт для слишком зазнавшихся американцев. Опасность потерь уступала тут место боязни непомерного усиления американцев в Европе. Антверпен вводил американцев прямо в сердце континента. Английские дельцы, заглядывая несколько вперед, страшились, что после войны поток американских товаров хлынет через Антверпен в Европу и вытеснит английскую торговлю.

Монтгомери не отказывался выполнить приказ главнокомандующего союзными силами Эйзенхауэра, он лишь, как рассказал мне в тот вечер подполковник, давал указание «досконально» изучить обстановку и «всесторонне» подготовить операцию. Фельдмаршал делал ударение на слове «досконально». Начальник штаба, передавая приказ оперативникам, перевел двусмысленное указание командующего на более понятный язык: «никакой спешки, после Арнема мы не можем допустить даже намека на риск». Оперативники разработали требуемый план и приступили к его выполнению с такой прохладцей, что генерал Эйзенхауэр пришел в бешенство (это бывало с ним очень редко).

Подполковник уверял, что Монтгомери не хотелось осложнять отношений с главкомом (американцы могли потребовать и добиться его отставки), но он был не волен самостоятельно распоряжаться группой: Черчилль вмешивался во все. Черчилль считал политически невыгодным для Англии быстрое окончание войны в Европе. После поражения у Арнема военный престиж Англии, как и ее удельный вес среди союзников, был особенно низок, а усиление американцев делало его еще ниже. Штабисты знали об этом и ста-

рались выслужиться перед премьер-министром. Дошло до того, что штаб 21-й группы стал попросту игнорировать ШЭЙФ.

Офицер отдела «психологической войны», сам пригласивший меня на обед несколько дней спустя, дал иное объяснение происхождению упорной борьбы между Брюсселем и Парижем. По его уверениям, она возникла как своего рода английский протест против беззастенчивого хозяйничания американцев в освобожденных странах. За короткий срок американцы создали предпосылки к захвату французской внешней торговли. Почти все крупные американские фирмы открыли свои отделения в Париже. Очень часто представители этих фирм сопровождали американскую армию, состоя в звании офицеров различных рангов. Добравшись до Парижа, они немедленно оседали там, осматривались и нащупывали деловые связи. Американцы разъезжали по стране, изучали спрос, делали коммерческие предложения.

Офицер советовал мне заглянуть при удобном случае в просторное помещение пассажа на Вандомской площади, в Париже, чтобы убедиться в правдивости его рассказа. Он возмущался особенно тем, что ШЭЙФ не только привез этих дельцов в обозе американской армии, как раньше возили маркитанток, но и покровительствует им в Париже. ШЭЙФ запретил въезд в столицу Франции представителям английского делового мира. Британский офицер негодующе клеймил все это как «нечестную игру», противную союзным обязательствам.

Мой «психолог» полагал, что штаб 21-й группы старается лишь «уравновесить» действия теперь уже насквозь американизированного ШЭЙФа, за спиной которого стоял политический советник Эйзенхауэра Мэрфи. Этот Мэрфи, возглавляя американскую разведывательную сеть в Северной Африке, подготовил не только бескровный захват союзниками Дакара, Алжира, Орана и других африканских городов, но и почву для немедленной экспансии американского бизнеса в Африке. Теперь Мэрфи намеревался проделать то же самое во Франции. В поисках массовой базы для про-

ведения американской экспансионистской политики в Европе католик Мэрфи энергично поддерживал католические организации, противопоставляя их социалистическим партиям, ориентирующимся на будущую лейбористскую Англию, и левым организациям трудового народа, искавшим путей сближения, прежде всего, с великим советским государством.

Было не легко следить за всеми перипетиями «войны» между Брюсселем и Парижем. Англичане жаловались на американцев, американцы отзывались с раздражением и насмешкой обо всех шагах англичан. Мы присматривались к ходу враждебных действий с обоих «флангов»: то из Парижа, то из Брюсселя. Изредка заглядывали на подлинный фронт в районе островов — он назывался тогда «водным». Но именно там было тихо и спокойно. Только порою слышалась артиллерийская канонада, она затихала так же неожиданно, как и возникала: артиллеристы изредка били по дорогам.

В тыловых городках Бельгии и Франции, по которым нам приходилось часто проезжать, шла размеренная гарнизонная жизнь. Части несли караулы, чистили машины, оружие. По вечерам все гарнизоны шли в кино или на спектакли. Пивные и кафе были полны солдат и офицеров. Танцовальные залы и школы шумели до поздней ночи. Армии беспечно отдыхали, отдыхало и командование, ожидая событий на Восточном фронте. После той обильной рекламы, какая сопровождала уход английской и отчасти американской армий на зимний отдых, немцы, как казалось кое-кому на Западе, должны были спокойно сосредоточивать все свои силы на Востоке (реклама, собственно говоря, и преследовала цель убедить немцев, что на Западном фронте им ничто не угрожает). Но немцы обманули холодные расчеты и горячие надежды черчиллей.

АРДЕННСКОЕ „ПРЕДСТАВЛЕНИЕ"

I

В начале декабря мы отправились на фронт. Скучное однообразие штабных пресс-конференций настолько надоело всем, что их перестали посещать даже корреспонденты агентств. Сводки уныло твердили, что на фронте перемен нет. В погожие дни к нам являлся офицер штаба тактической авиации и подобно пономарю, начинал быстрой скороговоркой перечислять, сколько самолетовылетов совершено, сколько вагонов сожжено, паровозов разбито, а мостов взорвано. Цифры всегда были сногсшибательные, но от слишком частого повторения они не производили уже должного эффекта.

Путь от Брюсселя до Маастрихта, где расположился штаб 9-й американской армии, был нам знаком. Он пролегал через пустые бельгийские городки, не затронутые войной. На их улицах лишь изредка гремели обозы с боеприпасами и продовольствием да порою проносились, разбрызгивая лужи, штабные машины.

Начальник лагеря прессы 9-й армии, сравнительно молодой, веселый и общительный подполковник, тепло принял нас. Показывая «лагерь», уютно устроившийся в просторной провинциальной гостинице (в Голлан-

ли все просторно, вместительно, кроме самой страны), подполковник шутил:

— Это не лагерь прессы, а лагерь отдыха.

На вопрос, что интересного на фронте армии, подполковник так же шутливо отвечал:

— Развалины Аахена. Туда сейчас все корреспонденты ездят. И штабисты...

В Аахен мы решили отправиться на другой день. Пока же мы поехали в штаб 30-го корпуса. В холодной школе капитан Хупер, начальник разведки, охотно обрисовал нам общую обстановку. Разведка союзников, по его словам, установила, что по ту сторону Рейна немцы сконцентрировали в районе Кельна 5-ю танковую армию. Вооружена она была слабо: около сотни танков, главным образом «марка-4»; «тигры» и «пантеры» насчитывались единицами. Севернее 5-й армии, на том же берегу, сосредоточивалась 6-я танковая армия СС. Выделявшаяся лучшим вооружением, она до сих пор находилась в резерве германского верховного командования. Капитан Хупер полагал, что передача этой армии командующему Западным фронтом Рундштедту разоблачала намерение немцев нанести удар союзникам на так называемой кельнской равнине. Но союзники, если верить Хуперу, не боялись этого удара. Они имели сейчас такое превосходство в танках, в самоходных пушках, в артиллерии, не говоря уже о полном господстве в воздухе, что эти две танковые армии не пугали, а только дразнили их. Союзное командование смущало лишь то обстоятельство, что немцы прячутся за надежным барьером Рейна. Вот если бы они переправились на эту сторону реки...

Два дня спустя, после поездки по развалинам Аахена, мы снова заглянули в штаб 30-го корпуса. Капитан Хупер не скрывал своего радостного возбуждения: 5-я немецкая танковая армия начала переправляться через Рейн, 6-я танковая армия СС спускалась на юг, к Кельну. Полковник штаба 2-й британской армии, оказавшийся в корпусе, с восхищением следил за карандашом начальника разведки, отмечавшим путь движения немецких войск.

— Хорошо! Очень хорошо! — приговаривал полковник. — Нам не надо будет форсировать Рейн, чтобы уничтожить их...

Утверждение англо-американских публицистов и военных лидеров, в частности генерала Маршалла (см. его «Доклад» военному министру) и журналиста Ральфа Ингерсолл (см. его книжку «Совершенно секретно»), что союзное командование не знало о готовящемся немецком ударе, неправильно. Союзная разведка, по признаниям начальника разведки 21-й группы бригадира Вильямса, следила за всеми стадиями немецких приготовлений. Она потеряла из виду обе немецкие армии лишь в дни, непосредственно предшествовавшие удару: сильный туман закрыл землю непроницаемым покрывалом. Союзники ошиблись лишь в оценке направления немецкого удара. Приняв за чистую монету клятву Гитлера взять обратно Аахен, они ждали немцев севернее этого города.

Офицер штаба 9-й армии, встреченный нами в Маастрихте, советовал переждать здесь. Он был непоколебимо уверен, что очередное «представление» состоится на фронте 9-й армии. Мы обещали вернуться немедленно, если его пророчество сбудется. Нас тянуло в штаб 1-й американской армии, который разместился в знаменитом Спа, где во время прошлой мировой войны находилась ставка кайзера Вильгельма.

По прекрасной горной дороге мы быстро добрались до города. Нам бросилось в глаза, что обочины шоссе, редкие лужайки между рекой и дорогой были забиты американским снаряжением, складами боеприпасов, горючего и продовольствия. Штабеля канистр с бензином и снарядных ящиков тянулись на километры. Глубокая долина, по которой вьется дорога Вервье — Спа, оказалась уставленной грузовиками и новенькими танками, укрытыми брезентом. От Спа до Ставло, от Ставло до Бовиньи и от Бовиньи до Уфалеза мы видели одну и ту же картину сосредоточения огромного количества снаряжения и техники. Картина не изменилась и тогда, когда мы повернули на север — к Лярошу, Маршу и далее — к Намюру.

Арденны представляли собой колоссальный военный склад, битком набитый всем необходимым для наступления 12-й американской группы.

Немцы, как выяснилось впоследствии, хорошо знали об этом. Даже простое уничтожение этого военного склада автоматически отодвигало американское наступление. Расчетливые боши шли дальше: они намеревались захватить невредимыми и потом использовать американские запасы, чтобы бить самих союзников. В укромных лесах на той стороне Рейна они обучали своих танкистов управлять американскими танками. Танки, разумеется, должны были двигаться на американском горючем, стрелять американскими снарядами. Артиллеристы осваивали американские пушки, пулеметчики — пулеметы. Водители поспешно знакомились с американскими марками грузовиков и транспортеров. Фрицы были настолько предусмотрительны, что научили своих поваров готовить «арийскую» пищу из американского продовольствия.

Арденны, по которым мы тогда кружили три дня, производили странное впечатление. Извилистыми и глухими дорогами тянулись подводы, нагруженные домашним скарбом, группками двигались изнемогающие люди в пестрой, но бедной одежде, брели одиночки с мешочками за плечами. Это возвращались домой французы и бельгийцы, освобожденные из немецкого рабства. Навстречу им так же меланхолично текли бельгийцы, направляющиеся в Эйпен и Мальмеди, отнятые немцами у Бельгии в 1940 году и ныне возвращенные ей. Этих кочевников никто не останавливал, никто не проверял их документов. Среди них скрывалось много немецких агентов, которые высматривали, что происходит в Арденнах, брали на учет американские склады, отмечали места и состояние воинских частей союзников.

Американские войска, расквартированные в Арденнах, чувствовали себя как дома. Солдаты разгуливали по улицам мелких красивых городков, обивали пороги пивных и кафе, соблазняли бельгийских девушек. Атмосфера какой-то праздной беспечности господствовала здесь. Солдаты с завистью разговаривали об

отпусках, объявленных на зиму в английской армии, офицеры мечтали о Париже: уже составлялись списки счастливчиков, которые получали право провести свои рождественские отпуска в веселой французской столице. И хотя солдаты и офицеры не расставались с стальными шлемами, мысли их были далеки от войны.

II

Перед самым наступлением в Арденнах мы выехали в северную Францию, к Дюнкерку, где чехословацкая бронебригада караулила 16-тысячный немецкий гарнизон. Немцы расположились в Дюнкерке по-домашнему уютно и прочно: от нападения с моря их оберегали мощные форты крепости, от ударов с воздуха — зенитки и надежные убежища, от атак с суши... вода. Они открыли плотину, спасавшую северную равнину Франции от натиска моря, и затопили огромный район почти до самого Кассель, который, словно убегая от воды, забрался на высокий холм. Этот холм и бурые косогоры восточнее Дюнкерка поднимались над мутной гладью затопленных полей.

Чехословаки, имевшие на вооружении только старые танки и броневики, стояли вокруг Дюнкерка большим полукольцом. Перед ними сверкала вода, из воды торчали крыши одиноких ферм, голые верхушки деревьев, похожие на сведенные судорогой руки утопающих. Вода, медленно убывая, отступала; бригада, двигаясь за ней, так же медленно наступала. По ночам танкисты превращались в венецианских гондольеров: они садились в лодки и отправлялись на «свидания» в далекие хутора и деревни. Иногда они привозили пару-тройку ошеломленных фрицев — «языков». Порою исчезали сами. К списку пропавших без вести каждый день прибавлялись новые имена.

В день нашего приезда в бригаду «гондольеры» притащили с одинокой фермы южнее Берже двух немцев. На допросе они признались, что командир не

мецкого гарнизона Дюнкерка только что издал приказ, обещая скорое снятие осады. Чехословацкие офицеры, обедавшие вместе с нами у командира бригады генерала Лишка, услышав это сообщение, разразились хохотом. Они думали, что немецкий адмирал хватил через край: пытаясь поднять моральное состояние немцев, он только насмешил союзников. Наши сотрапезники полагались не столько на силу своей бригады, сколько на физическую невозможность снять осаду с города, оказавшегося в глубоком тылу. К тому же на помощь чехословацкой бригаде подбрасывались части молодой французской армии. Офицеры, подвыпив, долго потешались над приказом немецкого начальника Дюнкерка: глупый трюк да и только!

Но трюк, как мы убедились на другой день, был не очень глуп. Объезжая этот «водный фронт», мы заглянули к командиру английского артдивизиона, который поддерживал чехословаков и французов своим огнем. В дачном домике, освещенном садящимся солнцем, неожиданно собрались офицеры шести союзных наций: французский генерал, краснолицый, с усами темнорыжими, как подгоревший крендель; чешский полковник, прямой и монументальный, занимавший половину комнаты; советский подполковник; английский майор, молодой, самоуверенный и надменный; и, наконец, два капитана — канадский и американский, не имевшие никаких отличий, кроме тех, что были нашиты на их рукавах.

Чешский полковник рассказал о немецком приказе. И на этот раз представители шести союзных наций стали хохотать весело и непринужденно.

Веселье, однако, продолжалось недолго. Майору принесли радиограмму. Он прочел ее и передал французскому генералу, от него радиограмма попала чешскому полковнику и дальше пошла уже по кругу. Штаб армии приказывал частям, охранявшим Дюнкерк, ввести состояние тревоги первой степени. В приказе пояснялось, что на рассвете этого дня немецкие войска прорвали американский фронт в Арденнах. На прорыв брошены мощные танковые колонны, кото-

рые, сметая редкие и слабые американские заслоны, движутся к Льежу и Намюру, чтобы прорваться к морю. Штаб ожидал, что, в случае успешного форсирования немцами реки Маас, вражеский гарнизон Дюнкерка сделает попытку вырваться из осады и двинуться навстречу своим. Теперь приказ немецкого адмирала не казался нам таким уж смешным. Он лишь подтверждал опасения штаба.

Поспешно простившись, мы покинули командный пункт дивизиона. С вершины Кассельского холма мы оглянулись на дюнкеркскую долину, уже потонувшую во мраке декабрьского вечера. Лишь над самым Дюнкерком вспыхивали зарницы: правый фланг осаждающих обстреливал город ракетными снарядами, захваченными у немцев. Забегая вперед, скажем, что гарнизон Дюнкерка не смог вырваться из окружения, но он и не сдался до капитуляции Германии.

В Брюсселе было тревожно. Панические слухи достигли бельгийской столицы, видимо, раньше, чем оперативные депеши. Уже на следующее утро на улицах появились первые беженцы. Их измученный, истерзанный вид говорил красноречивее всяких слов: немцы близко! Бельгийцам еще была памятна стремительность немецких ударов. Ведь в 1940 году боши пришли в их страну именно этим путем. Тогда гитлеровцам потребовалось всего несколько дней, чтобы добраться до Брюсселя. Паникеры готовились бежать дальше на запад, во Францию.

В вестибюле нашего отеля быстро росла горка походных постелей, сумок и чемоданов военных корреспондентов. Сами они, утомленные, небритые, вваливались в столовую и просили коньяку: наши коллеги бежали из Спа вместе со штабом 1-й армии. На все вопросы, что произошло в Арденнах, они лишь устало отмахивались рукой, пожимали плечами.

Не только направление, но и сила немецкого удара были неприятной неожиданностью для союзников. Ранним утром 16 декабря 1944 года немцы атаковали американские позиции на всем фронте от Монша (юго-восточнее Эйпен) до Эхтернах (северо-западнее Трира). Без больших усилий, не тратя лишнего вре-

мени, они проломили несколько широких ворот в обороне американцев, ведущих к большим дорожным узлам: Мальмеди, Сен-Вит. В эти ворота хлынули бронированные колонны 5-й немецкой танковой армии и 6-й танковой армии СС. Вырвавшись на просторные дороги, танки рванулись вперед, расходясь веером по главным направлениям на Седан, Живе, Намюр и Льеж. Бронированные щупальцы тянулись, прежде всего, к Вервье, закрывающему дорогу на Льеж, к Маршу, расположенному как раз на половине пути к Намюру и к люксембургскому городку Бастонь; за Бастонью немцам мерещился разоруженный Седан, а справа от него — широкие ворота в обход линии Мажино, которыми они воспользовались в 1940 году во время широко разрекламированного, но фактически никогда не имевшего места в действительности «прорыва» линии Мажино.

Впереди танковых колонн немцы выбросили отряды парашютистов. Парашютисты захватывали мосты и мелкие, но важные в тактическом отношении населенные пункты. На помощь им послали моторизованные диверсионные группы. Они были составлены из эсэсовцев, говорящих по-английски. Долгое время эти диверсанты под видом военнопленных жили в американских лагерях, чтобы усвоить американское произношение и впитать американский военный жаргон. Перед началом атаки их одели во все американское, снабдили американским оружием и бросили вперед, как только немецкие танки прорвались через линию фронта. Им поставили задачу проникать обманным или насильственным путем к сердцу американских частей — штабам, громить их, убивать офицеров. Каждая диверсионно-террористическая группа получала свой список штабов, подлежащих уничтожению. Убийство высших офицеров поручалось специально выделенным опытным террористам. Во главе всего этого дела стоял подручный Гиммлера, разведчик и диверсант, освободивший Муссолини из заключения, подполковник Скорцени.

Диверсанты, захватив американские машины, понеслись по арденнским дорогам, сея ужас и смерть. Они

убивали отдельных солдат и офицеров, уничтожали гарнизоны мелких арденнских городков. Они создавали панику в глубоком тылу, парализовали связь между частями и управление войсками. Союзные посты очень часто не могли отличить своих солдат и офицеров, мчавшихся по тыловым дорогам, от бандитов Скорценни, нарядившихся в американскую форму. Они терроризовали часовых. Вместо документов они вытаскивали иногда из бумажника ампулы с сильными ядами, прыскали в лицо патрульному, и тот падал замертво. Посты пришлось удвоить: один часовой проверял ваши документы, другой держал вас на мушке автомата.

Беспорядок, царивший в союзных армиях, облегчал действия диверсантов. Любая военная машина, везущая людей в союзной военной форме, могла получить на любом союзном складе столько горючего, сколько хотела. Впрочем, порою не было необходимости просить горючее: оно лежало в поле без всякой охраны.

Танковые колонны наступающих рвались вперед, сметая хилые барьеры и обходя прочные узлы. Они заполняли дороги Арденн, переваливали через горные перевалы, спускались в долины, выискивая, подобно потоку, наиболее слабые места. Не сумев проломить барьер, возникший на пути к Льежу, немецкие танки стали пробивать дорогу на Намюр. Встретив здесь сильное сопротивление, они еще раз сменили направление главного удара, устремившись к Динану и Живе, расположенным на Маасе, где река, огибая квадратной скобой Арденны, вытягивается почти по прямой от Намюра до Мезьера. К концу первой декады боев они заняли города Рошфор и Амман, недалеко от этого изгиба.

Союзники, ошарашенные ударом, сначала просто растерялись. 1-я армия была разрезана надвое. Она потеряла все свои склады горючего, снаряжения, боеприпасов и продовольствия. Мы не можем сказать, как много было потеряно: об этом знает только командование 12-й группы. Нам известно со слов начальника разведки 21-й группы бригадира Вильямса,

что только в одном из нескольких складов, попавших к немцам, американцы потеряли более 300 000 литров бензина. Количество потерянных снарядов исчислялось миллионами, грузовиков — тысячами, танков — сотнями. Людские потери 1-й армии (убитыми и особенно пленными) приближались, по оценкам англичан, к 100 тысячам человек.

У союзников не оказалось под рукой достаточных сил, чтобы закрыть этот зияющий пролом. Они повернули 9-ю армию, стоявшую севернее Арденн, лицом на юг и передвинули 3-ю армию, находившуюся южнее Арденн, несколько севернее. Сначала обе армии пытались лишь удерживать немецкий поток в границах арденнского выступа, образуемого рекой Маас, затем стали давить на основание немецкого клина. 2-я британская армия выделила в помощь американцам 30-й корпус, который, однако, не принял никакого участия в боях первой стадии арденнского сражения. Его дивизии выстроились вдоль северного берега Мааса, между Льежем и Намюром. У Динана, на западном берегу Мааса, окопалась 6-я английская парашютная дивизия, доставленная по воздуху из Англии. Внутри самой дуги, в Арденнах, продолжали драться потрепанные, разрозненные части 1-й армии, показавшие образец боеспособности и отваги.

В начале второй недели прорыва на помощь союзникам пришла погода. Небо засверкало голубизной, и в голубом небе появились тысячи союзных самолетов. Тяжелые бомбардировщики вдребезги разнесли несколько мелких арденнских городков, имевших несчастье построить хорошие мосты через горные речонки. Стаи истребителей и штурмовиков вились над дорогами, загоняя немцев в леса. Теперь гитлеровцы двигались только ночами. Но ночи были такие долгие, что немцы успевали перебрасывать необходимые подкрепления и снаряжение, а наутро их танки громыхали все ближе и ближе к Динану и Живе.

Штаб 21-й группы, который теперь руководил боями в северной половине Арденн, все еще нервничал. Хотя к концу декабря продвижение немцев фактически приостановилось (оно измерялось только сотнями яр-

дов), союзники не решались вылезать за реку. Разведка доносила, что 6-я танковая армия СС, задержанная на правом фланге немецкого наступления, заканчивает перегруппировку. Ее танковый корпус двинулся к острию немецкого выступа, на направлении главного удара. Подготавливая ему дорогу, немцы по старому обычаю, выбросили вперед парашютистов. Один отряд, захватив деревушку недалеко от французского городка Живе, вызвал смятение среди штабистов 21-й группы. Дорога, ведущая из Арденн к Маасу, растекалась у этой деревушки по двум рукавам: к Живе и к Динану. Союзники ожидали очередного, и при этом сокрушительного, удара немцев через Маас с захватом обоих этих городков, раскинувшихся, кстати сказать, на восточном берегу реки.

Перед танковым прыжком немцы нанесли союзникам удар с воздуха — единственный за всю кампанию на западноевропейском фронте. Утром 1 января, которое выдалось на редкость погожим, немецкие самолеты совершили нападение на аэродромы, склады боеприпасов и горючего по всему фронту от Голландии до Саара. Добыча их, правда, была не очень велика, но в течение всего первого дня нового, 1945 года они чувствовали себя хозяевами в воздухе над Западным фронтом. Они кружились над городками недавно освобожденных стран, обстреливали улицы, охотились за машинами на дорогах. Было странно видеть десятки самолетов со свастикой, реющих над Брюсселем, невдалеке от которого укрывался тогда штаб 21-й группы. Немцы пикировали на брюссельские здания, где разместились военные учреждения. Недалеко от дома миссии ШЭЙФа возник пожар. Черный столб дыма поднялся над окраиной, горел склад горючего. В Брюгге немцам удалось поджечь несколько транспортных самолетов и уничтожить склад.

Союзная авиация ответила на немецкий вызов только над крупными городами, такими, как Брюссель и Антверпен. Но уже на следующий день союзники готовы были потягаться с немцами за обладание воздухом по всему фронту. Однако немецкие

самолеты не появились, чтобы поддержать удар своих наземных сил в направлениях на Динан и Живе.

Впрочем, и самый удар также не последовал. Танковый корпус 6-й немецкой армии СС, не дойдя до своих позиций западнее Рошфор — Амман, остановился почти в самом центре Арденн и начал поспешно грузиться в эшелоны. Эшелоны уходили на восток. Через несколько дней за ним двинулась вся 6-я армия СС. Уже к 20 января девять из двенадцати эсэсовских дивизий не только покинули пределы Арденн, но и вообще исчезли из поля зрения союзной разведки; остальные дивизии находились на пути от Арденн к Рейну.

Сообщение генерала Маршалла в его «Докладе», а также утверждение Ральфа Ингерсолла в его книжке «Совершенно секретно», что 6-я танковая армия СС была разбита американцами в Арденнах, не соответствует действительности. На закрытой пресс-конференции 23 января начальник разведки 21-й группы бригадир Вильямс признал, что 6-я армия после неудачного продвижения на правом фланге ушла из Арденн, не соприкоснувшись с главными силами союзников. А начальник штаба 21-й группы 4 марта заявил, что 6-я танковая армия СС отправилась из Арденн прямо на Восточный фронт. Немецкое командование, по его словам, намеревалось сначала усилить свой Восточный фронт только за счет войск из Италии. Однако в конце декабря, когда немцы обнаружили размах и серьезность советских приготовлений к новому наступлению, оказалось, что итальянские пополнения не смогут прибыть во-время. Поэтому Гитлеру пришлось отказаться от развития своего успеха в Арденнах и поспешно перебросить 6-ю армию СС, а за ней и другие войска на Восточный фронт — *там* решалась судьба самой Германии.

Ободренные немецкой остановкой, союзники попытались атаковать немцев с севера. Но наступление 1-й армии ни к чему не привело: оно захлебнулось уже на второй день. На некоторое время установилось полное затишье. И вот это затишье, подобно удару молнии, прорезало сообщение немецкого радио

о начале советского зимнего наступления. Пытаясь удержать надвигающийся шквал в возможно большем отдалении от границ самого фашистского логова, гитлеровское командование бросило навстречу Красной Армии все, что могло наскрести на остальных фронтах. Немцам удалось в Арденнах быстро и ловко вытянуть вслед за 6-й 5-ю танковую армию. Ударные части были заменены второсортными войсками: народными гренадерами и штурмовиками.

Союзники погнали их назад, к границам Германии, однако союзное командование попрежнему не особенно торопилось: на этот раз не только время, но и погода работали на него. В горах выпал снег, ударили необычные для тех мест морозы. Чтобы народные гренадеры и штурмовики не вздумали отступать слишком поспешно, немецкое командование снабдило каждую часть особым эсэсовским заслоном. Такой заслон отступал с установленной скоростью, и эсэсовцам было приказано расстреливать всякого, кто попытается обогнать их. Гренадеры и штурмовики, не обладавшие ничем, кроме громкого имени, устилали своими трупами горные, заваленные снегом дороги и заполняли лагери для военнопленных.

К концу января «арденнское представление», как выражались тогда англичане и американцы, закончилось. Обмороженные и напуганные гренадеры и штурмовики укрылись за линией Зигфрида: старый фронт восстанавливался почти без изменений в прежних очертаниях.

Служба общественных связей, или, другими словами, служба пропаганды, утверждала, что немцы хотели, нанеся удар на Льеж, разгромить 1-ю американскую армию, выйти к Антверпену, отрезать 9-ю американскую, 2-ю британскую и 1-ю канадскую армии и устроить союзникам второй Дюнкерк, чтобы вывести Англию из войны.

Версия эта, проповедуемая, между прочим, генералом Маршаллом в его «Докладе» и Р. Ингерсоллом в его книжке «Совершенно секретно», неубедительна и не подтверждается фактами. Двадцать две немецкие дивизии неполного состава, брошенные в арденнско-

наступление, не могли разгромить, окружить и сбросить в море четыре союзных армии общей численностью свыше полутора миллионов человек, располагавших к тому же полным господством в воздухе и на море. Немецкий фронт от Дюрена (восточнее Аахена) до Арнема (Голландия) был совершенно оголен. Лишь в северной и западной Голландии укрывались за водными преградами одиннадцать вражеских парашютных батальонов, которые, однако, не могли без риска притти на подмогу атакующим: голландское бездорожье было обоюдоострым оружием.

Сами немцы признавали, что они хотели лишь отодвинуть подготавливаемое американское наступление, чтобы высвободить силы для отражения грядущего советского зимнего удара. Их объяснение представляется вполне правдоподобным. Захват и уничтожение американской базы в Арденнах лишали всю центральную группу армий союзников снаряжения, боеприпасов и продовольствия на долгий срок. Выход колонн 6-й немецкой танковой армии СС на просторы бельгийской равнины севернее Мааса дал бы немцам не менее богатую поживу, чем Арденны: здесь располагались тылы трех союзных армий и штаб 21-й группы. Прорыв на равнину Франции, западнее Мааса, между Намюром и Седаном (старая немецкая дорога во Францию), открыл бы им кладовую всех американских армий, размещенную между Парижем и немецкой границей. Такой удар вывел бы союзников из строя на много месяцев, по меньшей мере до следующей весны.

Замысел был выполнен только частично.

По признанию самого генерала Маршалла, немецкий контрудар в Арденнах отодвинул планируемое американское наступление на шесть недель. Штабные офицеры 9-й армии измеряли этот срок восемью — десятью неделями.

Многие причины помешали немцам добиться поставленной цели. Американцы, оправившись от первого шока, оказали сопротивление. Героизм 7-й танковой дивизии, окруженной у Сен-Вит, 10-й танковой и 101-й парашютной дивизий, окруженных в Ба-

стони, войдет в историю войны как пример мужества и товарищеской верности в бою. Части 1-й армии боролись с упорством безграничного ожесточения.

Однако стойкость отдельных американских частей и даже соединений смогла лишь замедлить немецкое наступление, но не сорвать его. Остановлено же оно было мощным советским ударом в Польше. Красная Армия, действуя в духе союзного сотрудничества, схватила немцев за шиворот как раз в тот момент, когда они заносили кулак для второго удара по союзникам. Перегруппированная 6-я танковая армия СС, нацеленная на направление главного удара — Динан — Живе, была остановлена на полпути и поспешно брошена на восток. Туда же направлялись все резервы Западного немецкого фронта.

Вопреки позднейшим писаниям англо-американских пропагандистов и генералов, союзное командование в то время неоднократно подчеркивало выдающееся значение действий Красной Армии для всего хода событий на Западе. Крах немецких замыслов и провал арденнского наступления прямо связывался тогда с наступательными операциями русских на востоке. Офицер штаба 21-й группы заявил на пресс-конференции 16 января 1945 года: «Сильный ветер из России начинает очищать тяжелую атмосферу на Западе и открывает возможность ведения наступательных операций на нашем фронте». 23 января 1945 года начальник разведки 21-й группы бригадный генерал Вильямс признал, что занесенный над американскими войсками немецкий танковый кулак был отведен русскими. 31 января 1945 года бригадный генерал Фурд (разведка ШЕЙФа) утверждал на пресс-конференции в Париже, что «русское наступление серьезно отразилось на положении Западного фронта. Полная инициатива, которой располагали немцы, выпала из их рук. Им пришлось повернуться к нам спиной и перейти от наступления к обороне». Начальник штаба 21-й группы генерал Гюинган начал свой доклад 4 марта 1945 года заявлением, что соотношение сил на Западном фронте, как и вообще в Европе, решительно изменилось в течение зимы в основном благодаря наступлению Крас-

ной Армии. (Эти признания были сделаны на закрытых пресс-конференциях, они не предназначались широкой публике; военные лишь констатировали бесспорный факт и нехотя отдавали должное союзному сотрудничеству, которое показало немцам, что значит война на два фронта.) Генерал Паттон, с которым нам снова довелось встретиться в начале февраля в Люксембурге, смеясь, спрашивал: «Разве вы не с востока? (Мы ехали из Страсбурга.) Немцы так поспешно удирали туда, что я ожидал появления ваших парней из-за соседнего холма...»

Советское наступление, которое ожидалось с таким напряжением всеми, начиная от командующих армиями и кончая рядовыми, вызвало вздох облегчения. Чтобы поднять настроение бойцов, офицеры объявили солдатам о начале советского наступления в тот же день, когда штаб союзников получил секретное донесение об этом. Они решили не ждать официального советского сообщения. «Эти русские, — объяснял офицер, — могут молчать несколько недель, а потом объявят, что Берлин взят и война окончена. Мы не можем ждать так долго...» Солдатам приказывалось итти навстречу русским: они, как казалось всем, находились совсем недалеко. Появление Красной Армии за спиной немцев, еще державших Западный фронт, было физически ощутимо.

III

Попытка добраться до Арденн в разгар боев не удалась. Американские военные власти, как объяснили нам в штабе 21-й группы, решительно возражали против поездок корреспондентов на фронт. Мы ходили на ежедневные пресс-конференции, где сообщения для печати занимали две-три минуты, а закрытая информация затягивалась на полчаса. Сначала офицеры штаба относились к арденнскому сражению как к чисто американскому делу. Они неизменно информировали нас прежде всего о мелких событиях на британском и канадском фронтах, затем переходили к американскому. Иногда они делали про-

зрачные намеки на то, что американцы плохо информируют их. Один из офицеров, слывший остряком, начал однажды свой обзор словами: «Согласно сообщению лондонского радио, обстановка на фронте складывается так...»

21 января 1945 года начальник службы общественных связей группы бригадир Невиль явился на пресс-конференцию возбужденный и торжествующий: генерал Эйзенхауэр назначил фельдмаршала Монтгомери командующим четырех армий: британской, канадской и двух американских.

— Они вынуждены вернуться к тому положению, которое было в Нормандии.

Бригадир воздержался от того, чтобы дать местоимению «они» собственное имя, но мы понимали, что он имел в виду американцев. Этот вывод Невиля был так многозначителен, что корреспонденты Соединенных Штатов, число которых сильно возросло, возмутились.

В первой декаде января военные корреспонденты в Брюсселе устроили ужин командованию 21-й группы. По этому случаю в отель «Кентербэри» прибыли генералы, послы союзных держав, министры. Я оказался за одним столом с бригадиром Вильямсом и американским послом в Брюсселе. После ужина посол отвел меня в угол и стал подшучивать над англичанами.

— Хотя Монтгомери еще не выиграл битвы, — говорил он, — они ведут себя так, будто победа у них уже в кармане. Насколько мне известно, англичане еще не сделали в Арденнах ни одного выстрела...

По залу, переполненному людьми и насквозь прокуренному курильщиками, двигался седой человек, худой и высокий. Показав глазами в его сторону, мой собеседник сказал:

— Человек за спиной генерала Эрскина — Ничбелл-Хьюджессен, английский посол. Вы с ним знакомы?

Ничбелл-Хьюджессен был отменно любезен, приглашал заглянуть на чай, побеседовать. Он познакомил меня со своим пресс-атташе Созмарезом, давнишним обитателем Брюсселя, негласным дирижером

нестройного хора бельгийской печати. Созмарез изъявлял готовность оказать мне всяческую помощь. Для начала я просто спросил его, нельзя ли умерить антисоветский холодок, который с момента приезда британского посольства в Брюссель гуляет по страницам бельгийских газет. Пресс-атташе немедленно сослался на свободу печати в Бельгии, но во имя англо-советской дружбы соглашался использовать свое «персональное влияние».

Американский посол, смеясь, спросил его, не может ли он устроить так, чтобы бельгийская печать более объективно освещала ход боев в Арденнах. Созмарез с удивлением посмотрел на посла, но ничего не сказал.

На другой день командующий 21-й группой пригласил военных корреспондентов в свою ставку в маленьком бельгийском городке Ценховен.

Сначала Монтгомери отметил, что немцы захватили американцев врасплох и раскололи их первую армию надвое. Немецкий поток ринулся к реке Маас. В качестве предосторожности он, Монтгомери, произвел некоторую перегруппировку войск, чтобы не позволить немцам пересечь реку. Однако положение продолжало обостряться. После этого «дух солидарности восторжествовал», и генерал Эйзенхауэр назначил Монтгомери командующим всем Северным фронтом союзников. Фельдмаршал поспешно реорганизовал отступавшие американские части, указал им рубежи, бросил на помощь наземным силам воздушные, и положение было спасено. Немецкий главнокомандующий на Западе Рундштедт был вынужден отказаться от захвата намеченных объектов.

Монтгомери выразил восхищение боевыми качествами американских солдат, которые так геройски дрались под его командованием. Он и себя считал американским солдатом: ведь ему выдали американское удостоверение, и «оттиски его пальцев были зарегистрированы в военном министерстве в Вашингтоне, что более предпочтительно, чем иметь эти оттиски зарегистрированными в Скотланд-ярде!!» (Цитирую буквально, включая два восклицательных

знака, как это начертано в резюме доклада Монтгомери, розданном военным корреспондентам во время пресс-конференции.)

Фельдмаршал закончил свой доклад просьбой к военным корреспондентам выступить в печати за укрепление союзной солидарности, намекнув, что кто-то, зловредный и сильный, пытается подорвать ее. Он заверил, что нет более близких и верных друзей, чем Монтгомери и Эйзенхауэр, которого он называл не иначе, как «Айк» (доброжелательное прозвище Эйзенхауэра).

Доклад Монтгомери раздосадовал американцев. Они, видимо, не ожидали, что арденнское сражение обогатит их обиды еще одним ударом со стороны английского союзника.

По пути к окраине города, где стояли наши машины, меня догнал офицер отдела «психологической войны», который тут же осведомился, сколько слов я намерен послать в Москву о докладе Монтгомери. Я выразил опасение, что «философия войны», которой была посвящена большая часть выступления командующего группой, может показаться моим читателям не очень интересной.

— Но ведь не это было главным в докладе! — живо воскликнул мой спутник. — Главное — это стремление англичан к союзному сотрудничеству.

— А разве кто-нибудь пытается взорвать наше сотрудничество?

— Именно в этом суть доклада. Янки завладели ШЭЙФом целиком, они хозяйничают там, как на Бродвее. Они хотят диктовать всем союзникам свою волю, назначать и смещать их командующих, повышать или понижать их генералов...

Стоя возле машин, мы простились, решив встретиться в ближайший свободный вечер. Однако такой вечер наступил не скоро.

Американцы пригласили нас в Люксембург на пресс-конференцию к генералу Омару Брэдли, командующему 12-й группой. Путь до Люксембурга был тогда долог и утомителен: нам пришлось добираться

до Реймса, а затем поворачивать почти прямо на восток.

Брэдли говорил тихим, спокойным и даже скучным голосом, без интонаций и не жестикулируя. Его продолговатое лицо с большой челюстью было украшено очками в железной оправе, седые волосы коротко подстрижены. С бесстрастием и точностью школьного учителя генерал доложил обстановку на фронте, признав неожиданность направления и силы немецкого удара. Брэдли решительно подчеркивал, что американские войска самостоятельно, без помощи англичан, справились с положением. 30-й британский корпус, брошенный на помощь американцам, перешел Маас и углубился в Арденны уже после того, как стало ясно, что немцы начали отступление.

Несколько дней спустя мы отправились в Арденны. За Маастрихтом нас встретила настоящая метель. Чем дальше углублялись мы в горы, тем сильнее и сильнее бушевала она. Снегопад быстро заносил следы грузовых машин, шедших впереди с цепями; нам приходилось держаться вплотную к последнему грузовику, чтобы не застрять в горах. В черных садах, стоявших вдоль дороги, крутила и свистела поземка, тяжелые снеговые облака неслись прямо над верхушками голых деревьев.

В долине между Вервье и Спа, забитой полтора месяца назад американским снаряжением, было сейчас пусто, как в амбаре перед новым урожаем.

Спа, куда вернулся штаб 1-й армии, поражал тишиной и... холодом. Начальник пресс-кэмпа, знакомый нам еще по боям в Нормандии, вспоминал наш визит в маленький городишко Мариньи, западнее Сен-Ло, когда мы не могли найти себе места, где бы спрятаться от нещадной жары, чтобы спокойно побеседовать. Шутливо он выражал надежду, что наконец-то мы попали в свою атмосферу. Что касается его, то полковник был готов бежать на край света, лишь бы спастись от холода: в городе не отапливалось ни одно здание.

— Теперь я понимаю, почему захватчики не любят русскую зиму.

В Спа нашу штабную машину, теплую и комфортабельную, пришлось сменить на открытый «джип». Ветер с гор пронизывал шинель насквозь, мы радовались каждому скользкому подъему, когда шофер заставлял нас подталкивать машину: правда, это не ускоряло нашего движения к фронту, но зато согревало. Как раз на полпути между Спа и Мальмеди мы нашли штаб 8-го парашютного корпуса, который был доставлен в Арденны по воздуху. Работники штаба встретили нас подчеркнуто тепло.

Полковник штаба армии, оказавшийся в корпусе, взялся объяснить нам обстановку: немцы продолжали уползать в сторону Германии, усыпая дороги минами, чтобы замедлить движение американцев. Бои фактически прекратились. Контакт с частями 5-й танковой армии давно потерян. Перед парашютным корпусом, шедшим на главном направлении, отступали народные гренадеры, заслоняя своей спиной отходящие эсэсовские отряды. Гренадеры, по словам полковника, одинаково боялись эсэсовцев, американцев и арденнских морозов. Они упрямо огрызались, если эсэсовцы находились где-нибудь поблизости. Но едва они оказывались отрезанными от своего тыла, как сдавались с поразительной готовностью, которая возмущала американцев.

По пустынной зимней дороге мы отправились вперед, в сторону Германии. Мы ехали среди лесов, занесенных снегом. Поля, далекие синие холмы, поднимавшиеся к мутному небу, дышали холодом и тоской. Где-то ухали пушки, их звук был глух, как удары мерзлой земли о крышку гроба. В мелких разрушенных деревушках солдаты устраивались на ночевку: пилили дрова, разжигали очаги. Одежда не спасала их от холода; обмораживание становилось главной причиной потерь.

Уже в сумерках, догнав передовой батальон в городке Рехт, мы повернули назад. Над нами стыло фиолетовое небо, ветер начинал нести поземку, тонкую, как дым. Пустынные белые поля синели быстро, черные леса стояли молчаливые и враждебные: там еще скрывались немцы. Над развалинами деревушек

поднимались дымы, остатки стен озарялись пламенем, в черных проломах окон блистал огонь. Навстречу нам медленно ползли обозы. Несмотря на цепи, грузовики скользили на склонах, катились юзом к обочине, переворачивались.

На другой день мы сделали круг по Арденнам. Американский военный склад был очищен с чисто немецкой аккуратностью: немцы увезли даже железный лом, оставленный ими же самими при поспешном бегстве прошлой осенью. Мы не нашли даже следов тех сногсшибательных потерь в танках, которые, по уверениям англо-американской пропаганды, гитлеровцы понесли в Арденнах. Правда, севернее Бастони чернели остовы нескольких «М-4» и попадались изредка брошенные и разбитые транспортеры. Но о полутора тысячах немецких танков и самоходных пушек, которые списывает с немецкого счета генерал Маршалл в его «Докладе», не могло быть и речи. Бои в Арденнах шли вдоль дорог, а дороги были чисты. Осмотр Арденн подтверждал заявление бригадира Вильямса, что 6-я танковая армия СС ушла, не соприкоснувшись с главными силами союзников, а 5-я танковая сумела вытянуть свои машины из-под удара.

ОЖИДАНИЕ ИСХОДА

I

На этот раз поездка в Париж была невероятно длинна и утомительна. Снегопад встретил нас еще на окраине Брюсселя; перед Ватерлоо он превратился в метель. Белая мутная пелена поглотила красностенный и краснокрыший городок с громким историческим именем, заволокла пригородную рощицу и сделала неразличимыми даже дорожные знаки. Лишь около Шарлеруа метель несколько утихла, но снеговые тучи неслись прямо над нашими головами, цепляясь за лесистые холмы западных Арденн. Снег скоро сменился дождем, дождь — снова снегом. Ветровое стекло машины покрывалось ледяной коркой; через каждые пять-семь минут нам приходилось останавливаться и соскабливать лед. Наконец мы решили поднять стекло, и тогда дождь стал хлестать в машину, — теперь леденела наша одежда.

В сумерках, едва достигнув окраин Реймса, мы бросились в первое попавшееся кафе, чтобы обогреться. Французы с удивлением и даже страхом смотрели на четырех союзных офицеров, появившихся из Арденн в ледяных кольчугах. После недавнего арденнского нашествия немцев всеобщая беспечность сменилась всеобщей шпиономанией. Даже граждан-

ское население боялось немецких диверсантов, вооруженных страшными ядами и беззвучными пистолетами. Посетители кафе отодвигались от нас поближе к двери, хозяйка робко, но с большой готовностью и поспешностью прислуживала нам. Кто-то улизнул за дверь и доложил о нас французскому посту. Дружинники внутренних сил, не решаясь заглянуть в кафе, подкараулили нашего шофера, прижали его к стене и проверили документы. Убедившись, что перед ними английский шофер, они оставили нас в покое.

По черным улицам Реймса — сквозь шторы затемнения пробивались лишь желтые струйки света — мы выбрались на парижскую дорогу, но где-то за городом пропустили поворот и через два часа обнаружили, что находимся на середине пути к Суассону. В Суассоне снова ошиблись, двинулись на Компьен вместо Парижа. Часов в одиннадцать вечера проехали маленький, уже спящий городишко, углубились в знаменитый Компьенский лес, где в 1918 году маршал Фош подписал перемирие с поверженной Германией, а в 1940 году Гитлер подписал перемирие с вишийской Францией. Лес стоял черной молчаливой стеной по обеим сторонам дороги. Снова заморосил дождь, машина стала буксовать на подъемах, за Сен-Лисом она совсем остановилась: кончилось горючее. Американцы долго и придирчиво проверяли наши документы, прежде чем дать горючее. За один месяц немцы научили их порядку больше, чем многие годы армейской тренировки.

Лишь к четырем часам ночи мы добрались наконец до Парижа. Лужи, огромные, как озера, заливали его пустынные улицы. Одинокие полицейские, спрятав головы под черные плащи, подобные грачам, торчали на перекрестках. Дорога вывела нас на Орсейскую набережную. Оттуда мы быстро нашли Вандомскую площадь, охраняемую лишь Наполеоном, который продолжал держать свой венок над спящим, покрытым снегом городом.

Ранним утром в мою комнату в Скрибе ввалился молодой американский унтер-офицер с знаками корреспондента армейской газеты «Старз энд страйпс». Мы виделись с ним недели две назад в Маастрихте (Голландия), где он просил консультировать его обзор о военных событиях на Восточном фронте. Теперь он прибежал за новыми справками. Я помог ему. Газета «Старз энд страйпс» долгое время занимала сравнительно объективную позицию в оценке хода войны. Она публиковала статьи о Красной Армии, о Советском Союзе, о жизни его народов, чтобы сблизить американцев с русскими. Реакционные генералы американской армии раздраженно бурчали о «красноте» газеты, но открыто ее не преследовали. Только к концу войны, когда после смерти президента Рузвельта в американской политике определился резкий крен вправо, генералы открыли поход против газеты, разогнали ее работников с демократическими тенденциями, обрушив дубину дисциплинарных репрессий на наиболее непокорных, то есть демократически мыслящих.

Унтер-офицер был весело и деловито настроен, сообщил уйму новостей о жизни Скриба — отеля, где находился пресс-кэмп ШЭЙФа, — отметил, что отношения между американцами и англичанами все еще натянуты, что эта натянутость особенно чувствуется в ШЕЙФе, где, кажется, сам «Айк» покороблен той рекламой, которой англичане постарались снабдить свои арденнские подвиги.

За обедом ко мне подсел корреспондент либеральной английской газеты, которого я знал еще по Лондону. Это был пожилой человек, занимавшийся в своей жизни многими профессиями и перепробовавший много политических вер. Он побывал в нескольких партиях, прежде чем объявил себя независимым. Он принадлежал к числу беспочвенных мечтателей, которые ограничивают свой социальный долг именно такими мечтаниями: это ведь ни к чему не обязывает, хотя и дает известное моральное удовлетворение. Но в его искренности сомневаться нельзя было: если он

хвалил, то восторженно, если критиковал, то с ядом, сарказмом и ненавистью.

Сейчас он возмущался бездействием, которое фактически наступило на всем Западном фронте. Он точно знал, что немцы снимают с Западного фронта дивизию за дивизией и поспешно гонят их на восток. Теперь даже небольшое усилие на Западе, заставив немцев прекратить эти переброски, помогло бы Красной Армии больше, чем крупное наступление весной, к которому готовятся англо-американские союзники и о котором идет столько разговоров. Он критиковал стратегию ШЕЙФа, сваливая все на американцев. Допуская мысль, что 1-я американская армия после арденнского «представления» не способна наступать, англичанин спрашивал: «А что делают остальные шесть союзных армий?»

К нам присоединился корреспондент лондонской «Дейли геральд» Матьюз. Он внимательно выслушал нашего общего знакомого, потом, обращаясь ко мне, спросил, не слышал ли я о переговорах между Рундштедтом и Эйзенхауэром. Слухи об этом действительно носились среди нескольких сот обитателей Скриба. Одни утверждали, что адъютант Рундштедта прилетел в Париж со специальным письмом от немецкого командующего, который предлагал перемирие. Другие уверяли, что это был сын Рундштедта. Все, однако, сходились на том, что германская генеральская клика предложила Эйзенхауэру открыть союзникам Западный фронт. Единственное условие, которое выдвигали немецкие генералы, заключалось в том, чтобы западные союзники позволили немцам забрать свои войска с Запада для отражения советского наступления. Генерал Эйзенхауэр, как говорили корреспонденты, связанные с ШЭЙФом, отказался обсуждать с немцами какие бы то ни было условия. Однако командующий союзными войсками на Западе посоветовал немецким генералам поступать так, как они считают для себя более выгодным, то есть они могли открыть фронт западным союзникам, но без всяких условий.

Работники штаба Эйзенхауэра отказывались говорить на эту тему. Бригадир Фурд (разведка ШЭЙФа), выступавший вечером того дня с докладом в пресс-кэмпе, не ответил на вопрос Матьюза о переговорах. Он отказался подтвердить или опровергнуть циркулирующие слухи.

На доклад бригадира Фурда собралось несколько сот человек: военные корреспонденты, оперативные офицеры штаба Эйзенхауэра, генералы. Большой конференц-зал пресс-кэмпа в первом этаже отеля Скриб был набит битком. Доклад был закрытым, но бригадир Фурд обещал дать общую картину военного положения на Западе после отражения немецкого контрнаступления в Арденнах, и поэтому штабные офицеры даже дальних армейских соединений приехали в Париж.

Свое сообщение Фурд начал указанием на то, что русское наступление в Польше серьезно изменило общеевропейское военное положение в целом. Прорыв русских выбил из рук немецкого командования инициативу, которую оно во время атак в Арденнах захватило на Западном фронте впервые с момента его возникновения. Эта инициатива позволила немцам парализовать активность всего союзного фронта, хотя по числу людей и по массе техники он в несколько раз превосходил немецкие силы на Западе.

Бригадир подробно разобрал причины провала замыслов противника в Арденнах, подчеркнув стойкость американских окруженных частей и господство союзников в воздухе. Немецкое командование не сумело развить успехи своего прорыва в Арденнах, нанести более серьезный удар союзникам потому, что советское наступление заставило Гитлера начать поспешную переброску на восток самой боеспособной и технически наиболее оснащенной 6-й танковой армии СС. Эта армия совершенно исчезла с Западного фронта уже к 20 января. Вслед за ней стала уходить 5-я немецкая танковая армия, которая сумела оторваться от союзных авангардов около недели тому назад (доклад Фурда состоялся 31 января 1945 года).

Немецкое командование на Западе занялось переформированием своих частей. Боеспособные дивизии в спешном порядке отправлялись на восток.

Докладчик был удивлен тем обстоятельством, что германское командование перебрасывало на восток войска с Западного, а не с Итальянского фронта, где оно легко могло бы «сэкономить» 10—12 дивизий. Он полагал, что противник, напуганный советским наступлением, оголил Западный фронт в надежде прикрыть его войсками из Италии. Пока же Рундштедт вытягивал свои войска вдоль всего фронта тонкой цепочкой, которая во многих местах прерывалась, образуя большие дыры.

Картина, нарисованная бригадиром Фурдом, была настолько оптимистической, что слушатели поставили вопрос о конце войны в Европе. Союзники могли немедленно нанести удар немцам, смести жалкую цепочку Рундштедта и ринуться навстречу русским, лавина которых подкатывалась уже к Одеру, а в ряде мест даже переправилась через него и вела бои на заодерских плацдармах. Бригадир отвечал уклончиво. Он обещал в ближайшие дни лишь очистить последний кусок французской земли в районе Кольмара. Он отводил на эту операцию две недели. Не мешает заметить, что «кольмарский мешок» был очищен через два дня.

II

Несколько дней спустя наша машина, миновав Большие бульвары, оставив позади бульвар Вольтера и площадь Нации, выбралась на Венсенскую дорогу и покатила на юго-восток Франции: мы хотели видеть ликвидацию «кольмарского мешка» частями 6-й армейской группы (7-я американская и 1-я французская армии). Дорога была невыразимо уныла. Мы проезжали через городки, разрушенные либо немцами, либо союзниками, либо их совместными усилиями. Вдоль улиц торчали остатки стен и обгорелые трубы, поднимались кучи мусора, за ним стояли черные сады.

Особенно тягостную картину увидели мы в городе Витри. У мостика через мутную речонку красовался желтый дорожный знак: «Витри», за мостиком виднелось несколько домиков, одиноких и жалких. За ними расстилалась пустошь, поросшая красноватым бурьяном. На краю пустоши поднималось еще несколько бараков дегтярного цвета. По мокрой дороге, знаменующей улицу, брели редкие жители, бедно одетые и явно голодные. Они равнодушно проходили мимо нас, даже не повернув головы: они видели столько солдат и столько форм, что свыклись с ними, как с городским бурьяном.

Пейзаж не стал веселей, когда мы направились из Витри на Сен-Дизье, а оттуда свернули к Жуэнвиллю, Римокуру и Нёшато. Туман, висевший на верхушках лесистых холмов, спустился на дорогу. Он был настолько плотен, что порою мы по-черепашьи тащились и сигналили, сигналили, сигналили. Крестьянские клячи шарахались в сторону перед самыми фарами, ребятишки в деревнях рассыпались с дороги почти из-под самых колес.

Штаб 6-й группы помещался тогда в отеле курортного городка Виттель в отрогах Вогезов. Кругом вставали холмы, покрытые хвойным лесом, в долине синела речонка, разлившаяся от оттепели. Нас встретил начальник отдела общественных связей штаба группы — молодой полковник, маленький и красивый, как женщина. Он сразу же сообщил нам, что мы опоздали: «кольмарский мешок», ликвидацию которого мы спешили увидеть собственными глазами, был уже выпотрошен, немецкие войска, не успевшие удрать на восточный берег Рейна, попали в окружение, но никто еще не знал, как много их. «Не то три дивизии, не то три повара», — смеясь, заключил полковник.

После обеда американские офицеры атаковали нас, требуя выдать «секрет советских ударов». По словам майора из оперативного отдела, Красная Армия имела на километре фронта меньше людей и техники, чем союзники. Тем не менее она ухитрялась делать такие прыжки, о которых союзники на Западе и не помыш-

няли. Иногда англо-американским войскам приходилось наступать, не встречая противодействия, как это было, например, в северной Франции или Бретани. Но майор хорошо знал, что Красной Армии приходится преодолевать большое, порою просто бешеное сопротивление немцев. Французский офицер заговорил о «психологическом поражении» немцев на полях сражений в Советском Союзе, которое, по его мнению, и лишило немецкую армию моральной стойкости: не сумев удержать определенный рубеж, немцы не могут уже остановиться до следующего рубежа.

Утром, туманным и промозглым, мы покинули Витель, чтобы пробраться в Саверн, эльзасский городишко по ту сторону Вогезов. Горы были красивы даже в феврале. На вершинах еще лежал снег, ручьи шумели рядом с горной дорогой, леса стояли мокрые и черные. Сверху виднелись маленькие деревушки, лежавшие в глубоких долинах, с неизменными деревянными церквушками и кладбищами, камни которых белели издали. На самом перевале немцы соорудили прочный древесный завал. Влево от него чернела пропасть, справа рос могучий лес. В завале были устроены большие гнезда для танков и окна для противотанковых пушек. Но использовать это грозное сооружение немцам не удалось: его обошли.

Спуск в прирейнскую долину носил отчетливую печать недавнего немецкого господства: на дорогах желтели немецкие знаки, с вывесок придорожных ресторанчиков глядели немецкие имена, на стенах и заборах горных городков серели обрывки немецких приказов.

Долина между Вогезами и Рейном поражала тишиной, миром и спокойствием. Крестьяне трудились на полях, копались в садах и огородах. Женщины и девушки посматривали на чужеземные машины с интересом, готовые улыбнуться. Но американцы, наученные горьким опытом Арденн, мрачно смотрели вперед, упрямо игнорируя заискивающие улыбки.

У самого въезда в Саверн, где находился штаб 7-й американской армии, красовалась огромная доска

с предупреждением, чтобы офицеры и солдаты союзных армий не появлялись на улицах города без оружия. Вторая доска запрещала им вести разговоры военного или политического содержания на улицах или в немецких домах, где офицеры были расквартированы. Третья доска призывала быть за надежной стеной до наступления сумерек. Последнее звучало даже угрожающе. Но наши опасения оказались напрасными: немцы вели себя смирно, как телята. Органы безопасности союзников еще не отметили ни одного, даже пустякового, террористического случая.

В штабе корпуса молодой разведчик, толковый и серьезный, прекрасно говоривший не только по-французски, но и по-немецки, объяснил обстановку на фронте. По его словам, подтвержденным картой, на участке корпуса протяжением более 30 километров немцы имели всего лишь 9 тысяч человек. Танковые части были сняты и посланы на Восточный фронт. Немцы отступили за Рейн, чтобы, прикрывшись этим широким водным барьером, освободить для Восточного фронта возможно большие силы.

В соседней комнате, увешанной картами, полковник штаба армии почти слово в слово повторил сообщение разведчика о том, что немцы отводят свои войска с Западного фронта. Воздушная разведка обнаружила десятки эшелонов, поспешно уходящих на восток. По некоторым дорогам эшелоны двигались в одну и ту же сторону по обеим колеям. Один из американских корреспондентов спросил, что теперь союзники намерены делать. Его английский коллега быстро ответил:

— Получить отпуск и отправиться в Вогезы на отдых.

Все рассмеялись, полковник засмеялся тоже. Он тут же рассказал, что одна из американских дивизий, помогавшая французам ликвидировать «кольмарский мешок», переводится на северный фланг армейского фронта. Французы, видите ли, хотят превратить весь живописный и почти незатронутый район Кольмара в зону отдыха армии. Тот же англичанин, под общий смех собравшихся, бросил:

— Я не виню их. Лучше отдыхать с комфортом, м отдыхать, как мы, без комфорта.

На другой день корреспонденты совершили боль-ую поездку вдоль фронта 7-й армии. Фронт молчал. синих лесах по ту сторону Рейна и Саара, подер-тых мутной пеленой мги, поднимались дымы: горе-, видимо, склады, подожженные уходящим против-ком. По эту сторону рек по рокадным дорогам кати-сь американские обозы. Союзники запасались сна-дами, провиантом, подтягивали танки. Однако они решались использовать свое огромное превосход-во, чтобы ударить по немцам. Союзное командова-е, казалось, ожидало исхода великого сражения на осточном фронте. Оно хорошо знало, что после этого ажения германская армия не досчитается многих оих отборных дивизий. Весеннее наступление союз-ков, о котором говорили офицеры, обещало быть ким.

Поздно ночью мы добрались до маленького люксем-ргского городка Эш. Только тут мы обнаружили, о нам удалось проскользнуть незамеченными под са-ым носом у немцев, еще сидевших в фортах Метца. ы поверили официальному сообщению о взятии Мет-американскими войсками и поэтому даже не спро-ли в штабе 7-й армии, свободна ли избранная нами рога. Оказалось, что дорога находилась под немец-м огнем. Либо немцы зевали, либо просто решили тратить снарядов, но мы благополучно пробрались еж фортов, занятых противником.

В штабе 3-й армии, в Люксембурге, нас встретили епло и приветливо. Генерал Паттон, принимавший в т день корреспондентов, сделал несколько восторг-енных комплиментов по адресу Красной Армии, за-етив, что верховное руководство советских воору-енных сил умело организует быстрое движение круп-ых войсковых масс и умно использует большие тан-овые соединения. Когда Паттон пошутил, что он жидал нас с востока, а не с юга, корреспонденты и фицеры начали сыпать анекдотами на эту тему.

Рассказывали про какого-то капитана, который, при-зывая своим бойцам занять холм, предупреждал:

«Да будьте осторожны на восточном склоне. Возмож-
но, что там отдыхают русские». Командир одной
дивизий отдал приказ предоставить тридцатидневны
отпуск тем, кто первым встретит и приведет к нем
русских. На другой же день пара расторопных солда
привела в штаб дивизии полдюжины русских, бежав
ших из немецкого плена, и потребовала вознагражде
ния. Командиру дивизии пришлось издать дополнени
к приказу, разъясняющее, каких русских он имел
виду.

Пресс-конференция заняла две-три минуты. В
фронте 3-й армии царило затишье. Из ее четырна
дцати дивизий только одна вела операции, да и
местного характера. О них-то и рассказал офице
штаба. После него цензор объявил, как обычно, ч
нельзя упоминать того-то и того-то. Кто-то насме
ливо бросил:

— И вообще нельзя упоминать, что мы веде
войну.

Корреспонденты закричали:

— Старо! Мы это еще вчера слышали...

Все же мы отправились в дивизию, которая ве
операции на люксембургско-германской границе,
вернее городка Эхтернах. Дорога тянулась лесом, вы
соким, молчаливым и печальным. Совсем недавно здес
шли бои. Клерки, повара и музыканты штаба 12
группы и 3-й армии сражались в этом лесу, чтобы н
пропустить немцев снова в Люксембург. За лесом
упираясь в самые облака, поднимались огромные ан
тенные мачты. Немцы ухитрились захватить ради
станцию, но почему-то решили не разрушать ее пер
своим отступлением.

Уже в сумерках мы добрались до передовой лини
фронта. Она пролегала по дну глубокого скалистог
оврага, который разделял здесь две страны. За ск
лами нашего склона прятались американцы; на то
стороне, в густом лесу, виднелись серо-зеленые бли
дажи. Американские минометы и пушки, не перест
вая, обстреливали их. Среди черных деревьев врем
от времени взвивалось пламя и клубами вставал б
лый дым. Блиндажи молчали.

Капитан, командир роты, бил кулаком по мокрому
мню, из-за которого мы наблюдали за обстрелом, и
гался. Немцы, по его словам, не откликались на
ельбу, но, когда американская пехота спускалась
дно оврага, пересекала ручеек и начинала карабь-
ься по склону, немцы открывали бешеный огонь.
бив атаку, они снова спокойно усаживались и про-
жали жрать и пить.

— Когда у них кончается жратва, — злобно гово-
л капитан, — они вылезают из блиндажей, подни-
ют руки и сдаются. Предполагается, что мы должны
ять их в плен, накормить, напоить...

Под покровом темноты мы покинули передовые пози-
и и вернулись в Люксембург, в нашу гостиницу,
лную света, шума и людей. Группа американских
рреспондентов собралась в нашей маленькой, но
лой комнате. В один голос они прославляли Крас-
ю Армию, восторгались русским народом, предска-
зали вечную американо-советскую дружбу...

Политические события в бельгийской столице (от-
вка правительства Пьерло) заставили меня наутро
хать в Брюссель. Однако неделю спустя, продол-
я нашу поездку по фронту, мы снова явились в
аастрихт, в 9-ю американскую армию (мы не по-
али в 1-ю армию: она переформировывалась). Зна-
мый офицер штаба 9-й армии повел нас в конфе-
нц-зал и коротко рассказал, как все союзные армии
Западном фронте ничего не делают.

12-й английский корпус, расположившийся на левом
анге американцев, вяло вгрызался в немецкие по-
ции в направлении на Гейленкирхен. Командовал
пусом генерал Ричи, который так оскандалился еще
Северной Африке... На пресс-конференции в Брюс-
е корреспонденты, услышав о медленном про-
ижении этого корпуса, пожелали узнать фамилию
командира. Офицер, докладывавший о положении
фронте, замялся: публиковать имена командиров
прещалось. «Не для печати, не для печати!» — за-
ичали корреспонденты. После некоторого колебания
кладчик наконец выдавил: «Ричи». Раздался смех.

Австралийский корреспондент Стэндиш во всеуслышание бросил:

— О, это многое объясняет...

Далее на север фронт был неподвижен, как берега Мааса, по которым он тянулся. Лишь около Граве фронт переступал через Маас, образуя так называемый «неймегенский карман», занятый сейчас канадцами. Обладатели «кармана» пытались разнообразить свою унылую жизнь в холоде и сырости раскрашиванием дорожных плакатов. На восточном берегу Мааса как раз напротив моста у Граве, они выставили огромный красочный плакат, который приглашал всех «пожаловать в неймегенский карман», обещая гостям приятное времяпровождение: «круглосуточная стрельба (двухсторонняя), грязевые ванны (бесплатные) и ежедневные концерты (трио — артиллерия, пулеметы, минометы)». Дороги на всем канадском фронте были уставлены различными назидательными нравоучениями: «Лучше вернуться домой с ВиСи (виктори кросс — высокая военная награда), чем с ВиДи» (венерическая болезнь), или: «Если хочешь достать сувенир, добудь его у немца, а не грабь своего гражданского союзника».

По всему фронту от Неймегена до острова Зееланд царило затишье. Штабы вывешивали сводки Советского Информбюро о боях на Восточном фронте, оперативники разрисовывали карты жирными стрелами и дугами советского наступления; впервые появились пунктирные линии, связывавшие два союзных фронта. Командование измеряло быстро сокращающееся расстояние между ними. И все же Западный фронт упрямо стоял на месте: немцы фактически боролись только на одном, Восточном фронте.

III

Почти перед самым концом зимы 21-я группа после долгих приготовлений начала наступление к Рейну. Канадцы, собравшие силы в «неймегенском кармане», двинулись на юг между реками Маас и Рейн. 9-я американская армия, вошедшая после арденнско

ражения в состав 21-й группы, должна была рва-
нуться прямо на север, навстречу канадцам, по долине
между реками Рер и Рейн. Американцы, однако, не
рассчитали, что в руках противника еще находилась
плотина реки Рер, которая позволяла ему затопить
всю долину наступления. В течение нескольких часов
немцы разлили перед американцами большое, хотя и
не глубокое озеро. Американцы остановились перед
ним, ожидая, когда оно высохнет. Немцы получили
возможность без большого труда отбросить канадцев.

Новое затишье продолжалось до самого начала ка-
лендарной весны. Выдалась теплая солнечная погода,
долина быстро просыхала, дороги появлялись из-под
воды. Союзная авиация целыми днями кружилась над
немецкими позициями и их ближайшим тылом, охоти-
лась за вражескими грузовиками, повозками и даже
мотоциклетами. Тяжелые бомбардировщики били по
важнейшему тыловому узлу коммуникаций: теперь это
был Дюссельдорф.

В самом начале марта танковые колонны 9-й армии
легко сбили хилый немецкий заслон, вышли на дороги
прирейнской равнины, через два дня прошли крупней-
ший на западном берегу Рейна город — Мюнхен-Глад-
бах — и на другой же день достигли Рейна, почти на-
против Дюссельдорфа. Немцы сохранили дня на два
небольшой плацдарм вокруг городка Нейсс, но потом
убрались на восточный берег, не приняв боя. Мосты,
минированные заранее, взлетели на воздух.

Канадцы выстроились против Эммериха, 2-я бри-
танская армия вышла к Везелю, а 9-я американская
растянулась по рейнским изгибам, начиная от Ве-
зеля до Кельна, развалины которого были заняты
в эти же дни частями 1-й американской армии. Одна
из танковых колонн 1-й армии, поднимаясь вверх
по течению, обнаружила недалеко от Бонна одно-
колейный железнодорожный мост. Танкисты захва-
тили его, перебрались на другую сторону и создали
знаменитый ремагенский плацдарм. Это случилось
7 марта.

Ровно за три дня до этого нас вызвали в штаб 21-й

группы, где начальник штаба генерал Гюинган сделал нам пространный доклад о военном положении. Большая часть доклада была посвящена доказательству того, что трудности союзников только начинаются. Правда, генерал не исключал возможности «счастливой случайности», вроде забытого немцами моста, но командование не могло строить свои планы на таких случайностях: оно готовилось в поте лица своего к форсированию Рейна.

Генерал подчеркнул, прежде всего, что военная обстановка в Европе в результате наступления Красной Армии решительно изменилась. Германские вооруженные силы стали значительно слабее. Красная Армия оттянула с Западного фронта не только резерв германского верховного командования — 6-ю танковую армию СС, но и большое число полевых дивизий. Они либо перемолоты советским наступлением, либо основательно потрепаны. Во всяком случае, на Западном фронте они больше не появлялись.

До недавнего времени союзники, по мнению генерала, не решались выйти на рейнскую равнину. Перед ними открывались три пути. Северный путь вел союзников через Рейн выше линии Зигфрида, в Голландии, в обход всей немецкой обороны с севера. Второй путь пролегал в южном направлении между реками Маас и Рейн, опять-таки в обход линии Зигфрида. Третий путь означал фронтальное наступление на линию Зигфрида с пересечением рек Рер и Маас. Все три пути, как утверждал начальник штаба, прочно закрывались маячившей на том берегу 6-й танковой армией СС; в первых двух случаях союзники подставляли ей свои фланги. Фронтальный удар потребовал бы больших жертв.

Союзное командование избрало... выжидание. Оно отказалось наступать на Германию осенью 1944 года. «Могли ли мы наступать тогда? — вопрошал сейчас начальник его штаба. — Нет, не могли. Если вы учтете, сколько немецких дивизий взяло русское зимнее наступление (мы знаем, что держим небольшое число дивизий по сравнению с русским фронтом), если вы учтете тогдашнее немецкое сопротивление, то увидите

невозможность нашего удара на Рейн». Союзное командование выждало, когда советское наступление перемололо не только резервы германского верховного командования, но и приковало к востоку все боеспособные силы германской армии. После этого 21-я группа попыталась выйти к Рейну, обойдя линию Зигфрида с юга и севера. Наступление было остановлено разливом реки Рер. Со спадом воды немцы ушли сами: теперь они не видели смысла удерживать союзников вдали от Рейна. Красная Армия вышла на Одер, захватила Силезию и Восточную Пруссию. Военный разгром гитлеровской Германии становился неоспоримым фактом в самом ближайшем будущем. Последние силы третьей империи укрывались за двумя водными рубежами: на западе — за Рейном, на востоке — за Одером, который не был еще форсирован повсеместно.

Генерал Гюинган, отметив возможность некоторой задержки Красной Армии на Одере (весенний разлив), предупреждал нас, чтобы мы не ждали слишком скорого форсирования Рейна. Он полагал, что подготовка к пересечению Рейна займет несколько недель: ведь на западном берегу реки надо сконцентрировать не только армии, но и колоссальное мостовое и инженерное имущество.

В подкрепление доводов начальника штаба главный инженер армейской группы генерал Ингл прочитал длинный, основательно нашпигованный цифрами и выкладками доклад, доказывавший трудность форсирования Рейна с технической точки зрения. По его словам, шесть недель представлялись самым минимальным сроком для подготовки этой операции.

В тот же день я встретил в нашем отеле начальника разведки 21-й группы бригадира Вильямса. С большим оживлением он заговорил о наступлении наших двух Белорусских фронтов. Ему, как военному, признался он, было просто приятно наблюдать за развитием стратегического замысла советского верховного командования: поражал размах и остроумие стратегических комбинаций. Он указал, что наступление 2-го Белорусского фронта ликвидировало две са-

мые крупные немецкие базы подводных лодок: Данциг и Гдыню.

— Я уже говорил, — сказал бригадир, обращаясь к подошедшим английским журналистам, — я уже говорил, что русские сделали существенный вклад в битву за Атлантику. А впрочем, — добавил Вильямс, — не только за Атлантику, но и за Рейн. Мы захватили приказ немецкого командования экономить боеприпасы, ибо с потерей Силезии, захваченной русскими, положение со снаряжением стало для германской армии еще более тяжелым...

IV

Знакомой и уже надоевшей дорогой через Дист — Ассель — Аш мы добрались до голландской границы. Голландия врезалась здесь узким клином между Германией и Бельгией. Немцы уцепились за этот кусок чужой территории. Они укрылись в голландских городках и деревушках, заставив англичан прибегнуть к «нормандской тактике»: авиация союзников сносила деревню за деревней, город за городом, затем пехота занимала покинутые немцами развалины. Особенно пострадали города Блерик и Венло, расположенные на Маасе друг против друга. В Венло скрещивались железные и шоссейные дороги, шедшие из Германии в Бельгию и Голландию. Широкие и почти прямые магистрали вели из Венло к Дюссельдорфу, Эссену и Везелю. Прямо за спиной Венло раскинулись немецкие промышленные городки Креффельд и Гельдерн. Поэтому немцы покинули развалины Венло лишь после того, как держаться за них стало делом бесполезным. Уходя, они еще раз дали почувствовать голландскому городку свою разрушительную руку: взорвали мост.

Сейчас по понтонным мостам беспрерывно катились обозы. Танки медленно перебирались на другой берег. Амфибии — «утки» и «буйволы» — предпочитали пересекать полноводную реку вплавь. Это, во всяком случае, было быстрее: перед мостами стояли длинные очереди.

Немецкая граница проходила почти по окраине города. У маленького мостика, в редком лесочке, маячил столбик с надписью «граница», несколько дальше — грязно-зеленое здание: «таможня». За таможней тянулась порванная колючая проволока, чернели примитивные противотанковые рвы, изредка попадались маленькие блиндажи, лишенные вооружения.

Немецкие деревушки были пустынны, население бежало с ушедшими войсками. Лишь изредка на полях виднелись работающие крестьяне. Они не поднимали голов, словно не замечали, что происходило вокруг. Когда их окликали из военных машин, они быстро выпрямлялись, бежали к дороге, еще издали улыбаясь и приветственно кивая головой. Отвечали они с большой готовностью, сопровождая ответы улыбками и поклонами.

В Штрелене, где обосновался пресс-кэмп 2-й британской армии, немцы усердно скребли и чистили улицы, убирали мусор, закладывали кирпичами провалы в домах. Завидев вдали офицеров, они заблаговременно снимали шляпы, низко наклоняли головы, посматривали сладко и заискивающе.

Поведение немецкого населения озадачило союзников. Они ожидали выстрелов из-за угла, пожаров, угрюмого молчания или ругани. Перед пересечением границы так много говорили о возможности партизанской войны в Германии, что сначала в каждом немце солдатам и офицерам мерещился вервольфовец [1]. Рассказы о терроре «Вервольфа» настолько всполошили союзное командование, что оно решило снабдить автоматами даже военных корреспондентов, которым до этого вообще запрещалось иметь оружие. Однако намерение это осталось невыполненным.

Наутро мы отправились в авангардный батальон 52-й шотландской дивизии, которая расположилась на берегу Рейна, как раз напротив Везеля. На передний край, особенно к форту Блюхер, можно было добраться только под покровом ночи. Мы остановились на хуторе Поль в расположении отдыхавшей роты. От-

[1] Вервольф — оборотень.

сюда отчетливо виднелся Везель, лес левее города, высокая насыпь, предохранявшая низменность от разлива. В деревенском домике с выбитыми окнами мы нашли командира роты, уже немолодого майора, скептика и пессимиста. Настроен он был мрачно, в будущее старался не заглядывать, не ожидая увидеть там ничего хорошего. Корреспондентов он принял холодно: английская печать, по его словам, давала неправильную картину войны, так же как до войны давала неправильную картину политической жизни страны и извращенные представления о жизни других народов.

Обращаясь к нам, он говорил:

— Эти джентльмены (кивок в сторону английских коллег) рисовали вас такой черной краской, что рядовые читатели боялись русских больше, чем огня. А теперь даже в наших молитвах мы чаще вспоминаем слово «русские», чем слово «бог».

Майор решительно отвергал мысль, что газеты способствуют поднятию морального уровня солдат.

— Давали бы побольше пива, — заключал он, — и моральный уровень был бы выше...

Ротный капеллан, молодой и розовощекий, но совершенно лысый, оказался таким же оригиналом, как и командир роты. Угощая нас виски, он жаловался, что командование заставляет его соединять несоединимое: проповедь любви к ближнему с проповедью убивать немцев. Он убеждал солдат не обременять немцев излишними невзгодами, ибо джерри и так наказаны богом. Капеллан разводил руками и сокрушенно признавался, что ему не нравятся русские. Почему? Из своей лысой головы, набитой разным антисоветским вздором, он смог вытянуть пару аргументов о безбожии, о материалистическом воспитании в России, и при этом материалистическое он понимал как материальное, шкурное.

Мы удивлялись, что такому недорослю поручено воспитание английских солдат. Ротный капеллан «поддерживает солдатский дух»: снабжает роту литературой, достает домино, шашки, музыкальные инструменты, читает бюллетень «Абка» (я уже упоминал, что «Абка» издается армейским бюро текущей политики).

На наш недоуменный вопрос — неужели этому капеллану доверено политическое воспитание солдат, командир батальона ответил довольно оригинально, со свойственным ему скептицизмом:

— Пустое! Его же никто не слушает.

— Но он открыто признает и проповедует свои антирусские настроения.

— Вы просто недооцениваете умственных способностей наших солдат. Они давно перестали судить о русских по тому, как о них говорят. Русские заявили о себе таким голосом, который никому никогда не заглушить...

МАРШ ЧЕРЕЗ РЕЙН НА ЭЛЬБУ

I

Уже несколько дней над всем берегом Рейна от Арнема, в Голландии, до Кельна висело густое черное облако. Десятки тысяч дымовых шашек горели от рассвета до сумерек. Над ними, распустив гигантские хвосты дыма, плавно кружились самолеты. Завеса покрывала все настолько плотно, что даже на земле порою нельзя было рассмотреть одинокие пустые фермы, стоящие в 40—50 метрах от дороги, и танки, идущие целиной, чтобы не загромождать шоссе, предоставленное бесконечным обозам.

Под покровом этой дымовой завесы союзники концентрировали на Рейне ударные дивизии, подтягивали мостовое хозяйство, понтоны, лодки, амфибии и «танки Решающего дня», способные самостоятельно переправляться через водные преграды. Войска собирались в лесистых холмах вдоль дороги Клеве — Мерс, напротив городов Реес, Везель, Динслакен, расположившихся на другой стороне Рейна. Канадский корпус нацеливался на Реес, американский (из 9-й армии) — на Динслакен. Центром атакуемого немецкого фронта был Везель. Против него сосредоточивались два британских корпуса. На самом берегу окопались две шотландские дивизии.

Подготовка к удару через Рейн заканчивалась.

22 марта нас вызвали в Брюссель, в штаб 21-й группы, на пресс-конференцию. Перед военными корреспондентами снова выступил сам начальник штаба генерал Гюинган. Сообщив сначала, что Монтгомери уже отдал приказ войскам о пересечении Рейна в ночь с 23 на 24 марта, генерал коротко обрисовал общее военное положение, которое так резко изменилось за последние три недели. Та самая «счастливая случайность», на которую союзное командование не рассчитывало, позволила союзникам создать на восточном берегу Рейна, у Ремагена, плацдарм без всяких приготовлений и затрат. Немцам, правда, удалось через несколько дней сбросить в воду мост, по которому американцы переправились на другой берег, но это не меняло положения: плацдарм прочно удерживался, к нему протянулась понтонная переправа. Несколько дней назад армия Паттона форсировала Рейн южнее Майнца. Заметим, что Паттон намеренно задерживал до последнего дня опубликование сообщения об этом, чтобы испортить эффект пересечения Рейна войсками Монтгомери.

Новый командующий Западным немецким фронтом Кессельринг, по словам начальника штаба, пытался латать прорехи на своем фронте по способу Тришкина кафтана: он не имел никаких резервов. Восточный фронт попрежнему удерживал всю немецкую авиацию, почти все танковые силы, почти всю артиллерию и все боеспособные дивизии. Гитлер, который уже несчетное число раз бывал перехитрен советским Верховным командованием, теперь, на исходе зимы 1945 года, растерял свои войска по разным «мешкам» и «карманам» (в одной только Латвии застряло шестнадцать дивизий). Трем армиям 21-й группы союзников Кессельринг мог противопоставить на всем фронте только пятнадцать-восемнадцать неполных дивизий второго сорта: это были народные гренадеры и штурмовики. Лишь на его северном фланге находились более или менее боеспособные батальоны давно «спешенных» парашютистов. Но их жидкая цепочка

была растянута от Эммериха до берегов Зюдерзее, в Голландии.

Фронт, намеченный для атаки, оборонялся двумя дивизиями народных гренадеров. Против них-то Монтгомери бросал четыре корпуса, усиленные двумя парашютными дивизиями, морской десантной бригадой (коммандос), частями морского флота и мощной авиацией. Вслед за этими войсками Рейн должны были перейти все три армии общей численностью более миллиона человек. Дорогу им прокладывали несколько танковых дивизий, которые предполагалось переправить на другой берег Рейна в первые же дни (на западном берегу Рейна союзники сосредоточили к тому времени около 4 тысяч танков и большое число самоходных пушек).

Генерал не скрывал своего весьма оптимистического настроения: с такими силами успех казался полностью обеспеченным. Союзное командование не ожидало встретить организованное немецкое сопротивление, оно готовилось к маршу на Эльбу.

Одновременно в полной тайне от своих союзников англичане готовили самый увесистый «козырь»: захват Берлина. Как только разведка 21-й группы выяснила, что германское командование оставило Западный фронт фактически открытым, Монтгомери, по указанию Черчилля, отдал приказ о создании группы войск специального назначения (task force) в составе двух танковых, одной парашютной и одной механизированной дивизий. Группе было приказано переправиться через Рейн вслед за первой волной атакующих, затем двигаться на восток, не развертываясь и не отставая от первого эшелона. Когда английские войска, повернувшись на север, займутся ликвидацией портов, а американцы, став лицом на юг, завязнут в уличных боях многочисленных городков и поселков Рура или городов Ганновера, Брауншвейга и Магдебурга, группа войск специального назначения, поддерживаемая всей мощью британской авиации, должна будет рвануться на Берлин и захватить немецкую столицу, прежде чем немцы или союзники успеют опомниться.

Английское командование, пытавшееся, таким обра-

зом, взять реванш за провал подобного плана осенью 1944 года, обосновывавало необходимость этого рискованного шага заботой о... британском престиже. Русские войска, говорили английские офицеры, освободили Варшаву, Белград, заняли Бухарест, Будапешт, Софию, от них не уйдут Вена и Прага. Американцы освободили Париж, заняли Рим. Британские войска имеют в активе только Брюссель, да в перспективе Копенгаген, даже Гаага достанется канадцам. Черчилль хотел увековечить славу британского оружия захватом Берлина, открытого с запада.

II

Перед вечером следующего дня, после короткой остановки в Штрелене, мы добрались до маленькой деревушки, расположенной на холме напротив Везеля. Дымовая завеса наконец поднялась. Перед нами расстилалась тихая и пустая равнина, уходящая к самому Везелю. Вдали поблескивал Рейн. В больших лагунах, образованных им на этой стороне, пылало заходящее солнце. Мы посматривали то на Везель, мирно белевший на высоком берегу, то на прозрачное предвечернее небо: ждали самолетов. Они пришли на закате. Несколько сот тяжелых бомбардировщиков обрушили свой груз на синюю гряду леса, поднимавшуюся за рекой. Над лесом встало большое черное облако, оно быстро расширялось, росло, повисая на горизонте, как мрачная грозовая туча. Бомбардировщики пока щадили Везель. Пять часов спустя он получил 500 тонн взрывчатых веществ в десять коротких минут.

В сумерках мы спустились с нашего холма, прошли вперед почти до самой реки, нашли пустую деревушку Гилендрих, где находился сборный пункт морской десантной бригады (коммандос). Она первой отправлялась за Рейн. Десантники еще не прибыли. Лишь в грязном трактирчике на перекрестке возились несколько солдат: смена боевого охранения. В ожидании мы расположились на завалинке трактира. Ровно в 6 часов тысячи орудий — от самых тяжелых до лег-

ких скорострельных пушек Бофорса — начали артиллерийскую подготовку. Грохот был оглушителен, но неравномерен: он то сливался в сплошной рев, то затихал, как бы переводя дыхание, потом усиливался снова, перекатываясь по огромному полукругу, замыкавшему везельскую дугу Рейна. Над плоской равниной дуги, освещаемой залпами орудий, поднялась полная луна, черная тень домов упала на белую дорогу.

Мимо нас, поднимая пыль, громыхали грузовики с понтонами: им было приказано очистить дорогу к восьми часам. Без четверти восемь поток грузовиков остановился. Но на дороге за деревушкой послышалось новое тяжелое громыхание. Оно приближалось к нам с нескольких сторон и скоро превратилось в грохот, от которого задрожал трактирчик. Потом грохот оборвался где-то на окраине деревушки.

Мы отправились туда. У домов, пустовавших два часа тому назад, привалившись к стенам, цепочками сидели солдаты с винтовками в руках и большими рюкзаками за спиной: коммандос. Они молчали. За ними, вдоль главной дороги, стояли десятки «буйволов» — бронированных амфибий, несущих сразу по сорок человек, — и танки: они-то и производили тот страшный грохот.

В полевом штабе бригады, обнаруженном нами в одиноком домике в стороне от дороги, офицеры ждали условленного часа. Командир первого батальона смотрел на свои часы. Когда время наконец пришло, он сунул в карман лежавший рядом пистолет и просто сказал: «Ну, что же, начали?» Никто не отозвался. Подполковник вышел на улицу, за ним двинулись другие офицеры. Солдаты грузились в «буйволов», «буйволы» и танки снова заревели, сотрясая землю. За «буйволами» тронулись десантники с рюкзаками, за ними два бульдозера [1], за бульдозерами — машина советских корреспондентов (наши английские коллеги приехали позже, они не хотели пропустить ужин в Штрелене).

---

[1] Бульдозер — дорожная машина, применяемая для расчистки улиц после бомбежки или завалов на дороге.

За деревней танки и «буйволы» свернули вправо, мы двинулись прямо, к реке, над которой взлетали десятки разноцветных ракет. Одни ракеты, поднявшись не очень высоко, медленно опускались к воде, освещая даже окрестности, другие взвивались к звездам и лопались в зените, разбрызгивая искры. Полевая дорога белела под луной, вдоль нее тянулась бумажная лента, попадались отчетливо черневшие надписи: «Голубая дорога».

Мы добрались до вала, который отгораживал низменные поля от полноводной реки, осторожно вползли на его гребень, как раз в тот момент, когда первые «буйволы» спускались в воду. Серые, они были едва различимы на серой воде, лишь немного подкрашенной отражением далекого пожара на том берегу. «Буйволы» двинулись через реку. Артиллерия союзников усилила огонь. Скорострельные пушки Бофорса, окопавшиеся на окраине нашей деревушки, поливали восточный берег Рейна раскаленным дождем своих снарядов, к ним присоединились ракетные установки. Пулеметы, стоявшие почти прямо за валом, захлебывались от трескотни. Немецкий берег отвечал редкими выстрелами: голубые трассирующие снаряды немцев совершенно тонули в красном потоке, устремившемся через реку с запада.

«Буйволы» выбрались из воды. Их пулеметы ударили в синеву немецкого берега яркими струями трассирующих пуль, к пулеметам присоединились автоматы и винтовки десантников. Немцы молчали. «Буйволы» высадили десантников и вернулись назад, чтобы забрать новую партию коммандос. Они снова поплыли через реку, поднимая за кормой белые фонтанчики, похожие на султаны.

В это время 200 тяжелых бомбардировщиков — «ланкастеров» — пришли бомбить Везель. Совсем близко, в километре или полутора от нас, к чистому небу взметнулись огромные вспышки, затем вздрогнула земля, как будто рейнский вал хотел сбросить нас в воду, после этого прокатился оглушительный грохот. Ночь стала колебаться между полным мраком и полным светом: так ярок был огонь взрывов. При их

свете, как при вспышках магния, мы видели на том берегу дома с проломанными крышами, ободранные деревья, зеленую реку с «буйволами» и лодками, полными десантников. Немецкие зенитки расцветили небо «взрывами самолетов»: их новые снаряды, начиненные фосфором, создавали полное впечатление, что самолет, подбитый снарядом, взрывался, разлетаясь на куски. Летчики рассказывали, что это производило весьма тягостное впечатление на экипажи самолетов.

Звуковое однообразие ночи как бы компенсировалось поразительным разнообразием огней, цветов и красок. Ракеты продолжали взвиваться над рекой, малиновые пунктиры «босфоров» тянулись через реку во многих местах, яркокрасные снаряды неслись на немецкий берег. Над всем этим стояла большая лимонно-светлая луна.

Мы лежали на гребне вала часа два — два с половиной. Немецкий берег давно затих, оттуда не доносилось не единого звука: взрывы и грохот ушли куда-то вглубь, в синеву ясной ночи. Да и громыхание за нашей спиной стало значительно тише, даже артиллерия, как казалось, устала.

«Буйволы» и «утки» продолжали перебрасывать через Рейн десантников. За ними переправлялись пехотинцы шотландской дивизии. Теперь это больше походило на мирный речной перевоз, нежели на военную операцию.

Тем же «голубым путем», залитым ярчайшим лунным светом, мы вернулись в Гилендрих. Здесь уже собралась группка военных корреспондентов, которые наблюдали пересечение Рейна другими частями. По их признанию, немцы практически нигде не оказали никакого сопротивления (одна из американских дивизий, например, потеряла во всей операции 15 человек, другая — 16). Дивизии углублялись в так называемую «фортификационную зону Рейна». Около четырех часов ночи войска вошли в город Везель, захватили в плен почти весь его гарнизон во главе с комендантом города и начальником противовоздушной обороны всего района, генерал-майором. Шотландцы заняли

деревни, расположившиеся против городка Ксантен. Канадцы, как стало известно несколько позже, ворвались в Реес, а американцы начали движение к Дислакену. Объекты, поставленные корпусам, были достигнуты еще ночью, с первого удара, на что союзное командование просто не рассчитывало.

Ранним утром следующего дня мы снова вышли на Рейн, несколько севернее Везеля, где у Ксантена уже строился мост. Рядом по реке сновали «утки» и «буйволы». Они доставляли на тот берег новые войска, горючее, боеприпасы, продовольствие. К переправе подъехал генерал Демпси. Он был настроен радужно, сулил корреспондентам еще более интересное «представление» в самые ближайшие дни, но конкретизировать свое обещание отказался. Он находил, что операция была «мощной и увлекательной». Мы называли ее «красивой»: за всю свою жизнь я, действительно, не видел более красочной ночи. Генерал соглашался. «О, ночь была волшебной! . .»

Часа через три над Рейном появились первые десантные самолеты. Они тащили за собой по два планера. Самолеты шли очень низко, поэтому немецкие зенитки, еще оставшиеся в лесу за рекой, сразу же сбили несколько машин. Парашютисты посыпались прямо на лес. Разноцветные парашюты усеяли все небо, они быстро спускались, скрываясь за синей грядой леса. А самолеты и планеры все подходили и подходили: целых две дивизии сбрасывались на ближний тыл рейнского «оборонительного вала», который, кстати сказать, в некоторых местах уже был пройден наземными войсками.

Во второй половине дня мы переправились в «утке» на правый берег. Попутная машина, доставленная туда на пароме, довезла нас до лесочка, где еще раздавалась ружейная и пулеметная трескотня: там держались юнцы из «гитлеровской молодежи». Сам Везель поражал тишиной, но дорога, проходящая через лесок, обстреливалась одинокими снайперами. Навстречу нам двигались раненые парашютисты: их потери оказались неожиданно высокими. Они сами не видели никакого смысла в этом прыжке. Наземные

войска прокладывали свой путь без их помощи. Кое-где парашютисты спрыгнули лишь для того, чтобы собрать свои парашюты и немедленно отправиться в тыл.

Когда мы вернулись к реке, мост уже достраивался. Правда, движение еще не открылось, но мы могли переправиться на западный берег реки уже без помощи «уток». Через полтора часа мост покрыли досками «косым рядом» (для танков). Длинные обозы, ждавшие на дороге у Ксантена, покатились через Рейн.

III

По мостам, быстро переброшенным через реку (7-й американский корпус, например, построил мост южнее Везеля за 10 часов 11 минут), на восточный берег переправились корпуса первого эшелона, а за ними и все три армии. Сбив жалкий немецкий заслон, танковые колонны союзников устремились на восток, в обход всего рурского промышленного района. Южнее Рура танки 1-й американской армии, проходя ежедневно до 40 миль, через три дня достигли Марбурга, затем повернули прямо на север несколько западнее Касселя и с ходу заняли Падерборн, являвшийся своего рода задней дверью Рура. Там они встретили танки 9-й американской армии, которые обогнули рурский бассейн с севера. 3-я американская армия, прикрывая это наступление с юга, заняла Франкфурт, прошла через Готу и достигла Эрфурта. 2-я британская армия, охраняя левый фланг, продвинулась далеко на северо-восток по вестфальской равнине.

Союзники бросили в это наступление очень большие силы: на 1 апреля они переправили через Рейн три тысячи танков, приблизительно такое же число самоходных пушек и тяжелых артиллерийских орудий. Немецкий Западный фронт на Рейне распался, как только союзники пересекли реку: за водным барьером не было ни людей, ни техники, чтобы защищать его.

Уже 30 марта, то есть через пять дней после форсирования союзниками Рейна севернее Рура, английская военная цензура пропустила, правда несколько покарежив, следующую мою телеграмму:

«Теперь уже совершенно очевидно, что германский Западный фронт рухнул. Организованное сопротивление прекратилось на всем фронте. Тут еще имеются отдельные островки сопротивления в густонаселенных районах юго-западной Германии и Рура, но фронт быстро распадается полностью. Нет ни командования фронтом, ни войск, способных драться, ни танков, ни воздушных сил; не очень много артиллерии. Кажется, что германское верховное командование бросило Западный фронт, и оно даже не пытается остановить поток союзного наступления. Не встречая почти никакого сопротивления, танковые колонны 1-й американской, 9-й американской и 2-й британской армий продвинулись на восток, взяв в колоссальные клещи весь рурский промышленный район. 1-я американская армия проделала за последний день 50 миль. Она захватила много городов. Британские танки идут с такой скоростью, что их продвижение создало некоторые трудности для воздушного командования, которому приходится иногда до двадцати раз в день менять линию бомбежки».

Лишенные централизованного командования, разрозненные немецкие части на Западе сами определяли характер своего поведения. Некоторые, но очень немногие из них, оказывали местное сопротивление. Англичане, например, не могли сразу взять Оснабрюк, где находилась унтер-офицерская школа. Курсанты несколько раз переходили в контратаки и выбивали англичан. Им даже удалось отбросить наступающих за мост. Англичан спасла... зенитная батарея, проходившая невдалеке. Расторопный командир батареи расстрелял фрицев из скорострельных зенитных пушек прямой наводкой. Однако подавляющее большинство солдат и офицеров немецкой западной армии не хотело драться. Немцы сдавались целыми частями, они только искали возможности сдаться так, чтобы не попасть при этом под огонь эсэсовских полицейских отрядов.

Во время сбрасывания парашютистов один из английских летчиков — командир звена — приземлился на маленьком островке на Рейне. Его подобрал гер-

манский унтер-офицер. Немец отказался взять англичанина в плен, а, наоборот, попросил сбитого офицера взять в плен весь гарнизон острова. Офицер отправился вместе с немцем в блиндажи; там он нашел целую немецкую роту во главе с ее командиром. Рота формально капитулировала перед безоружным офицером.

Через неделю союзники закончили окружение Рура. Чем дальше углублялись они в Германию, тем меньше встречали сопротивления. Немцы отказались обороняться даже в населенных пунктах Рура. Центральная группировка немецкого Западного фронта, на которую была возложена задача оборонять весь промышленный район западной Германии, развалилась и исчезла, будто ее поглотили многочисленные шахты Рура. Командующий немецкой группировкой Модель, тот самый, который еще осенью в приказе по армии говорил, что Германия может проиграть битву, но не проиграет войну, покончил с собой.

Движение британских колонн по северо-западной равнине лимитировалось лишь пропускной способностью дорог. Эсэсовские отряды иногда оказывали короткое сопротивление. Но чаще эсэсовцы направляли свое оружие не столько против англичан, сколько против соотечественников — солдат и мирного немецкого населения. В Оснабрюке они устроили засаду немцам, которые решили встретить союзников белыми флагами. В Миндене на Везере они расстреляли своих отступающих солдат. Южнее Бремена эсэсовцы выгнали на поле боя мальчишек из «гитлеровской молодежи», пообещав им пулю в лоб, если они осмелятся оглянуться назад.

Террор эсэсовцев не помогал. Дороги наступления были переполнены немцами, идущими в тыл союзников. За Оснабрюком мы встретили большую колонну немецких солдат, которые тщетно пытались сдаться в плен: никто не хотел связываться с ними, их посылали дальше в тыл. Каждый из них нес кусочек белой материи, платочек или просто лист бумаги. Печальная эта процессия тянулась через немецкие городки; некоторые старые немцы встречали солдат

упреками, солдаты отвечали им злобной руганью и спешили выбраться из городка в поле. Английский офицер, которому поручили заботиться о пленных, ругался последними словами: у него не было для немцев ни транспорта, ни продовольствия. Он посылал их на запад: дальше Рейна все равно не уйдут.

Англичане все же отставали от своего правого фланга. Части 9-й американской армии, вырвавшись на автостраду Рур — Берлин, покатились на восток с большой скоростью. Они заняли Ганновер. На другой же день, разрушенный и брошенный большей частью населения, этот город остался далеко в тылу. Так же панически и беспорядочно немцы сдали Брауншвейг. Американцы нацеливались на Магдебург.

Тем временем англичане пересекли Везер, затем Аллер, заняли Золтау и спокойно, без спешки, двинулись на Люнебург, к Эльбе. Левый фланг англичан прочно застрял у Бремена. Тут морская пехота, подкрепленная юнцами из «гитлеровской молодежи» и старыми нацистами, не позволяла союзникам сразу овладеть крупнейшим немецким портом на Северном море. Борьба за Бремен затянулась до самого конца апреля.

Фельдмаршал Монтгомери снова замедлил темп операций, убедившись, что его план взятия Берлина провалился: северо-западная равнина Германии, которая рассматривалась им как бы созданной для буреподобного движения танков, оказалась на деле своего рода ловушкой. Тем временем на востоке, через Одер, хлынула колоссальная лавина советского наступления. Под новым сокрушающим ударом Красной Армии гитлеровская военная машина, а вместе с ней и гитлеровское государство начали окончательно разваливаться. Фашистская Германия доживала последние дни. Монтгомери начал проявлять «странную» поспешность. В самые последние дни апреля он повернул свои дивизии, нацеленные на Гамбург, прямо на восток, к Эльбе.

Генерал Гюинган, обосновывая этот неожиданный поворот, указывал, что командующий группой хочет

быть готовым ко всяким случайностям. В «меклен-бургском мешке», как выражался начальник штаба, собирались немецкие войска, которые могли быть легко отрезаны и захвачены в плен.

IV

С этого дня (28 апреля) 2-я британская армия фактически прекратила войну. Готовясь к форсированию Эльбы, англичане установили контакт с гарнизоном города Лауенбурга, расположенного на восточном берегу реки на большой дороге Люнебург — Любек. Немцы изъявили желание капитулировать, однако информировали английского офицера: «Пока нам не разрешили сдаться. Подождите немного, вопрос решается высшим командованием». Высшее командование пожелало самолично вступить в контакт с англичанами. Переговоры, которые до сих пор велись штабом 8-го английского корпуса, перешли в ведение штаба армии, а затем и штаба 21-й группы. К англичанам прибыл первый эмиссар командующего морскими силами Германии генерал-адмирала Фридебурга.

На другой день, 29 апреля, англичане переправились через Эльбу. Немцы не только не воспрепятствовали форсированию реки, но даже предоставили англичанам два моста. Гарнизоны городков на восточном берегу Эльбы стали сдаваться в плен. Начальник гарнизона города Шварценберга (на пути к Любеку), эсэсовский офицер, сам выехал навстречу наступающим и предложил капитуляцию. Его примеру последовал начальник гарнизона крупного промышленного города Харбурга, являющегося пригородом Гамбурга. Сразу же после того, как первые несколько снарядов разорвались на улицах города, он позвонил англичанам и согласился капитулировать. В тот же день сдался городок Штааде. Навстречу британцам потянулись и генералы. В деревушке Швинге к старшему английскому офицеру явился генерал-лейтенант фон Вилиш, бывший начальник штаба командующего немецкими войсками в Голландии и Бельгии Христиансена, отдал свою шпагу и сдался в плен.

Первого мая представитель генерал-фельдмаршала буша, командующего северной группой немецких ар-ий (иначе: группа «Вислы»), прибыл в штаб 8-го орпуса для ведения переговоров о капитуляции. Его ослали в штаб армии, оттуда в штаб 21-й группы. Мы не знали и не могли знать характера перегово-ов. Однако по отрывочным сообщениям, или, вернее, по случайно вырвавшимся признаниям офицеров на пресс-конференции, было видно, что Монтгомери вел переговоры не просто о капитуляции армейской группы «Висла», которая дралась против 2-го Бело-русского фронта Красной Армии, но о капитуляции ее именно англичанам.

— Армейская группа «Висла», — говорил докладчик штаба на пресс-конференции 1 мая в Фаллинг-бостел, — отступающая перед Рокоссовским, будет взята в плен британскими войсками. Мы ожидаем самую большую кучу пленных.

К вечеру 1 мая переговоры закончились. Немцы, как мы выяснили несколько позже, согласились капитулировать перед англичанами на известных условиях: сохранение немецкого командования в особой зоне (Шлезвиг-Гольштиния), сохранение некоторой автономии немецких военных властей в этой зоне, отказ англичан от оккупации всего района Фленсбурга на датской границе. Немецкое командование обязывалось очистить в течение ночи и утра 2 мая дороги от канала Любек — Эльба, на которые уже вышли союзники, до Висмара и Шверина (обе дороги были совершенно забиты транспортом отступающих с востока немецких частей).

Дороги были очищены утром 2 мая. 6-я британская парашютная дивизия помчалась на Висмар, проделав более шестидесяти миль за несколько часов. Американский 18-й воздушно-десантный корпус, двигавшийся на правом фланге англичан, покрыл расстояние до Шверина (25 миль) за шесть часов. Восточнее городов Висмар и Шверин союзники встретили первые танковые разъезды Красной Армии. Почти у самого въезда в эти города возникла межсоюзная линия, за которой укрылась вся армейская группа

немцев «Висла». Ее «трек (путешествие) в западном направлении, — как резюмировал 2 мая представитель штаба на вечерней пресс-конференции, — закончился».

Этот шаг англо-американского командования был грубым нарушением не только союзной лойяльности, но и ялтинского соглашения руководителей трех великих держав. По этому соглашению граница между английской и советской зоной в Германии проходила по тому самому каналу Любек — Эльба, у которого на одной стороне остановилась английская армия, на другой — находились войска армейской группировки Буша, непрерывно дравшейся на левом фланге немецкого Восточного фронта от самых стен Ленинграда.

Третьего мая мы поехали в Висмар. Уже по дороге от Золтау до Люнебурга (на западном берегу Эльбы) тянулись нескончаемые колонны пленных немцев. Они шли посредине дороги, двигались по обочинам, по краю поля. Офицеры с белыми повязками на рукавах шагали впереди, козыряя без устали английским офицерам. Восточный берег Эльбы у переправы кишмя кишел грязно-зелеными фигурами. Они лежали в редком лесочке вдоль дороги, возились на песке у воды, бродили по полю. Окрестности Лауенбурга чернели от многих десятков тысяч пленных, которые все продолжали и продолжали подходить.

Шоссе от Лауенбурга до Шверина и Висмара производило странное впечатление. По обеим сторонам его лежали тысячи грузовиков, легковых машин, транспортеров, сброшенных с дороги, которая пролегала здесь по высокой насыпи. Машины, сваленные набок или даже перевернутые, продолжали смотреть на запад. Английский офицер, сопровождавший нас, начал хвастливо рассказывать, как британские парашютисты будто бы догнали и разметали по сторонам отступающую на восток немецкую колонну.

— Да, удар был настолько сокрушительным, что все машины, транспортеры и даже танки повернулись вокруг своей оси и стали смотреть на запад...

Офицер с удивлением поглядел на меня, потом на

машины, покраснел, а затем все-таки признался, что транспорт, пожалуй, отступал не с запада на восток, а как раз в противоположном направлении.

На лужайках, на полянах, в лесах, едва покрытых нежной листвой, расположились лагери беглецов. В некоторых местах они занимали по нескольку квадратных километров. Над ними поднимались дымы костров и кухонь, стоял незатихающий гомон многих тысяч голосов. А новые колонны все вливались в эти тускло-зеленые муравейники. Солдаты были грязны, усталы, но нас поражал их откормленный вид, их молодость, выправка. По сравнению с тем второсортным военным материалом, с которым мы встречались в течение всей кампании в Западной Европе, солдаты и офицеры группы Буша были профессиональным войском. Перед нами проходила настоящая кадровая немецкая армия.

Только теперь английские офицеры отчетливо представляли себе, с какими войсками приходилось иметь дело их советским союзникам. Англичане с удивлением рассматривали марширующих немцев. А ведь только одна группа Буша насчитывала полтора миллиона таких солдат и офицеров! Сколько их пришло на советскую землю и навсегда осталось в ней лежать!

Третьего мая по пресс-кэмпу в деревушке Дейч-Деверн разнесся слух, что фельдмаршал Монтгомери пригласил к себе нескольких видных английских корреспондентов. Эта новость взволновала всех. Люди знали характер предстоящего сообщения, поэтому желание Монтгомери говорить только с избранными показалось странным и оскорбительным. За обедом было решено направить ему «ультиматум». Это подействовало. Командующий прислал офицера: просит извинить всех, но откладывает визит на два часа.

Полевой штаб 21-й группы находился тогда в редком лесочке, недалеко от Дейч-Деверна. С холма, покрытого лесочком, можно было видеть колокольни Люнебурга, бурые болота и редкие черные полоски недавно вспаханных полей.

Монтгомери принял корреспондентов в большой палатке. Посадив всех на траву, фельдмаршал расхаживал перед сидящими, засунув руки в карманы куртки (день был пасмурный и холодный). По рассказу Монтгомери, первым установил с союзниками контакт командующий всеми германскими войсками между Балтийским морем и Везером — генерал Блюментритт. Он изъявлял готовность явиться, чтобы сдать Монтгомери свои войска. Но вместо Блюменстритта прибыли генерал-адмирал Фридебург, командующий всеми морскими силами Германии, генерал-лейтенант Кинзель, начальник штаба фельдмаршала Буша контр-адмирал Вагнер, начальник штаба Фридебурга и два младших штабных офицера. Между ними и командующим 21-группы якобы произошел следующий разговор:

Монтгомери: Что вы хотите от меня?

Фридебург: Мы прибыли сюда по поручению фельдмаршала Буша, чтобы просить вас принять капитуляцию трех немецких армий, отступающих от русских. Мы весьма обеспокоены судьбой гражданского населения, которое сопровождает отступающую армию. Можете вы принять эту капитуляцию?

Монтгомери: Нет, безусловно нет. Эти армии сражались против русских, они должны просить капитуляции у русских. Я не намерен иметь никакого дела с немецкими армиями на моем правом фланге. Готовы ли вы сдать мне все немецкие войска на моем левом фланге — между Любеком и Голландией?

Фридебург: Нет, это выше наших полномочий. Сейчас мы озабочены лишь судьбой гражданского населения на вашем правом фланге. Можем ли мы притти к соглашению?

Монтгомери: Нет, я не намерен обсуждать какие бы то ни было условия. Знаете ли вы обстановку на Западном фронте?

Ни адмиралы, ни генералы, как оказалось, обстановки не знали. Монтгомери показал им карту («откровенно, не пожалев своих секретов»). Она произвела, по уверениям Монтгомери, такое впечатление, что генерал-адмирал Фридебург плакал в течение

всего обеда, предложенного немецким делегатам командующим 21-й группы. При этом рассказе ироническая улыбка появилась на лицах американских корреспондентов. Действительно, трудно было поверить, что немецких адмиралов и генералов, знавших о падении Берлина, о крушении всего германского Восточного фронта, о разгроме Красной Армией ставки немецкого верховного командования, потрясло занятие частями 21-й группы нескольких деревень. Да к тому же сами-то они пришли к Монтгомери просить принять капитуляцию трех немецких армий, бегущих от советских войск. Совершенно очевидно, что жажда сдаться англичанам появилась у них до того, как Монтгомери показал им свою карту.

Переговоры, по словам Монтгомери, тянулись несколько дней: немцы, видите ли, хотели сдать Монтгомери три армии Буша, отступающие от русских, но еще упрямо берегли немецкие войска западнее вислинской армейской группы. Монтгомери так же упрямо отказывался принимать капитуляцию группы Буша, настаивая на капитуляции войск в Шлезвиг-Гольштинии, в Голландии и Дании. И только 4 мая, то есть два дня спустя после фактического пленения всей группы Буша англичанами, противники договорились: немцы больше не навязывали командующему 21-й группы пленных, принадлежавших фактически 2-му Белорусскому фронту Красной Армии, но согласились сдать ему войска западнее канала Любек — Эльба.

V

Все немецкие войска, застрявшие между Висмаром — Шверином и каналом Любек — Эльба, поспешно переправлялись через канал и уходили подальше от советской зоны. Они концентрировались в Шлезвиг-Гольштинии. Командование капитулировавшей армии, во главе с фельдмаршалом Бушем, расположилось в городе Фленсбурге, почти на самой германо-датской границе. Генералы объявили себя хозяевами почти всей Шлезвиг-Гольштинии: им подчинялись все

гражданские власти, в их распоряжении находился весь транспорт и все запасы продовольствия. Территория, занятая немецкими войсками, была оккупирована англичанами только номинально. Капитулировавшие не хотели видеть своих победителей на улицах городов Шлезвига, Фленсбурга, Хусума, Рендсбурга и некоторых других. Победители вынуждены были обосноваться на окраинах этих городов. Английским танкам приказывалось не торчать на дорогах, офицерам и солдатам запрещалось гулять по улицам: они не покидали казарм.

Почти через две недели после капитуляции нам довелось на пути из Дании в Люнебург пересечь эту территорию, именовавшуюся тогда союзными корреспондентами и офицерами «Фленсбургской республикой». Вдоль датских дорог, ведущих на юг, маршировали вооруженные немцы. Они горланили песни, свистели нам вслед, иногда осмеливались даже грозиться. На датско-германской границе нас встретили немецкие морские корнеты, которые несли караул. Они были вооружены револьверами и кортиками. В пограничной таможне и вокруг нее обосновалась немецкая воинская часть. Винтовки, составленные в козлы, красовались у самой дороги. В кустах паслись «тигры» и «пантеры».

Улицы Фленсбурга, где помещались штабы Буша и Фридебурга, кишели немецкой военщиной. Солдаты, завидев офицеров, чеканили шаг и козыряли, офицеры так же четко отвечали. На перекрестках дежурили пестрые полицейские. Они враждебно осматривали наши машины.

Через ворота просторного двора мы увидели людей в английской форме. Завернули, чтобы просто перевести дыхание. Офицеры передового, «символического отряда», посланного во Фленсбург «не то в качестве военной миссии, не то в качестве заложников», рассказывали, что они боятся появляться на улицах города. Они шутили, что им трудно понять, кто же тут пленные: немцы или англичане. По нашему мнению, пленными были англичане.

На всем пути от Фленсбурга до Шлезвига мы ви-

дели лишь несколько английских танков, спрятавшихся за стенами домов, да еще две-три автоколонны. На всех дорогах хозяйничали немцы. На улицах городков и деревушек, правда, уже не развевались нацистские флаги, но и белых флагов капитуляции не было видно. Жизнь здесь шла с немецкой размеренностью: у магазинов стояли очереди, хозяйки подметали улицы, чистили и мыли окна, крестьяне работали на огородах.

Помимо Буша и Фридебурга, тут обосновалось новое правительство нового фюрера Деница. Его министр иностранных дел Шверин-фон-Крозиг, многолетний гитлеровский министр финансов, разместился в замке на окраине Фленсбурга: оттуда он посылал свои антисоветские воззвания к западным союзникам. Рядом с ним поселились пропагандисты Геббельса, которые, несмотря на капитуляцию, продолжали заливать эфир антисоветской блевотиной. Англичане не мешали им. В окрестностях Фленсбурга жил Гиммлер, который, как известно, пытался в самый последний момент продать Гитлера западным союзникам за спасение своей шкуры.

Позже, 16 мая, полковник штаба 2-й британской армии Мэрфи, на запрос корреспондентов, почему Гиммлер живет на свободе и беспрепятственно передвигается по Фленсбургу, ответил, что корреспонденты могут не волноваться: союзные власти знают, где находится Гиммлер и чем он занимается. Бывший начальник гестапо «будет подобран», — пообещал Мэрфи, — когда ШЭЙФ найдет это нужным.

Некоторое время спустя английские военные власти ликвидировали «Фленсбургскую республику», арестовав ее военных и гражданских главарей (Гиммлер покончил с собой, Фридебург — тоже). Однако англичане сохранили немецкую армию. Они распустили по домам на время уборки урожая солдат, оставив все же в армии танкистов, военных инженеров, саперов, летчиков.

По всему видно было, что английское командование заботилось в последние дни войны с Германией не о полном уничтожении гитлеровских вооруженных сил, а о спасении наиболее боеспособных немецких частей

от разгрома Красной Армией. На северном фланге германского фронта эти старания увенчались успехом. Реакционные круги Англии, нарушив союзные обязательства, протянули спасительную руку помощи осколкам фашистской армии. Немцы с благодарностью ухватились за нее: в этом жесте они чувствовали новое возрождение мертвого духа Мюнхена.

VI

В недели, последовавшие непосредственно за окончанием войны, мне пришлось путешествовать необычайно много. Я посетил столицы всех освобожденных западных государств, беседовал с министрами новых правительств, с лидерами политических партий, с представителями интеллигенции, с простыми людьми. Авторитет Советского Союза был настолько велик, что самые различные люди и, конечно, по самым различным мотивам хотели встретиться с советским корреспондентом, с «человеком из Москвы». Свободолюбивые народы Европы восторженно приветствовали великое социалистическое государство; они понимали: ни победа в войне, ни создание прочного мира невозможны без Советского Союза. Силы народной демократии, нашедшие свое воплощение в движении внутреннего сопротивления, в действиях партизанских армий, видели в Советском Союзе оплот и залог развития демократии в Европе, мощный барьер против возвращения к власти мюнхенских клик, обрекших европейский континент, а затем и весь мир на кровопролитнейшую войну и разрушение. Великий пример советских народов вдохновлял их на дальнейшую борьбу за расширение и укрепление народной демократии.

Реакционные силы Европы, боявшиеся в свое время разгрома гитлеровской Германии, за которым неизбежно следовала демократизация политической жизни европейского континента, немедленно начали развернутое контрнаступление. Командовал ими... Черчилль. На совещании английских пропагандистов в министерстве информации, состоявшемся в Лондоне в

конце мая или в начале июня 1945 года, друг и ближайший политический соратник Черчилля — Брендан Брэкен указывал:

— Период русской славы закончился[1]. Задача заключается в том, чтобы ликвидировать русскую популярность среди народов Европы и особенно среди народов Британского содружества наций.

По этой команде мощный аппарат английской пропаганды как внутри Британской империи, так и за ее пределами начал распространять традиционные антисоветские истории. Английские пропагандисты не очень утруждали свою фантазию: они перелицовывали старые, затасканные антисоветские жупелы, заимствовали кое-что у Геббельса, кое-что придумывали сами. Им было приказано вернуть рядовое население англосаксонских стран к тем извращенным представлениям о новой России и к антисоветскому недоброжелательству, которыми характеризовалась обстановка перед началом второй мировой войны. Свою задачу они выполняли как могли.

Честные англичане, помнившие, что подобная пропаганда облегчила в свое время мюнхенцам проведение их политики, завершившейся пожаром второй мировой войны, негодовали. Они возмущались реакционными маневрами консерваторов. В разговоре с нами, советскими людьми, они выражали уверенность, что новый парламент положит конец антисоветским происках и антисоветской пропаганде реакционных кругов Англии. Однако приход лейбористов к власти не изменил положения вещей. Антисоветская пропаганда как внутри страны, так и вне ее усилилась. В министерстве иностранных дел, возглавляемом лидером лейбористской партии Бэвином, появился новый департамент «внешней рекламы», ведающий пропагандой. Руководство им было поручено помощнику министра иностранных дел... Айвону Киркпатрику, тому самому Киркпатрику, который практически помогал

---

[1] В одной из своих речей Черчилль назвал период мировой войны, начавшийся с момента нападения гитлеровских орд на Советский Союз, «периодом русской славы».

Чемберлену осуществлять его мюнхенскую политику, сопровождая его во всех поездках к Гитлеру, и сам вел переговоры с Гессом. Усердие Киркпатрика было оценено: его повысили в чине.

В дни предвыборной кампании в Англии мне пришлось однажды вести долгий разговор с одним из левых лейбористов — кандидатом в парламент. Это был пожилой человек, многие годы работавший на дипломатической службе и поэтому хорошо знавший механику закулисных интриг. Он убедился в том, что дипломатия не столько сближает народы, сколько разъединяет их, часто толкая нации друг против друга, во имя интересов ничтожной группы крупных магнатов промышленности и финансов. Бросив дипломатическую службу, он стал проповедывать своего рода народную дипломатию. Он ратовал за установление взаимопонимания между самими народами. Вторая мировая война, по его словам, дала прекрасный образец такой дипломатии. Народы Европы создали без помощи дипломатов единый фронт борьбы против «завоевателей мира». Общие интересы в борьбе породили взаимопонимание, стерли языковые, этнические, культурные границы. Общие усилия увенчались победой над германским фашизмом, над теми, кто стремился к мировому господству.

Мой собеседник вспомнил обо всем этом, чтобы противопоставить недавнее единство народов в войне их разобщенности в дни мира. Реакционные клики снова приобрели слишком большой вес. Политический авантюризм всегда шел рука об руку с бессовестным гешефтмахерством: монополистические концерны рождались и расцветали именно в период международных смут и военных конфликтов. Поэтому лейбористский кандидат видел единственное спасение человечества в том, чтобы сами народы взяли в свои руки дело создания мира. Не капиталистические концерны или империалистические группы, а только народы по-настоящему заинтересованы в согласии и покое.

— Сами народы, и только они, должны решить

судьбы мира, — говорил он. — И я не сомневаюсь, что благородный пример советских людей будет вдохновлять их в борьбе за мир, как вдохновлял во время войны...

Через несколько недель он стал членом парламента. Перед своим отъездом в Москву я снова заглянул к нему, чтобы поздравить его с избранием в парламент.

— Передайте в Москве, — говорил он, провожая меня, — мы готовы драться за мир. Наступило время, когда честные люди, защищая дело мира против происков кучки алчных гешефтмахеров, должны проявить столько же смелости и самоотверженности, как и в дни войны. Нас, правда, не очень много, но на нашей стороне — Советский Союз и сердца матерей во всех частях света, поэтому воля народов к миру восторжествует. Как вы думаете?

Я не имел на этот счет ни малейших сомнений.

Копенгаген — Лондон — Нюрнберг
Май 1945 — май 1946

ОГЛАВЛЕНИЕ

В поисках второго фронта 5
Люди и цели 27
Время и кровь 69
На пороге четвертой республики 97
Пролом... в открытых воротах 119
«Внутренние враги» 139
Арденнское «представление» 156
Ожидание исхода 178
Марш через Рейн на Эльбу 198

Редактор Д. Данин

Художник В. О[illegible] Техн. редактор
[illegible] Подписано к пе-
[illegible]4. Уч.-изд. л.
[illegible]ж 15000. Цена
[illegible]ография № 3
[illegible]и полиграфии
[illegible]овета

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
33	9 св.	Ли Мэлорри	Ли Мэллори	типогр.
67	5 „	описывать долги	списывать долги	типогр.
98	4 сн.	Но тот раз	На этот раз	коррект.
214	9 св.	Блюмен-стритта	Блюмен-тритта	коррект.
Слово		Шейф во всех случаях	Шэйф	типогр.

Д. Краминов, „Второй фронт"

ОГЛАВЛЕНИЕ

В поисках второго фронта 5
Люди и цели 27
Время и кровь . . . .
На пороге четвертой респ
Пролом . . . в открытых вор
«Внутренние враги» . .
Арденнское «представлени
Ожидание исхода . . .
Марш через Рейн на Элы

Редактор Д. Данин

Художник В. Оффман. Техн. редактор Р. Сквирская. А08311. Подписано к печати 17/XII-47 г. Печ. л. 14. Уч.-изд. л. 10,58. Авт. л. 10,22. Тираж 15000. Цена 6 руб. Зак. № 1696. Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета